Годъ 1. Февраль 1912 г. № 4-й.

Сибирскій Архивъ.

Журналъ археологіи, исторіи и этнографіи Сибири.

ИРКУТСКЪ.
Эл.-тип. Т-ва „М. П. Окуневъ и К°“.
1912 г.

Редакторъ-издатель *А. Лихъковъ.*

Оглавленіе №-ра 4.

Стран.

1. **С. Х. Бейлинъ.** Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ . . . . . 215.
2. **А. Линьковъ.** Дѣятели по народному образованію въ Сибири . . . . . 224.
3. **М. Овчинниковъ.** Матеріалы къ исторіи декабристовъ . . . . . 124.
4. **А. Ермолаевъ.** Къ археологіи окрестностей г. Канска, Енисейской губ. . . . . 237.
5. **М. Овчинниковъ.** Изъ жизни Н. Г. Чернышевскаго . . . . . 243.
6. **Б. Кубаловъ.** Иркутское общество и милиція 1807 года . . . . . 252.
7. Разбойникъ Алифановъ. 263
8. **И. И. Серебренниковъ.** О старинныхъ домахъ и церквахъ въ Иркутской губерніи . . . . 273.
9. Учительскій вечеръ въ г. Иркутскѣ. . . . 295.
10. Береговыя укрѣпленія р. Ангары . . . . 306.
13. **Д. Гагаринъ.** Десятилѣтіе Иркутскаго церковнаго Братства во имя Святителя Иннокентія. 309.
12. Странный концертъ. . . . . 318.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СИБИРСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. (1)

Пословицы и поговорки сибирскихъ евреевъ, какъ и русскихъ и польскихъ евреевъ, кратки мѣтки, выразительны и въ большинствѣ настолько удобопонятны, что не нуждаются ни въ какихъ объясненіяхъ.

Но есть между ними и такія, которыя безъ объясненій не понятны или, по крайней мѣрѣ, не ясны, какъ напримѣръ, поговорки и пословицы, связанныя съ какими-нибудь мѣстными событіями или бытовыми явленіями. Безъ объясненія источника онѣ теряютъ свой смыслъ, всю соль.

---

(1). Трудно повѣрить, что въ Сибири преимущественно въ торговопромышленныхъ и культурныхъ центрахъ ея, какъ, напримѣръ, въ Иркутскѣ, Читѣ, Томскѣ, Омскѣ и другихъ городахъ, несмотря на отдаленность ихъ отъ городовъ и мѣстечекъ черты еврейской осѣдлости, изучающій еврейскій фольклоръ найдетъ массу благодарнаго матеріала по еврейскому народному творчеству. Въ разговорѣ съ сибирскими евреями на русскомъ или еврейско-нѣмецкомъ языкахъ услышите отъ нихъ очень часто образную и мѣткую еврейскую поговорку и пословицу и чисто народный анекдотъ или шутку, не хуже, чѣмъ въ любомъ еврейскомъ центрѣ черты осѣдлости.

Объясняется это тѣмъ, что сибирскіе евреи, какъ ссыльные,—это все пришлый элементъ,—всѣ они—выходцы—изъ разныхъ губерній и областей Европейской Россіи.

Здѣсь, въ Сибири скорѣе, чѣмъ въ любомъ городѣ черты еврейской осѣдлости, столкнетесь подчасъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ съ разными евреями: польскими, литовскими, бѣлорусскими, полѣсскими, курляндскими, южнорусскими, волынскими, евреями прусской, австрійской и румынской границъ и даже кавказскими и средне-азіатскими.

Всѣ они, по народной чертѣ своей, благодаря подвижности и живости ума своего, пересыпаютъ рѣчь мѣткими и характерными шутками и анекдотами, пословицами и

Встрѣчаются, наконецъ, у сибирскихъ евреевъ, какъ и у евреевъ Литвы и Бѣлоруссіи,такія народныя пословицы и поговорки, такъ называемыя крылатыя словечки, которыя обязательно сопровождаются болѣе или менѣе остроумными анекдотами и шутками. Пословицы и поговорки этого рода представляютъ двойную цѣнность, такъ какъ въ нихъ соче-

---

поговорками, какъ и прочіе евреи любого центра черты еврейской осѣдлости съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ.

Что же касается мѣстныхъ уроженцевъ, такъ называемыхъ **«коренныхъ сибиряковъ-евреевъ»**, **то они восходятъ** (въ отношеніи продолжительности жительства въ Сибири ихъ предковъ) не ранѣе какъ къ 6-му—7-му поколѣнію. Такъ напримѣръ, первое поселеніе евреевъ въ Иркутскомъ округѣ (уѣздѣ) и ближайшихъ окрестностяхъ его относится по наведеннымъ мною справкамъ отъ преклонныхъ стариковъ,—мѣстныхъ евреевъ, родившихся уже здѣсь въ Сибири, и помнящихъ своихъ дѣдовъ,—**первыхъ поселенцевъ-евреевъ въ Сибири**,—или по разсказамъ о нихъ, къ послѣдней четверти 18 стол., приблизительно къ **срединѣ 1780-ыхъ годовъ.**

Кромѣ того на сибирскихъ евреяхъ сказывается обычное и то же самое явленіе, что и на семейскихъ старообрядческихъ крестьянахъ: поселившіеся вольно или невольно въ глубокой и глухой Сибири, евреи, будучи удалены отъ тѣхъ новыхъ элементовъ и факторовъ, сильно вліявшихъ впослѣдствіи въ Европейской Россіи на весь укладъ еврейской жизни, (какъ напримѣръ, еврейско-нѣмецкое просвѣтительное движеніе, а потомъ и русское и многое другое) **сохранили**, именно въ этой далекой и глухой Сибири,—будучи оторваны отъ всего еврейскаго міра,**очень крѣпко** и любовно передали своимъ потомкамъ, какъ святыню и дорогую память о родныхъ и родинѣ, вынесенные ими народные обычаи, религіозные обряды, пословицы, поговорки, шутки, анекдоты—даже и пѣсни изъ далекой родины своей—Литвы, Бѣлоруссіи, Польши и т. п., и потому подчасъ удается услышать въ глухой сибирской мѣстности изъ устъ „коренного“ сибирскаго еврея сверхъ ожиданія очень мѣткій старинный оборотъ еврейско-немѣцкой рѣчи или характерную пословицу и поговорку, а также и шутку, какъ и анекдотъ характери-

тается народный юморъ съ народною мудростью. Онѣ прежде всего характеризуютъ тотъ кругъ, въ которомъ онѣ популярны и гдѣ ими такъ восхищаются.

Нѣсколько образчиковъ народныхъ поговорокъ и пословицъ сибирскихъ евреевъ 2-го и 3-яго рода предлагаю вниманію читателей.

1.

Гашовасъ авейдо гизъ а мицве, унъ ганвенень гизъ майнъ парносе. (2).

Возвращеніе утерянной вещи владѣльцу—дѣло богоугодное, красть-же—это моя профессія.

Подобною поговоркою сибирскіе, какъ и литовскіе евреи высмѣиваютъ или же характеризируютъ тѣ загадочныя натуры, у которыхъ одновременно, бокъ-о-бокъ уживаются возвышенный идеализмъ съ грубымъ матеріализмомъ, безкорыстіе съ жадностью, честность съ подлостью и т. д. Для вящей убѣдительности, эта поговорка сопровождается слѣдующимъ анекдотомъ.

Одинъ еврей потерялъ значительную сумму денегъ; ее нашелъ другой еврей и, узнавъ, кто потерялъ деньги, отыскалъ его и вернулъ ихъ ему въ цѣлости и полной сохранности. и даже отказался отъ предложеннаго ему вознагражденія, такъ какъ за богоугодное, или доброе дѣло не слѣдуетъ получать благодарности въ какой бы то ни было формѣ. Вернувъ находку ея владѣльцу и бесѣдуя съ нимъ, нашедшій тутъ-же и ук-

---

стику, которые уже рѣдко услышишь даже въ центрѣ черты еврейской осѣдлости.

Въ этомъ отношеніи (еврейско-фольклористическомъ) Сибирь уподобляется Сѣверной Америкѣ, куда въ послѣдніе 30 лѣтъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, переселилось свыше 1½ милліона русскихъ и польскихъ евреевъ.

Вотъ почему мнѣ удалось въ Иркутскѣ и его окрестностяхъ, такъ далеко отдаленныхъ отъ городовъ и мѣстечекъ черты еврейской осѣдлости, записать изъ устъ народа—мѣстныхъ евреевъ, постоянныхъ жителей и пріѣзжихъ,—а также при подходящихъ случаяхъ и вспоминать массу образцовъ еврейскаго народнаго творчества, не хуже чѣмъ въ любомъ еврейскомъ центрѣ.

(2). Передаю текстъ въ произношеніи литовскихъ евреевъ, каковымъ діалектомъ говоритъ большинство сибирскихъ евреевъ.

ралъ ее у него, но былъ сразу же пойманъ на мѣстѣ. И когда окружающіе выразили вору свое крайнее недоумѣніе по поводу одновременнаго совершенія имъ такихъ крайне противоположныхъ поступковъ, тотъ, ничуть не смущаясь, отвѣтилъ:

—Возвращеніе утерянной вещи ея владѣльцу—доброе дѣло, красть-же это моя профессія.

2.

А нарръ—фунъ бодъ аройсъ! восъ изъ денъ майнъ дайеръ кинъ драйеръ нитъ.

Дурачье, вонъ изъ бани!—Да развѣ мой алтынъ—не деньги?

Такъ польскіе и литовскіе евреи характеризуютъ тѣхъ недалекихъ людей, которые, по наивности своей, публично расписываются въ полученіи пощечины. Поговорка иллюстрируется слѣдующимъ анекдотомъ.

Нѣкто, шутки ради, крикнулъ въ банѣ во время общаго купанія: „Кто дуракъ, тотъ пусть вонъ выйдетъ изъ бани“! не обращаясь собственно ни къ кому изъ купавшихся въ особенности.—И вотъ выскакиваетъ одинъ верзила и обидчивымъ голосомъ, чуть-ли не плача, заявляетъ: “Да развѣ мой алтынъ—не деньги?“ чѣмъ, конечно, къ общему смѣху, и выдалъ себя головой....

3

Я самъ сапожникъ. (4).

Подобною поговоркою сибирскіе, какъ и литовскіе евреи, характеризуютъ, или же зло высмѣиваютъ тѣхъ нахальныхъ и невѣжественныхъ людей, которые берутся трактовать о предметѣ, о которомъ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія и потому сильно завираются до смѣшного, до наглости.

Подтверждается эта поговорка слѣдующимъ анекдотомъ.

Солдатъ,—изъ русскихъ мужичковъ коренныхъ россійскихъ губерній,—совсѣмъ незнакомый съ евреями и еврейскимъ бытомъ, предлагаетъ на продажу на базарѣ въ еврейскомъ мѣстечкѣ, гдѣ стоитъ его полкъ, „пару тфилинъ“. (5)

---

(4). Слыхалъ въ дѣтствѣ въ 1860-хъ годахъ въ г. Новогрудкѣ Минск. губ. и недавно въ г. Иркутскѣ отъ мѣстнаго духовнаго раввина г. Машевицкаго.

(5). Священный предметъ еврейскаго молитвеннаго облаченія, сдѣланный изъ кожи и пергамента, со спеціальными каллиграфически напи анными отъ руки выдержками изъ Пятикнижія Моисея.

Когда окружившіе его евреи, заподозривъ его въ кражѣ этихъ тфилинъ, стали его разспрашивать, гдѣ и какимъ образомъ онъ ихъ досталъ, онъ имъ отвѣтилъ: „*Да вѣдь я самъ—сапожникъ*“, *принимая тфилинъ ни болѣе и не менѣе*, какъ за издѣліе *сапожнаго* мастера.

4.

Е,е,ихъ бинъ эйхъ а бондеръ. (4.)

Такъ, такъ, и я,—бондарь (бездарность).

Такъ высмѣиваютъ сибирскіе, какъ и литовскіе евреи бездарныхъ выскочекъ, думающихъ стяжать себѣ лавры не талантомъ и знаніемъ дѣла, а шумомъ, крикомъ и эффектомъ.

Подкрѣпляется эта поговорка слѣдующимъ анекдотомъ:

Въ одной синагогѣ какой-то пріѣзжій канторъ съ большими претензіями и очень высокаго мнѣнія о своемъ голосѣ и музыкальныхъ способностяхъ, желая во время богослуженія удивить своихъ слушателей, страшно кривлялся, драль горло и использовалъ всѣ пріемы самаго отрицательнаго свойства бездарныхъ выскочекъ изъ неудачныхъ пѣвцовъ. Окончивъ молитву, весь облитый потомъ, какъ бы послѣ какой-либо тяжелой физической работы, пыхтя и отдуваясь, онъ самодовольно осматривалъ публику, ожидая себѣ похвалы или выраженія сочувствія.

И вотъ подсаживается къ нему одинъ еврей (мѣстный шутникъ) и, вздыхая, произноситъ, какъ бы сочувственно

— Ахъ, нашъ горькій хлѣбъ!

— Что, и вы—хазанъ?—спрашиваетъ его нашъ канторъ.

— Да, да и я—бондарь!

5.

Азъ (веннъ) светъ зайнъ деръ зеклъ митъ ди гелтъ, велъ ихъ дамолдъ трахтнъ ви цутонъ.

Когда мѣшокъ съ золотомъ окажется на мѣстѣ, тогда и подумаю, какъ мнѣ поступить.

Къ этой поговоркѣ прибѣгаютъ, когда не желаютъ дать прямой отвѣтъ на вопросъ, поставленный ребромъ, и отдѣлываются слѣдующимъ анекдотомъ.

Одинъ богатый еврей, желая подыскать для своей дочери достойнаго жениха ученаго и способнаго юношу, обратился къ одному знакомому рошъ іешивы (ректору талмудической школы) съ просьбой рекомендовать ему такого молодого человѣка. Рошъ іешива отрекомендовалъ ему трехъ одинаково достойныхъ кандидатовъ,—многообѣщающихъ и даровитыхъ бахуровъ (6) на выборъ. И вотъ будущій тесть при-

(6). Молодыхъ людей-буршовъ.

гласилъ этихъ юношей къ себѣ и бесѣдуя съ ними за стаканомъ чаю, желая ихъ испытать, задаетъ одному изъ нихъ слѣдующій вопросъ:

— Какъ бы ты поступилъ, бохерлъ, еслибъ ты нашелъ въ субботу мѣшокъ съ золотомъ?

Юноша, не долго думая, прямо заявляетъ, что, не желая нарушить святости субботы, онъ прошелъ бы мимо, не дотронувшись до мѣшка (7), какъ бы ни въ чемъ не бывало: на то—святая суббота.

— Ты шлимазальникъ, (8)—замѣтилъ ему какъ бы недовольнымъ тономъ отецъ невѣсты.

— Ну, что бы ты сдѣлалъ въ подобномъ случаѣ?—спрашиваетъ онъ второго юношу.

—Я, бы, конечно, воспользовался рѣдкимъ случаемъ: поднялъ бы мѣшокъ и унесъ его къ себѣ домой: не всегда же вѣдь такіе случаи бываютъ.

—Ты апикойресъ (9),—замѣтилъ ему тѣмъ же тономъ отецъ невѣсты.

И вотъ онъ обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ третьему юношѣ.

— Какъ тутъ быть?

Задумался нашъ юноша: поднять—скверно, не поднять—тоже скверно.—И послѣ нѣкотораго раздумья молодой человѣкъ отвѣтилъ съ улыбкою: „О чемъ сейчасъ и говорить, дяденька: пусть только окажется подобный мѣшокъ съ золотомъ, тогда и подумаю, какъ поступить“. (10).

6.

Азъ ду вейстъ, то восъ—зе фрегсте.

Разъ ты самъ это знаешь, чего же ты спрашиваешь ещ;е

Подобную поговорку произносятъ съ укоризною въ такомъ смыслѣ: не терзай меня излишними разспросами: ты самъ вѣдь лучше меня знаешь!

Иллюстраціею или комментировкою къ подобной поговоркѣ служитъ слѣдующій анекдотъ.

Одинъ ieшувникъ—деревенскій еврей (олицетвореніе грубости и невѣжества), приступая къ совершенію „седера“

(7). Въ субботу держать деньги, какъ и всякіе будничные предметы, возбраняется евреямъ.

(8). Непрактичный человѣкъ, неудачникъ, человѣкъ не отъ міра сего.

(9) Вольнодумецъ, еретикъ, эпикуреецъ.

(10). Слыхалъ отъ двоюроднаго брата моего,—покойнаго Григорія Хаимовича Рубинштейна въ Царскомъ Селѣ въ 1880-ыхъ годахъ.

(чина или обряда пасхальной вечери), не зналъ подробно какъ совершать его. И вотъ онъ посылаетъ свою жену къ сосѣду присмотрѣться, какъ тотъ совершаетъ обрядъ, и затѣмъ пересказать ему подробности. Подсматривая подъ окномъ, она видитъ, что сосѣдъ бьетъ свою жену. Принимая это, въ простотѣ душевной, за необходимую часть настоящаго пасхальнаго обряда, опечаленная женщина вернулась домой и молча сѣла на свое мѣсто. Сталъ мужъ ее разспрашивать, но она хранитъ упорно молчаніе. Разсердился нашъ іешувникъ на жену свою и сталъ бить ее, по чемъ попало. Тогда бѣдная женщина, обливаясь слезами, воскликнула:

—Разъ ты самъ знаешь порядокъ, зачѣмъ же и спрашиваешь (11).

7.

Бай гайнтике Битере цайтнъ изъ бонимъ ейхъ а макке

Въ настоящее (трудное) время дѣти—тоже наказанье Божье (казнь египетская).

Эта поговорка характеризуетъ трудность воспитыванія дѣтей, а также и непочтительность ихъ къ родителямъ, и подкрѣпляется слѣдующимъ анекдотомъ.

Подслѣповатый старикъ и малограмотный еврей, читая пасхальную агаду (сказаніе объ исходѣ евреевъ изъ Египта въ пасхальный вечеръ), при исчисленіи десяти египетскихъ казней, которыми Господь наказалъ египтянъ, прочелъ невѣрно бонимъ (дѣти) вмѣсто киним (песьи мошки), замѣнивъ по ошибкѣ еврейскую букву к весьма похожею на нее буквою б. Когда ему замѣтили его ошибку, онъ сказалъ:

—Разница небольшая: въ настоящее трудное время бонимъ-(дѣти) тоже порядочная макке—казнь египетская.

8.

Ви плацтъ нитъ ди галъ?! Зи изъ шейнъ лайнгъ гиплацтъ!

Какъ это у васъ не разливается желчь?!—Она уже давно разлилась!

Такъ намъ отвѣчаютъ на выражаемое нами удивленіе по поводу наносимой кому-нибудь кровной обиды или творимой вопіющей несправедливости, когда ее переносятъ со стоическимъ терпѣніемъ или рѣдкимъ смиреніемъ.

Эта поговорка сопровождается слѣдующимъ горькимъ анекдотомъ.

---

(11) Сообщилъ въ Иркутскѣ солдатикъ 25 сибирскаго стр. полка Исаакъ Мордуховъ Перецъ, урожен. Могилевской губерніи.

Одинъ негодяй отпустилъ своему отцу, почтенному и уважаемому старцу, на виду при всѣхъ пощечину, а бѣдный отецъ, скрѣпя сердце, стоитъ себѣ и горько улыбается, какъ истый философъ-стоикъ.

Всѣ такъ и ахнули, видя такое оскорбленіе со стороны сына въ отношеніи къ своему отцу, но еще больше удивились такому непонятному спокойствію и самообладанію со стороны оскорбленнаго отца и воскликнули:

— Господи, какъ это у васъ не разливается желчь отъ досады и обиды!

На это старикъ—отецъ отвѣтилъ съ горькою усмѣшкою:

— Увы, желчь давно уже разлилась!

Дѣло въ томъ, что этотъ "примѣрный" сынокъ оскорбляетъ отца не впервые, много лѣтъ подрядъ, были даже случаи почище этого: сердце уже черезчуръ изболѣлось у несчастнаго отца, такъ что оно стало малочувствительнымъ ко всякаго рода оскорбленіямъ и обидамъ,—оно какъ бы давно замерло.

9.

Хазиръ горъ изъ а гуте парносе (схейро), норъ алейнъ райснъ ди горъ фунъ хазеръ изъ а млохе бзуе.

Щетина—ходкій и прибыльный товаръ, но самому рвать ее отъ свиньи дѣло неподходящее—крайне унизительное.

Такъ отнѣкиваются бѣлорусскіе евреи, когда имъ предлагаютъ, хотя и прибыльное, но зато унизительное дѣло.

Происхожденіе этой поговорки объяснили мнѣ слѣдующимъ случаемъ.

Въ одномъ мѣстечкѣ предложили вновь избранному раввину, вмѣсто жалованья изъ общественной кассы, самому обходить еженедѣльно мѣстечковыхъ обывателей съ раскладочнымъ листомъ и лично собирать съ нихъ слѣдуемое.

Понявъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и не соглашаясь на подобное унизительное условіе, раввинъ объяснилъ причину непріемлемости подобнаго предложенія слѣдующею шуткою: „Хотя щетина—ходкій и прибыльный товаръ, но самому рвать ее отъ свиньи—дѣло унизительное и мучительное".

10.

Эръ крейтъ имъ нохъ.

Онъ кукурекаетъ за нимъ, т. е. онъ подражаетъ, ему поддѣлывается подъ чужой ладъ, поетъ другому въ унисонъ, съ заднею мыслью.

Такъ выражаются о человѣкѣ, поддѣлывающемся подъ чужой глупый ладъ, подъ ладъ другого, но не съ корыстною цѣлью, а чтобъ войти въ довѣріе, пользуясь которымъ, мож-

но было бы отучить его отъ вредныхъ привычекъ и поступковъ.

Объясняютъ эту поговорку слѣдующимъ характернымъ анекдотомъ.

У нѣкоторыхъ очень почтенныхъ родителей помѣшался сынъ на томъ, что онъ будто мастерски умѣетъ подражать пѣтушиному крику и, чтобы удивить міръ своимъ искусствомъ, онъ взбирался каждую субботу послѣ „шалешъ судесъ“—(третьей субботней трапезы), когда обыватели мѣстечка, по обыкновенію, разгуливаютъ по улицѣ, на крышу своего дома и заливался пѣтухомъ на всѣ лады. Отчаянію родителей не было конца: объѣздили они со своимъ помѣшаннымъ сыномъ лучшихъ врачей, „добрыхъ евреевъ“ (раввиновъ чудотворцевъ), бааль-шемовъ—каббалистовъ (еврейскихъ знахарей) и даже „кедоримъ“ (татаръ-знахарей), однако ничто не помогало.

Но вотъ нашелся одинъ молодецъ, который и взялся отучить, излѣчить нашего помѣшаннаго отъ его idee fixe слѣдующимъ способомъ: онъ самъ взбирался каждый разъ на сосѣднюю крышу въ то время, когда больной, бывало, заливается пѣтухомъ, и кукерекалъ за нимъ съ не меньшимъ искусствомъ.

Такимъ образомъ послѣ нѣсколькихъ подобныхъ концертовъ завязалось между нашими артистами знакомство, перешедшее, конечно, въ скоромъ времени въ тѣсную дружбу, какъ между двумя даровитыми артистами-коллегами.—И стали они себѣ пѣть пѣтухами на одной общей крышѣ нѣсколько времени подрядъ. Однажды здоровый товарищъ-артистъ замѣтилъ своему больному коллегѣ, что гораздо удобнѣе было бы пѣть не на крышѣ, а въ своей квартирѣ у раскрытаго окна: все равно вѣдь ихъ слушаютъ всѣ съ большимъ удовольствіемъ и неослабнымъ вниманіемъ. Больной согласился. Черезъ нѣсколько времени послѣ блестящаго концерта, даннаго ими у раскрытыхъ оконъ своей квартиры передъ большою толпою народа, здоровый сказалъ своему больному товарищу:

— Я думаю, что „весь міръ“ убѣдился уже въ нашемъ талантѣ, зачѣмъ же намъ понапрасну драть горло: будетъ уже пѣть пѣтухами!

— На это больной вполнѣ согласился.—И такимъ образомъ онъ излѣчился, благодаря находчивости нашего молодца, отъ предмета своего помѣшательства.

(Продолженіе будетъ).

Обществ. раввинъ С. Х. Бейлинъ.

ДѢЯТЕЛИ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ ВЪ СИБИРИ.

Въ 1873 году посѣтилъ Сибирь Е. И. В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Это посѣщеніе было ознаменовано цѣлымъ рядомъ пожертвованій и учрежденій благотворительнаго и просвѣтительнаго характера.

Забайкалецъ-крестьянинъ Никита Власовъ обратился къ Великому Князю съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Ваше Императорское Высочество, Благовѣрный Государь и Великій Князь Алексѣй Александровичъ, удостойте милостиваго Вашего воззрѣнія выразить вѣрноподданническія чувства и преданность.

вѣрноподданному крестьянину Забайкальской области, Ильинской волости, Никитѣ Власову.

Съ избранія на всероссійское царство Михаила Ѳедоровича Романова протекло уже 270 лѣтъ и до сего времени еще никто изъ Царственныхъ Особъ нашего Августѣйшаго Дома не посѣщалъ ни предковъ нашихъ, ни насъ, живущихъ въ Восточной Сибири. Только нынѣ, по милосердію Божію, мы удостоились счастія встрѣтить В. И. В., какъ дорогого и незабвеннаго гостя, идущаго къ намъ съ Дальняго Востока.

Благословенъ Грядый во имя Господне!

Ты, Благовѣрный Государь и Великій Князь Алексѣй Александровичъ, своимъ къ намъ посѣщеніемъ первый доставилъ возможность милліонамъ людей, здѣсь въ Сибири живущимъ, предстать предъ Тобою и отъ умиленія чувства приносить Всевышнему Творцу теплыя молитвы о здравіи и долгодействіи нашего Царя Монарха Александра Николаевича, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны, за Тебя, Благовѣрный Князь и весь Царствующій Домъ.

Твое, Великій Князь, къ намъ посѣщеніе останется надолго, долго памятнымъ для насъ. Пройдутъ цѣлые вѣка, а имя Твое все еще будетъ передаваться намъ изъ рода въ родъ, какъ драгоцѣнная святыня!

Позволь, Великій Князь, черезъ Тебя, при настоящемъ случаѣ, выразить нашу вѣрноподданническую преданность Царю Монарху Александру Николаевичу и Вашему Императорскому Высочеству, ибо мы, сибиряки, хотя и отдалены на огромное пространство отъ подножія всероссійскаго Престола, но, всегда сознавая священный долгъ свой, тѣмъ еще преданнѣе и усерднѣе готовы во всемъ быть всегда вѣрными сынами Царю, Престолу и Отечеству.

А для того, чтобы увѣковѣчить Твое, Великій Князь, посѣщеніе здѣшняго края Твоимъ дорогимъ для насъ именемъ, я, въ свою очередь, изъявляю искреннее желаніе построить на свой счетъ училище для обученія инородческихъ мальчиковъ русской грамотѣ за Байкаломъ, на Часовенскомъ островѣ, среди инородческихъ населеній при Часовенской Вознесенской церкви, воздвигнутой мной въ память спасенія драгоцѣнной жизни Государя Императора въ Парижѣ.—а потому осмѣливаюсь испросить на это милостиваго изволенія наименовать училище это именемъ В. И. Высочества".

Желаніе Н. Власова было удовлетворено.

И. д. инспектора училищъ Якутской области П. Остроумовъ извѣщалъ учебное начальство отъ 23 января 1874 года:

6 января 1874 года, въ 11 ч. утра, послѣ молебствія съ водосвященіемъ, въ присутствіи окружного исправника, головы и другихъ почетныхъ инородцевъ, открыта въ Западно-Кангаласскомъ улусѣ школа съ пансіономъ на 5 человѣкъ; всѣхъ же мальчиковъ собрано 20 человѣкъ.

Зданіе школы по своему удобству и прекрасной распланировкѣ можетъ считаться образцовымъ въ Якутской области. Инородецъ Павловъ 2-й, выстроившій домъ на свой счетъ, обязался содержать пансіонеровъ въ теченіе десяти лѣтъ.

Почетный блюститель школы Александръ Гермогеновъ обязался вносить на нужды школы 300 рублей ежегодно, а другой почетный блюститель Василій Аѳанасьевъ 1-й обязался вносить на нужды школы по 100 рублей въ годъ.

Въ тотъ же день, въ 5½ час. дня, при той же обстановкѣ открыта школа и въ Восточно-Кангаласскомъ улусѣ. Мальчиковъ собрано 16 человѣкъ. Зданіе вполнѣ удобно, „лучшаго помѣщенія и требовать нельзя". Училище построено инородцемъ Соловьевымъ и обошлось до 2 тысячъ рублей. Открытіе школы было вполнѣ праздникомъ для инородцевъ, которые не могли налюбоваться удобствомъ и расположеніемъ комнатъ. Чувство признательности выразилось въ общей благодарности къ строителю инородцу Соловьеву."

Киренскій 2-й гильдіи купецъ Нератовъ въ 1872 году пожертвовалъ Киренскому уѣздному училищу 2000 рублей деньгами и на 329 рублей лѣса. Въ общемъ, этимъ купцомъ училищу было пожертвовано на 8151 руб. 50 коп. ассигнаціями. Учебное начальство ходатайствовало о награжденіи

кунца Неартова золотой медалью, но награжденъ былъ онъ серебряною съ надписью „за усердіе“ для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ.

Пожертвованія Нератовымъ сдѣланы на ремонтъ и постройку зданій училища.

---

25 февраля 1874 года Минусинское городское общество, находя, что жалованье 200 рублей въ годъ при 25 р. квартирныхъ для семейнаго человѣка „весьма ограничено“, „кромѣ того, постоянное увеличеніе поступленія въ училище для обученія мальчиковъ требуетъ со стороны учителя болѣе усиленнаго труда“, а учитель Минусинскаго приходскаго училища „Ѳедоръ Третьяковъ по дѣятельности своей заслуживаетъ поощренія“,—постановило увеличить жалованье Третьякову до 300 рублей въ годъ при 25 р. квартирныхъ.

Начальница Енисейской женской прогимназіи Александра Томашинская писала главному инспектору училищъ Восточной Сибири отъ 17 февраля 1875 года:

„Интересы ввѣренной мнѣ женской прогимназіи заставляютъ меня обратиться къ вашему превосходительству съ всенокорнѣйшей просьбой сдѣлать должное распоряженіе о прекращеніи зла, которое происходитъ отъ того, что въ Енисейскѣ безчисленное множество преподавательницъ безъ правъ, которыя даже не умѣютъ правильно писать. Такъ, напр., дочь дьякона Марія Сем—лова держитъ школу въ 20 дѣвочекъ, не имѣя къ тому никакой необходимости, потому что отецъ Сем—ловой далеко не бѣдный человѣкъ. Нравственность этой преподавательницы до того порочна, что, къ сожалѣнію, невозможно даже думать, чтобы изъ ея воспитанницъ, хоть одна, вышла порядочная дѣвушка. Зараза ея взглядовъ и направленія положительно переходитъ къ дѣтямъ, такъ что ея воспитанницы вносятъ испорченность въ заведеніе и мнѣ приходится съ ними много труда. Г. штатный смотритель нѣсколько разъ прибѣгалъ къ кроткимъ мѣрамъ и просилъ Сем—лову прекратить уроки, но мѣры эти не помогаютъ.

Мелочной грошевый разсчетъ заставляетъ родителей прибѣгать къ такимъ госпожамъ, а отъ этого происходитъ видимый вредъ дѣтямъ и непомѣрный трудъ прогимназіи, которой приходится переучивать и перевоспитывать молодое поколѣніе“.

Инспекторъ училищъ Забайкальской области баронъ Майдель аттестовалъ (отъ 24 ноября 1876 года):

„Хорунжій Сергѣй Михайловичъ Игумновъ изъявилъ въ 1873 году готовность принять должность почетнаго блюстителя русско-монгольской школы и обязался вносить ежегодно по 60 рублей въ пользу школы. Со дня утвержденія г. Игумнова въ званіи почетнаго блюстителя онъ принялъ дѣятельное и въ высшей степени полезное участіе въ благоустройствѣ школы, и, если хозяйственное положеніе заведенія въ послѣднее время значительно улучшилось, то это слѣдуетъ приписать почти исключительно заботливости г. Игумнова, такъ какъ я, живя въ разстояніи почти 600 верстъ отъ г. Селенгинска, не имѣю возможности посѣщать школу болѣе одного или двухъ разъ въ годъ. Но въ особенности школа обязана г. Игумнову тѣмъ, что постройка флигеля и капитальный ремонтъ главнаго корпуса стоили заведенію не болѣе 1400 рублей и поэтому, по мнѣнію моему, г. Игумновъ вполнѣ достоинъ признательности училищнаго начальства".

Крестьянинъ Кудрявцевъ въ 187³/₄ учебномъ году построилъ для Ольхонскаго училища домъ, стоющій приблизительно 3000 рублей.

Почетнымъ блюстителемъ Красноярскаго 1 народнаго училища въ 1875 году былъ назначенъ красноярскій 2-й гильдіи купецъ Ѳома Леонтьевичъ Нейманъ, еврей. Ѳ. Нейманъ обязался не вмѣшиваться въ учебно-воспитательную часть училища, и ежегодно жертвовать на нужды его 150 рублей.

Нейманъ въ Красноярскѣ жилъ 6 лѣтъ; занимался казенными и частными подрядами и былъ агентомъ 2-го рос. страхового общества и московскаго об-ва коммерческаго кредита.

Якутскій казачій полкъ въ 1870-хъ годахъ имѣлъ пять школъ, на содержаніе которыхъ ассигновалъ такую скромную сумму, какъ 171 руб. 30 к.; впрочемъ изъ этого кредита нѣкоторыя школы иногда ничего не получали: напр., Вилюйская школа содержалась исключительно на 100 рублей, которые съ 1874 года жертвовали ежегодно купцы Голдобинъ и Домбровскій.

Учитель Нерчинскаго воскресенскаго приходскаго училища Луцкій—„недѣятельный и не опытный въ педагогическомъ

отношеніи": послѣ 3—4 лѣтъ его ученики не могутъ выдержать экзаменъ въ первый классъ уѣзднаго училища. (1875 годъ).

Учитель Уриковскаго сельскаго училища Михаилъ Калининъ одну десятую часть учебныхъ дней посѣщалъ классы да и въ эти дни „чрезвычайно равнодушно относился къ своимъ обязанностямъ". (1875 годъ).

Въ 1873 году при Иркутской женской гимназіи (нынѣ 1-я И. С. Хаминова) производились испытанія дѣвицъ на званіе учительницы приходскаго училища.

Александрѣ Ширяевой по ариѳметикѣ была дана задача: „въ 14 недѣляхъ. 5 сутках и 5 часахъ сколько секундъ?". Работа оцѣнена отмѣткой 4.

Т. Кочкина на тему по русскому языку „Нѣсколько словъ о городѣ Иркутскѣ" написала только (приводится дословно съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника):

„Въ Восточной Сибири главный городъ Иркутскъ находится на рѣкѣ Ангарѣ. Замѣчательный тѣмъ, что въ немъ находится мощи Святителя Иннокентія, и имѣетъ пребываніе Генералъ Губернаторъ Восточной Сибири. Изъ учебныхъ заведеній замѣчательны: мужская и женская гимназія. Духовная Семинарія. училище для дѣвицъ. Сиропитательное заведеніе. въ которомъ я обучалась и окончила курсъ".

Работа оцѣнена балломъ 4.

Въ Николаевскомъ женскомъ училищѣ въ 1870 году всѣ предметы преподавались лицами. служившими въ другихъ вѣдомствахъ и. слѣдовательно. занятыми своими прямыми обязанностями. Ученіе начиналось обыкновенно съ 2 часовъ дня. Каникулы бывали отъ 18 мая до 15 сентября.

Списокъ политическихъ преступниковъ (изъ поляковъ) занимавшихся въ 1870-хъ годахъ въ г. Иркутскѣ воспитаніемъ дѣтей. преподаваніемъ наукъ и обученіемъ дѣтей искусствамъ и мастерствамъ.

1, Феликсъ Зенковичъ.
Германъ Романовскій,
Аполлинарій Годмейстеръ,
Изидоръ Шабловскій,
Гавріилъ Богдановичъ,
Болеславъ Рудницкій.
Юліанъ Кендрусицкій,

Густавъ Попроцкій,
Викентій Климовичъ,
10, Францъ Мейбаумъ,
Адольфъ Мосальскій,
Іосифъ Калиновскій,
Владиміръ Липоманъ,
Святославъ Зборовскій,
Владиславъ Кржижановскій,
16, Юліанъ Воеводскій.

Въ силу распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 27 сентября 1868 года эти лица, какъ поляки, не допускались „ни къ какимъ должностямъ въ учебныя заведенія". Распоряженіе это относилось также и къ ихъ женамъ. Въ теченіе 7 лѣтъ, съ 1863 г., въ первомъ классѣ иркутскаго женскаго училища (нынѣ 1-я И. С. Хаминова гимназія) преподавала Юлія Протопопова, дочь ключаря мѣстнаго каѳедральнаго собора. По отзыву дирекціи училищъ Восточной Сибири, это—„уроженка и старожилка г. Иркутска, съ успѣхомъ занимается преподаваніемъ". Лѣтомъ 1869 года она, „ въ пожилыхъ лѣтахъ", вышла замужъ за Владислава Кржижановскаго, и вслѣдствіе этого должна была покинуть учебную службу.

На имя ген.-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова въ 1871 году поступила отъ министра народнаго просвѣщенія гр. Толстого бумага, въ которой, между прочимъ, говорилось:

„По Высочайшему повелѣнію сообщено министерству народнаго просвѣщенія, что, по частнымъ свѣдѣніямъ изъ Енисейска, образованіе дѣтей въ гимназіяхъ тамошняго края попало въ руки неопытныхъ нѣмцевъ, явилось недовѣріе къ Красноярской гимназіи: учителя разбѣжались по другимъ гимназіямъ, и теперь тамъ учитель русскаго языка —французъ, худо говорящій по русски; ученики тоже бѣгутъ въ другія учебныя заведенія.

Начальница женской гимназіи въ Красноярскѣ—хорошая женщина, хочетъ тоже оставить гимназію, чтобы избѣжать непріятныхъ отношеній съ гимназическимъ начальствомъ".

(Продолженіе будетъ).

А. Линьковъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

(Инструкція).

Государю Императору благоугодно было,—пишетъ начальникъ главнаго штаба 29 сентября 1826 г. иркутскому губернатору,—учредить при нерчинскихъ рудникахъ постъ коменданта для присмотра и содержанія сосланныхъ туда въ каторжную работу государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ. На сіе мѣсто опредѣленъ генералъ-маіоръ Ленарскій, который снабженъ особой Высочайше утвержденной инструкціей.

Его Величество, утвердивъ сію инструкцію и опредѣливъ обязанности коменданта, какъ въ отношеніи къ самимъ преступникамъ, такъ и женамъ ихъ, которыя бы пожелали жить вмѣстѣ съ ними въ острогѣ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить вашему превосходительству, къ зависящему отъ васъ распоряженію, слѣдующую Высочайшую волю:

1.

Какъ опредѣленные верховнымъ уголовнымъ судомъ, преступники должны получать содержаніе пищею и одеждою на томъ самомъ положеніи, какъ содержатся прочіе важные преступники, въ каторжную работу сосланные, то комендантъ при нерчинскихъ рудникахъ долженъ получать всѣ свѣдѣнія и постановленія чрезъ иркутскаго гражданскаго губернатора, какъ вообще на счетъ ссыльныхъ въ каторжную работу государственныхъ преступниковъ, такъ и въ особенности на счетъ содержанія ихъ, дабы сообразно установленнымъ правиламъ могъ требовать оное, откуда слѣдуетъ

2.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: бунтѣ каторжныхъ, или въ замыслахъ къ явному заговору, если мѣстной команды для отвращенія или укрощенія зла будетъ недостаточно, комендантъ имѣетъ право требовать помощи отъ ближайшаго гражданскаго начальства, которое, по требованію, обязывается давать ему всякую нужную помощь безъ малѣйшаго замедленія.

3.

Если кто изъ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ каторжныхъ преступниковъ сдѣлаетъ новое какое-либо преступленіе, таковыхъ по изслѣдованію предавать суду на общихъ правилахъ, для каторжныхъ существующихъ. При производствѣ въ такихъ случаяхъ слѣдствій, сверхъ гражданскаго и горнаго начальствъ, долженъ быть и со стороны военной депутатъ.

4.

Если крѣпостные люди, прибывшіе съ женами каторжныхъ преступниковъ, не пожелаютъ съ ними тамъ оставаться, таковыхъ комендантъ при нерчинскихъ рудникахъ имѣетъ право препроводить къ гражданскому губернатору для высылки въ подлежащія прежнія ихъ вотчины.

5.

Преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу, воспрещается вовсе писать и посылать отъ себя письма къ кому бы то ни было. Женамъ же ихъ, кои будутъ жить съ ними вмѣстѣ, въ острогѣ или отдѣльно отъ острога, позволяется отъ себя посылать письма къ родственникамъ ихъ и къ инымъ лицамъ, но таковыя письма должны они доставлять открытыя коменданту, который обязанъ препроводить къ иркутскому гражданскому губернатору, а сей послѣдній въ 3 отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

6.

Тѣ изъ преступниковъ, кои по приговору верховнаго уголовнаго суда сосылаются въ Сибирь на поселеніе, и жены при нихъ находящіяся могутъ также отъ себя посылать письма къ кому угодно. Но всѣ ихъ письма имѣютъ быть отсылаемы въ почтовыхъ конвертахъ, куда будутъ поданы и доставлены отъ почтмейстеровъ къ мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ, а сіи должны отправлять въ 3 отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи. Въ разсужденіи же тѣхъ писемъ простыхъ, а также съ деньгами и посылокъ кои будутъ слѣдовать изъ Россіи на имя осужденныхъ въ каторжную работу преступниковъ и ихъ женъ и на имя сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе, то по полученіи сихъ писемъ и посылокъ въ почтамтѣ, Сибирскій почтъ-директоръ, отдѣливъ ихъ отъ прочей корреспонденціи, обязанъ доставлять особенно къ тѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, гдѣ кто изъ адресатовъ находится: губернаторы же имѣютъ право раскрывать сіи письма, и тѣ изъ нихъ, въ коихъ не найдутъ ничего противнаго, доставлять по адресамъ къ преступникамъ, въ каторжной работѣ находящимся и ихъ женамъ, отсылая къ нему также письма съ деньгами и посылки а сосланнымъ на поселеніе простыя письма чрезъ почту, или какъ удобнѣе признаетъ, съ деньгами къ нимъ присланными поступать, какъ упомянуто ниже въ 8 п. Изъ вещей отправлять къ ссыльнымъ по адресамъ тѣ письма, кои не составляютъ большой цѣнности и могутъ служить къ пищѣ или отѣянію: цѣнныя же вещи возвращать обратно приславшимъ

оныя. Такія же письма, кои будутъ заключать въ себѣ какія либо неприличныя и непозволительныя выраженія, или содержаніе ихъ будетъ заслуживать вниманія правительства, губернаторы, не отсылая никуда по адресамъ, должны доставлять въ 3 отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

8.

Наблюденіе за каторжными преступниками и ихъ женами, дабы не могли привести съ собой или получать послѣ большихъ суммъ или цѣнныхъ вещей, возложено на коменданта при Нерчинскихъ рудникахъ. А дабы изъ числа сосланныхъ на поселеніе въ Сибирь, кои имѣютъ богатыхъ родственниковъ, но могли получать отъ нихъ большихъ денежныхъ суммъ, то для ограниченія въ семъ случаѣ, постановить за правило: что каждый изъ сосланныхъ, можетъ получать отъ родственниковъ на первое обзаведеніе не болѣе, какъ до 2000 р: а потомъ на содержаніе ежегодно не болѣе, какъ до 1000 р., но и сію сумму доставлять имъ не иначе, какъ чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, кои должны выдавать имъ оную помѣсячно, или какъ за удобное признаютъ.

9.

Если же между сосланными на поселеніе преступниками есть неимѣющіе достаточныхъ родственниковъ, и немогущіе получать отъ нихъ никакого вспомоществованія, то таковымъ давать отъ казны солдатскій наекъ и крестьянскую зимнюю и лѣтнюю одежду, по распоряженію мѣстнаго генералъ-губернатора.

Сообразно сему, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, я прошу ваше превосходительство дать подлежащее предписаніе всѣмъ гг. гражданскимъ губернаторамъ, для исполненія же онаго со стороны почтоваго вѣдомства сдѣлано отъ меня вмѣстѣ съ симъ отношеніе къ главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ.

Правила относительно женъ государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ въ каторжную работу.

1.

Жены сихъ преступниковъ сосланныхъ въ каторжную работу, слѣдуя за своими мужьями и продолжая супружескую связь, естественно сдѣлаются причастными ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, т. е. будутъ уже признаны не иначе, какъ жены ссыльно-каторжныхъ, дѣти которыхъ, прижитые въ Сибири, поступятъ въ казенные поселяне.

2.

Ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ взять имъ съ собой, какъ скоро отправятся въ нерчинскій край, дозволено быть не можетъ, ибо сіе не только воспрещается существующими правилами, но необходимо для собственной ихъ безопасности, какъ отправляются въ мѣста населенныя людьми на всякія преступленія готовыми, и, слѣдственно, могущими подвергнуться при провозѣ съ собой денегъ и вещей опаснымъ происшествіямъ.

3.

Изъ крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ ними, дозволяется слѣдовать за каждымъ только по одному человѣку, но и то изъ числа тѣхъ, кои добровольно на сіе согласятся, и дадутъ или подписку собственноручно, или, за неумѣніемъ грамоты, личныя показанія въ полномъ присутствіи губернскаго правленія, остальнымъ же предоставляется право возвратиться въ Россію.

4.

Если бы жены сихъ преступниковъ прибыли къ нимъ изъ Россіи съ намѣреніемъ раздѣлить участь своихъ мужей и пожелаютъ жить вмѣстѣ съ ними въ острогѣ, то сіе имъ позволяется, но тогда жены не должны имѣть при себѣ никакой прислуги, когда же онѣ будутъ жить отдѣльно отъ мужей, внѣ острога, въ такомъ случаѣ могутъ имѣть при себѣ услугу, но отнюдь не болѣе одного мужчины или одной женщины.

5.

Женамъ, пожелавшимъ жить внѣ острога, позволяется имѣть свиданія съ мужьями въ острогахъ чрезъ два дня одинъ разъ. Но всякое сношеніе женъ съ мужьями посредствомъ служителей острога воспрещается.

6.

Если крѣпостные люди, прибывшіе съ ихъ женами, не пожелали тамъ остаться, таковымъ позволить возвратиться въ Россію, но безъ дѣтей, ими въ Сибири прижитыхъ.

7.

Строго предписывается, чтобы преступники и ихъ жены не могли съ собою привезти, или получать послѣ отъ кого бы то ни было большихъ суммъ, или въ наличныхъ деньгахъ, или цѣнныхъ вещахъ, исключая только такой суммы, которая необходима только для ихъ содержанія, но и то не иначе, какъ только чрезъ коменданта, который будетъ выдавать имъ такое пособіе по частямъ, смотря по ихъ надобностямъ.

8.

Жены преступниковъ, какъ живущія въ острогѣ, такъ и внѣ онаго, могутъ посылать отъ себя письма, но не иначе, какъ отдавая открытыми коменданту, равно какъ и письма, на имя преступниковъ и ихъ женъ адресованныя, позволяется получать какъ тѣмъ, такъ и другимъ, но также не иначе какъ чрезъ коменданта. другимъ же образомъ всякаго рода косвенныя сношенія строго воспрещаются.

———"———

Инструкціи эти вырабатывались по Высочайшему повелѣнію особымъ комитетомъ въ Москвѣ, въ которомъ, между прочимъ, принимали участіе въ работахъ тайный совѣтникъ М. Сперанскій и графъ Бенкендорфъ. Такія инструкціи соотвѣтствовали взглядамъ и настроенію тогдашняго генералъ-губернатора Лавинскаго. Вотъ что пишетъ онъ графу Дибичу 3-го августа 1826 г.:

„1. Будетъ ли сдѣлано предписаніе мѣстнымъ властямъ объ образѣ обхожденія ихъ съ сими женами, т. е. считать ли ихъ въ прежнемъ быту, или же женами ссыльныхъ.

2. Слѣдуя за своими мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, они естественно дѣлаются причастными ихъ судьбѣ и теряютъ прежнее званіе, а прижитыя въ Сибири дѣти поступаютъ уже въ казенные крестьяне. Неизвѣстно, имѣютъ ли они о семъ понятіе и, если нѣтъ, то не должно ли имъ быть оное внушено, ибо многія, можетъ быть, рѣшаются ѣхать въ Сибирь не изъ любви и привязанности къ мужьямъ своимъ, но изъ пустого тщеславія, чтобы быть предметомъ разговоровъ и показать въ публикѣ, что пожертвовали для мужей собственнымъ своимъ благополучіемъ, но коль скоро мечтанія ихъ разсѣются объ ожидающей ихъ тамъ участи, то, можетъ быть, исчезнетъ охота къ выполненію необдуманнаго намѣренія.

3. Судя по состоянію, жены сіи могутъ имѣть большія деньги. Могущественная сила оныхъ въ краю бѣдномъ, населенномъ людьми буйными и развратными, можетъ имѣть вредное вліяніе и потому не невозможно ограничить ихъ въ привезѣ съ собою наличныхъ суммъ.

Если обстоятельства сіи уважительны, то не угодно ли будетъ, отбывшихъ уже женъ туда остановить въ Иркутскѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ. Сіи предлоги состоять могутъ въ затруднительномъ переѣздѣ черезъ Байкалъ—море въ осеннее время, въ мнимомъ недостаткѣ транспортныхъ судовъ, въ ненадежности таковыхъ, у торговыхъ людей состоящихъ, и въ прочихъ подобныхъ учтивостяхъ.

Если мысль сія найдется неизлишнею, въ такомъ случаѣ, не угодно ли будетъ приказать мнѣ составить проектъ предписанія иркутскому. губернатору и, по внесеніи того на предварительное разсмотрѣніе, отправить потомъ съ нарочнымъ фельдегеромъ, ежели, впрочемъ, сіе признано будетъ нужнымъ. по расчисленіи времени. къ которому могутъ сіи жены прибыть въ Иркутскъ.

Послѣ сего не должно ли предоставить свободу крѣпостнымъ людямъ. за сими женами ѣдущимъ, возвратиться во свояси. ибо по строгой справедливости, они не могутъ быть причислены участи. какъ самихъ преступниковъ. такъ и женъ ихъ. добровольно отрицающихся отъ правъ своихъ и сіе также послужить можетъ къ вящему ихъ вразумленію."

Такому вразумленію первая подверглась Софья Григорьевна Волконская. задержанная въ Иркутскѣ губернаторомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Байкалъ—море бурное и, дескать. послѣдній транспортъ чрезъ Байкалъ уже отправленъ; а затѣмъ, въ Верхнеудинскѣ. въ ноябрѣ мѣсяцѣ были отобраны излишнія деньги. драгоцѣнныя вещи. серебро и проч. и сданы на храненіе въ казначейство. Крѣпостной человѣкъ Волконской. Григорій Павловъ. отпущенный на свободу и пожелавшій избрать образъ жизни въ Иркутскѣ. не могъ устроиться здѣсь. такъ какъ ему не позволено было приписаться къ иркутскому податному сословію. дабы онъ не могъ доставлять какихъ-либо свѣдѣній. кому слѣдуетъ. Здѣсь вѣроятно. подразумѣвалась Волконская.

Кромѣ инструкцій. существовало въ то время Высочайшее повлѣніе. въ силу котораго губернаторы и областные начальники обязаны были ежемѣсячно доставлять свѣдѣнія объ образѣ жизни и поведеніи сосланныхъ Императору Николаю I.

Якутскій областной начальникъ въ Октябрѣ 1826 г. за-№ 43-мъ пишетъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири: „при семъ честь имѣю представить вашему высокопревосходительству копію съ представленія моего въ собственныя руки Его Императорскаго Величества чрезъ Главный Штабъ о затрудненіи исполнить въ точности Высочайшую волю Его Величества относительно ежемѣсячнаго донесенія свѣдѣній о государственныхъ преступникахъ. сосланныхъ въ Верхне-Колымскъ. Жиганскъ. Средне-Колымскъ и Гижигинскъ.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объявилъ мнѣ волю Вашего Императорскаго Величества. чтобы ежемѣсячно доносить Вашему Величеству въ собственныя

руки свѣдѣнія о поведеніи назначенныхъ къ ссылкѣ во ввѣренную мнѣ область, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ важныхъ преступниковъ.

Исполненіе сей воли Вашего Величества для меня священно, но за всѣмъ тѣмъ, долгомъ поставляю благовременно представить на соизволеніе Вашего Величества, что ежемѣсячное доставленіе свѣдѣній о 4 преступникахъ: Краснокутскомъ, Андреевѣ, 2 Назимовѣ и Бобрищевѣ-Пушкинѣ, назначенныхъ къ ссылкѣ въ Верхоянскъ, Средне-Колымскъ, Нижнеколымскъ и Жигинскъ, крайне будетъ отяготительны для обывателей области и сопряжено съ необыкновенными затрудненіями, ибо по дальности сихъ мѣстъ отъ Якутска, по обширности пустынныхъ и вовсе незаселенныхъ мѣстъ, сообщеніе происходитъ большею частью на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ, оленяхъ или собакахъ, разстояніемъ отъ 200 до 500 верстъ, изъ коихъ лошади и олени должны отрывать подножный кормъ изъ-подъ снѣгу, а ѣдущій останавливается среди разгребеннаго снѣга, нарочито въ разбиваемыхъ шалашахъ, для собакъ же возится особый кормъ, потому таковое сообщеніе означенныхъ мѣстъ въ Якутскомъ производится нарочито по дѣламъ службы токмо два раза въ годъ, употребляя на проѣздъ отъ 1½ до 2 мѣсяцевъ въ одинъ конецъ. Сверхъ сего, мѣстные исправники, отлучаясь по обязанности службы въ округу, по разсѣянности инородцевъ должны бываютъ разъѣзжать отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, а по сему, не имѣя по себѣ на мѣстѣ помощниковъ, не могутъ лично сами дѣлать каждомѣсячное о преступникахъ донесеніе.

Хотя я и распорядился, чтобы, по доставленіи сихъ 4 преступниковъ на мѣста, доставляли ко мнѣ свѣдѣнія объ нихъ непремѣнно каждомѣсячно, дабы исполнить въ точности волю Вашего Величества, но, изъясненную трудность и отягощеніе въ томъ обывателей предавъ на милостивѣйшее благовниманіе Вашего Величества, осмѣливаюсь испросить дополнительной воли Вашей, продолжать ли доставлять Вашему Величеству ежемѣсячно донесеніе о сихъ 4 преступникахъ, не взирая по отдаленности мѣста ни на какую трудность, или соблаговолите предоставить мнѣ доносить объ нихъ Вашему Величеству обыкновенно дважды въ годъ, или столько разъ, сколько удобность въ сообщеніи съ мѣстомъ жительства ихъ позволитъ.

При семъ имѣю счастіе всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что назначенный въ Гижигу преступникъ Заикинъ, по доставленію въ Якутскъ, въ октя-

брѣ, тогда же дня, по снабженіи всѣмъ нужнымъ, согласно уставу о ссыльныхъ, отправленъ далѣе въ путь къ Охотску съ 2 казаками и за присмотромъ одного казачьяго офицера, ибо фельдъегерь, по имѣвшейся инструкціи, долженъ былъ изъ Якутска съ жандармомъ возвратиться обратно, въ Иркутскъ.

Въ виду того, что начальнику приморскаго охотскаго управленія капитану 2 ранга Верлонту не послѣдовало особаго предписанія, какими были снабжены другіе губернаторы, о доставленіи свѣдѣній о ссыльныхъ и надзорѣ за ними, то я снабдилъ капитана Верлонта копіями своихъ предписаній и отправилъ вмѣстѣ съ Завкинымъ въ Гижигу, прося его доставлять свѣдѣнія непосредственно Вашему Величеству, слагая съ себя всякую отвѣтственность за Завкина".

Но изъ всѣхъ, сосланныхъ въ Якутскую область декабристовъ, двумъ вскорѣ пришлось вернуться. Бобрищевъ-Пушкинъ переведенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Туруханскъ, а полковникъ А. Н. Муравьевъ, по ходатайству княгини Шаховской, переведенъ былъ въ Верхнеудинскъ, отсюда въ Иркутскъ, затѣмъ въ Архангельскъ, Севастополь и Нижній на должность губернатора.

М. Варенгскій.

КЪ АРХЕОЛОГІИ ОКРЕСТНОСТЕЙ Г. КАНСКА, ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Предлагаемое краткое описаніе находокъ и наблюденій по археологіи окрестностей г. Канска явилось результатомъ моей экскурсіи сюда въ 1910 и 1911 гг.

И лѣтомъ 1910 г. и зимою 1911 г. сборамъ и наблюденіямъ археологическаго характера я могъ удѣлить очень небольшую часть тѣхъ нѣсколькихъ дней, которые пришлось прожить около Канска; этимъ объясняется неполнота и отрывочность нижеприводимыхъ матеріаловъ. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду почти полное отсутствіе въ литературѣ данныхъ по археологіи Канскаго уѣзда, я рѣшилъ опубликовать имѣющіяся въ моемъ распоряженіи свѣдѣнія по этому вопросу.

Наблюденія относятся къ слѣдующимъ пунктамъ: г. Канскъ, с.с. К.-Перевозинское, Анцирское, дд. Ашкаульская и Карансель. Всѣ они расположены въ треугольникѣ: Ашкаульская--Анцирское--Карансель съ центромъ—Канскъ, отстоя отъ послѣдняго на 12—14 в. в. Р. Канъ прорѣзываетъ этотъ

треугольникъ съ В. на З. Степныя открытыя мѣста окрестностей Канска и Ашкаульской въ Анцирскомъ смѣняются болѣе холмистой и возвышенной мѣстностью, частью открытой и свободной отъ древесной растительности. Сѣверо-восточная вершина тругольника,—д. Карапсель, находится въ еще болѣе возвышенной и лѣсистой мѣстности, гдѣ открытыхъ склоновъ и релъ со степной флорой не встрѣтишь, а глубокіе разлоги заполнены темнозелеными пятнами еловыхъ насажденій.

Оставляя до будущаго болѣе подробную характеристик физико-географическихъ и естественно-историческихъ условій этого уголка центральной части Канскаго уѣзда, перехожу къ изложенію своихъ наблюденій.

Лѣтомъ 1910 г., гербаризируя въ теченіе нѣсколькихъ дней въ окрестностяхъ Канска и с. К.-Перевозинскаго, я посѣтилъ стоянку древняго человѣка на берегу оз. Долгаго въ 1—1½ верст. отъ города, на З. отъ него *).

Озерко Долгое является однимъ изъ многихъ такихъ же маленькихъ, узкихъ и неглубокихъ озерковъ, вытянувшихся въ линію по направленію на З., т. е. параллельно теченію р. Кана, какихъ близъ Канска много. Озерки отдѣлены другъ отъ друга то большими перешейками съ надутыми песчаными грядами, болѣе или менѣе высокими, то перемычки эти оказываются кочковатыми болотами и не всегда даже проходимы. Песчаное или галечное дно, характеръ береговъ, общій habitus окружающей мѣстности таковы, что само собою является предположеніе, что это остатки одного изъ прежнихъ руслъ р. Кана, который въ настоящее время отступилъ на сѣверъ съ версту.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега озерка Долгаго, на днѣ и стѣнкахъ глубокихъ ямъ и выемокъ въ песчаныхъ наносахъ во множествѣ виднѣются слѣды жилья древняго человѣка. Жженыя и не жженыя кости въ видѣ мелкихъ осколковъ покрываютъ почву, среди нихъ видны небольшіе, б. ч. орнаментированные черепки, мелкіе осколки камней изрѣдка попадаются тонкія лямы, наконечники стрѣлъ, пережженые камни угли. Здѣсь собраны слѣдующі предметы: два каменныхъ наконечника стрѣлъ: 1) грубой двусторонней оббивки, формою, какъ рис. 158 на стр. 36 „Каменный вѣкъ въ Минус. краѣ, И. Савенковъ“, длина: 3.5 sl., ши-

*) О существованіи стоянки и точномъ мѣстонахожденіи ея я узналъ отъ И. Д. Степанова, которому и приношу здѣсь свою благодарность за это.

рина: 1,7 st. и толщина 0,77 st. 2) Размѣра: длина 2,72 st.; ширина 0,8 st. и толщина 0,32 st.; прекрасная мелкая двусторонняя оббивка, пропорціональность во всѣхъ частяхъ характеризуютъ это красивое издѣліе древняго мастера. По формѣ стрѣлка похожа на рис. 163 (тамъ же, у Н. Т. Саенкова) только болѣе удлинена, и тылье ея, быть можетъ, отломано. Кромѣ этого, найдено нѣсколько лямъ и собраны образцы черепковъ, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе толщина нѣкоторыхъ черепковъ, доходящая до 1.5 st. Древній культурный слой темною неширокою лентой (около 4 вер.), то понижаясь, то повышаясь, проходитъ по стѣнкамъ выдувовъ и выемокъ. Сверху онъ покрытъ слоемъ песка отъ ½ до 1½—2 арш. толщиной, съ хорошимъ дерновымъ слоемъ. Вблизи проходитъ желѣзная дорога и данное мѣсто служило, видимо, нѣкоторое время карьеромъ, гдѣ брали песокъ и гальку для ж. д. насыпи: очень можетъ быть, что немало интересныхъ предметовъ погибло подъ лопатами землекоповъ и увезено ими на постройку насыпи. Разработку продолжаетъ теперь вѣтеръ и, нужно сказать, очень дѣятельно. Путемъ опроса удалось выяснить, что какъ въ пескахъ близъ Долгаго оз., такъ и въ другихъ мѣстахъ, въ песчаныхъ наносахъ были находимы не только черепки, предметы изъ камня, но бронза и мѣдь. Эти „другія мѣста“ съ точностью установить не удалось; спрашиваемый обыкновенно указывалъ на разстилающуюся къ западу степь съ разбѣлыми озерками и песчаными дюнами и, не опредѣляя точно пунктовъ, говорилъ о всевозможныхъ (по матеріалу) находкахъ, время находки обыкновенно помнилъ, а около котораго изъ озеръ и что именно,—это какъ разъ оказывалось забытымъ.

Почти черезъ полтора года, т. е. въ январѣ 1911 г. мнѣ опять пришлось проѣздомъ быть въ Канскѣ. Результаты произведенныхъ въ этотъ заѣздъ сборовъ и разспросовъ слѣдующіе.

2—3 года тому назадъ близъ д. Ашкаульской на пашнѣ запахань „горшокъ съ мѣдными вещами“. Нѣсколько (?) лѣтъ тому назадъ въ тѣхъ-же приблизительно мѣстахъ вспахана „серебряная узда“.

Въ разное время на пашняхъ крестьянъ д. Ашкаульской и мѣщанъ г. Канска были находимы желѣзные и „мѣдные“ предметы. На югъ отъ Канска, въ 8—10 верст., на одной изъ пашенъ есть цѣлый рядъ могилъ, гдѣ иногда выпахиваются

„цѣпи мѣдныя и бронзовыя, копья и щиты" *); будто-бы кто-то изъ крестьянъ пробовали копать и самыя могилы, но кромѣ костей человѣка, не нашли ничего.

Если первые два пункта для меня остаются пока невыясненными, то другіе въ нѣкоторой части подтверждались личной повѣркой.

Весной 1911 г., возвращаясь изъ поѣздки въ Приангарскій край, я остановился въ Канскѣ на нѣсколько дней и сдѣлалъ поѣздку на эти могильники. Изъ города выѣхалъ съ хозяиномъ поля, на которомъ находятся могилы; ѣхали по т. н. ашкаульской дорогѣ около 8 вер.; затѣмъ, свернули на ближайшую заимку, гдѣ оставили лошадь, а сами нѣкомъ пошли осматривать поле. Пройдя съ полверсты, вышли на паровое поле, на ровной едва волнистой поверхности котораго то тутъ, то тамъ, безъ видимаго порядка, видѣлись продолговатыя ямки, вѣрнѣе вдавленія въ почвѣ. Промежутки между отдѣльными ямками были различны: отъ 2 до 10 саж. и болѣе. Долговременная обработка поля почти уничтожила наружные признаки могилы: камни, которые прикрывали могилу, вывезены съ поля на хозяйственныя надобности и, не будучи предупрежденнымъ, я, очень можетъ быть, и не замѣтилъ бы этихъ вдавленій. Проводникъ говорилъ, что „камни были залиты известкой"; онъ разсказывалъ, какъ мужики искали въ „могилкахъ" золота, разумѣется, они ничего не нашли, лишь намучились, копая ямы до 2-хъ аршинъ глубины: кромѣ костей, будто бы, не было ничего. Одну такую раскопанную могилу я видѣлъ, должно быть она давно была вскрыта, такъ какъ борта ея опускались, а со дна поднялась березка до вершка толщиной, хотя углубленіе все-таки достаточно еще, чтобы помѣшать проходить здѣсь плугомъ. Части могилъ теперь не можетъ указать и самъ хозяинъ поля: настолько пахота все сравняла: во всякомъ случаѣ, онъ насчитываетъ ихъ до десятка, я же видѣлъ только три: кромѣ того, по словамъ моего спутника, и въ сосѣднихъ заимочныхъ хозяйствахъ также есть „могилки".

Приблизительно изъ этихъ же мѣстъ удалось пріобрѣсти литое бронзовое зеркало. Отливка небрежная, орнаментъ и рельефныя фигуры плохо различимы. На оборотной сторонѣ диска въ рамкѣ можно разобрать слѣдующее: подъ вѣтвями дерева стоятъ китаецъ (?) и китаянка (?), слѣва вверху кружекъ съ точкою въ центрѣ, ниже кружка изображена ле-

---

*) Въ кавычки я заключаю выраженія крестьянъ и мѣщанъ, отъ которыхъ собиралъ свѣдѣнія.

тящая птица (по направленію къ человѣческой фигурѣ) и еще ниже ползущая черепаха. Ручка зеркала также орнаментирована и представляетъ пластинку шириною 1.9—2,2 st., длина 8,3 st. „являющуюся продолженіемъ диска діаметръ котораго=9,6 st.

Повидимому, въ этихъ же окрестностяхъ Канска найдены купленныя мною бронзовыя ложка и долото. Послѣднее по внѣшнему виду похоже на изображенное на рис. 8, табл. II., атласа Д. А. Клеменца *). Длина долота равна 14

На другомъ берегу (правомъ) Кана на пашняхъ крестьянъ с. К.-Перевозинскаго, Анцирскаго, д. Карапсельской также находимы были бронзовые и мѣдные предметы. Такъ, напримѣръ, при выработкѣ камня недалеко отъ К.-Перевозинскаго былъ найденъ мѣдный ножъ или кинжалъ; что онъ мѣдный, это отчасти подтверждается разсказомъ о томъ, что „ножикъ мягкій былъ, все равно какъ свинцовый“... Близъ д. Карапсель нѣсколько лѣтъ назадъ былъ выпаханъ „кривой мѣдный ножикъ“; если вѣрить описанію нашедшаго, то это былъ серпъ. На пашнѣ крестьянина с. К.-Перевозинскаго С. Федорова найдено нѣсколько ножей, изъ коихъ два мнѣ удалось пріобрѣсти. Ножи бронзовые, испорчены точкой, такъ какъ нашли примѣненіе въ хозяйствѣ. 1) длина съ рукоятью 19 st., наибольшая ширина 1,65 st., по формѣ близокъ къ № 1 табл. II вып. 1-го т I „Сибирскихъ Древностей“ В. В. Радлова, только нѣсколько менѣе изогнутъ: очень простой, безъ орнамента.

2) Клинокъ сильно укороченъ современной точкой, по формѣ рукоятки ближе всего подходитъ къ № 2 таб. IV. См. трудъ Радлова.

Въ 7—8 верст. отъ с. Анцирскаго находимы были мѣдные или бронзовые сосуды, ножи и др. предметы. Въ этомъ селѣ пріобрѣлъ бронзовый сбруйный наборъ, состоящій изъ разной формы и величины бляшекъ, большею частью орнаментированныхъ. Та точка поля, гдѣ былъ выпаханъ наборъ (24 предм.), въ видѣ невысокаго бугра поднималась надъ общей поверхностью поля. Вблизи этихъ мѣстъ, по разсказамъ крестьянъ, находятся курганы въ видѣ небольшихъ плоскихъ насыпей, при чемъ ни на курганахъ, ни около нихъ нѣтъ *совершенно* камней (какъ на минусинскихъ курганахъ). Кое кто изъ мѣстныхъ жителей пробовали искать „золото, но находили только кости человѣка (и разныхъ животныхъ?) и различные мѣдные и бронзовые предметы

*) Древности минусинскаго музея. Атласъ. Составилъ Д. Клеменцъ.

Раскопки эти дѣлались давно и найденныхъ тогда вещей ни у кого изъ крестьянъ не сохранилось; теперь же эти курганы никто не копаетъ.

Рисунки 1, 3, 5, 11, 14 табл. XI атласа Д. А. Клеменца могутъ дать нѣкоторое представленіе о характерѣ орнамента, формѣ и величинѣ найденныхъ бляшекъ но только общее.

Мнѣ остается упомянуть еще объ одной находкѣ. Крестьянинъ с. К.-Перевозинскаго П. Е. Жаркихъ, верстахъ въ 7—8 отъ села, на горѣ т. н. „Долгій Носъ“, нашелъ камень, годный для хозяйственныхъ надобностей и лежащій кучкою почти на поверхности. Здѣсь онъ набралъ 2 возя известняка, при чемъ подъ камнями нашелъ слѣдующіе желѣзные предметы: пару стремянъ, удила, наконечники стрѣлъ и нѣсколько другихъ, которые онъ растерялъ и назвать не можетъ. Взявъ у Жаркихъ все, что осталось не утереннымъ, я поѣхалъ осмотрѣть мѣсто находки.

На голомъ и отъ древесной растительности, и отъ снѣга западномъ мысу „Долгаго Носа“, открытомъ для дѣйствія всѣхъ вѣтровъ, кромѣ сѣверо-восточнаго, почти безъ обычныхъ розысковъ нашли нужное мѣсто. Правильный четырехугольникъ длиною 2¼ арш., шир. 2 арш. и глуб. 4—5 верш. съ изрытымъ дномъ и мелкими обломками камня, — вотъ все, что представилось моимъ глазамъ, когда изъ углубленія вычистили нанесенный снѣжокъ. Тщательный осмотръ, а затѣмъ и раскопки съ помощью кайлы не дали никакихъ указаній: не найдено не только никакихъ предметовъ, но нѣтъ и слѣда костей, углей и т. д. Кайлою вскрыли пластъ вершка 4, быть можетъ, дальнѣйшая работа принесла бы какія-нибудь положительные результаты, но ее пришлось прекратить, такъ какъ январскій день уже кончался и вообще моментъ для раскопокъ былъ не подходящій. По словамъ Жаркихъ, камни, заполнявшіе углубленіе, возвышались надъ почвою почти на поларшина, сложены были довольно плотно, при чемъ промежутки между ними заполнены были щебнемъ и „залиты известкой“, лишь посрединѣ кладки подъ камнями была пустота, гдѣ и лежала кучкой найденные предметы.

Я второй разъ привожу выраженіе „залиты известкой“, и въ томъ и въ другомъ случаѣ крестьяне вполнѣ опредѣленно говорили о кладкѣ залитой „известью“: но принимая во вниманіе, что въ обоихъ случаяхъ матеріаломъ для кладки служилъ известнякъ, я склоненъ думать, что „заливка“

есть ни что иное, какъ продуктъ постепеннаго разрушенія кладки.

Снявъ фотографіи и взявъ образецъ камня, я вернулся въ деревню.

У Жаркихъ взяты слѣдующіе предметы: 1) удила съ большими кольцами діам. 8 stm, только орнаментиныя, съ серебромъ. 2) Стремена простые, безъ орнамента и 3) наконечники стрѣлъ: три трехперыхъ въ видѣ № 4 табл. XVI и одинъ плоскій какъ № 5 табл. XV атласа Д. А. Клеменца. Можно сказать, что наконечники стрѣлъ почти совершенно однообразны съ указанными рисунками, разница возможна не въ очертаніяхъ, а лишь въ размѣрахъ.

Предметы, о которыхъ въ настоящей замѣткѣ говорится, какъ о найденныхъ лично, или пріобрѣтенныхъ покупкою, всѣ находятся въ музеѣ красноярскаго подъотдѣла П. Р. Географическаго общества.

А. Ермолаевъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

(Разсказъ Олимпія Ѳомича Жукова).

Въ Вилюйскъ я пріѣхалъ на службу въ 1874 г. Чернышевскій уже былъ тамъ и жилъ въ острогѣ. При немъ постоянно дежурилъ жандармъ. Но Николай Гавриловичъ пользовался полнѣйшей свободой. Онъ ходилъ по городу и за городъ, куда ему было угодно. Свобода эта ему, какъ я слышалъ, предоставлена была со дня поселенія здѣсь. Первый разъ я увидѣлъ Чернышевскаго въ серединѣ лѣта идущимъ вдоль Вилюйска въ мѣховыхъ торбазахъ и мѣховой якутокой шапкѣ, что немало меня удивило.

— Кто это такой?—спросилъ я казака, глядя на Чернышевскаго.

— А это царскій арестантъ Чернышевскій, преступникъ значитъ,—отвѣтилъ казакъ,—въ острогѣ тутъ живетъ.

— Почему же онъ ходитъ въ теплыхъ торбазахъ и теплой шапкѣ?

— А кто его знаетъ: должно быть, одежонки то больше нѣтъ никакой.

Вскорѣ послѣ этого я посѣтилъ вилюйскаго исправника гдѣ нечаянно встрѣтилъ Н. Г. Исправникъ представилъ меня Чернышевскому, который посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно, иронически, но ни слова не сказалъ и ушелъ.

Николая Гавриловича въ Викюйскѣ всѣ знали, особенно якуты, которые его любили и уважали потому что онъ, на-

сколько не стѣснялся заходить въ самыя бѣдныя юрты; лѣчилъ больныхъ ребятишекъ простыми средствами; давалъ всевозможные совѣты взрослымъ; и. вообще, Чернышевскій слылъ добрымъ и справедливымъ человѣкомъ, а потому нерѣдко къ нему обращались въ качествѣ третейскаго судьи и бывало: что Чернышевскій постановилъ при разбирательствѣ дѣла, то безпрекословно и принималось.

Разъ произошелъ такой случай. Идетъ по городу Чернышевскій. видитъ по улицѣ валяется пьяный якутъ. что то бормочетъ. Дѣло было зимой.

— Замерзнетъ,—думаетъ Чернышевскій.

Подошелъ затѣмъ къ якуту наклонился и спросилъ:

— Ты гдѣ живешь?

Якутъ Чернышевскаго не зналъ, потому что онъ былъ изъ дальняго улуса, пріѣхалъ въ Вилюйскъ съ рыбой и мягкой рухлядью. Все продалъ; накупилъ, чего нужно и осталось у него еще болѣе 400 р.

Якуты. обыкновенно. деньги прячутъ за пазуху:

У пьянаго якута деньги были въ самодѣльномъ кошелькѣ, вынали изъ пазухи и валялись по близости. Чернышевскій взялъ кошелекъ. положилъ въ карманъ, сказавъ, что деньги, пускай, у него похранятся. а завтра онъ ихъ возвратитъ. Но такъ какъ якутъ былъ пріѣзжій и по русски ничего не понималъ. то на слова Чернышевскаго онъ только что то бормоталъ: Чернышевскій это принялъ за полное согласіе.

Кое какъ якутъ былъ водворенъ Чернышевскимъ въ юрту. въ которой остановился.

На другой день Чернышевскій является рано по утру въ юрту и спрашиваетъ у хозяйки того пьянаго. котораго онъ привелъ вечеромъ.

— Вотъ онъ.—говоритъ хозяйка, указывая на якута. сидѣвшаго на нарахъ, угрюмаго и задумчиваго.

— Сколько ты вчера пропилъ денегъ?—спросилъ Чернышевскій.

Хозяйка вопросъ перевела якуту.

— А тебѣ зачѣмъ это надобно знать?

— Если я спрашиваю, значитъ, надо.

— А ты кто?

— Я человѣкъ,—отвѣтилъ Чернышевскій.

— Начальникъ?

— Нѣтъ.

— Тоенъ (господинъ)?

— И не господинъ.

— Сколько пропилъ я не знаю, должно быть 1—2—3

— Хорошо. Вотъ тебѣ 399 р. 30 коп.

— Какія эти деньги?

- Твои.

— Какъ же они къ тебѣ попали?...

Якутъ смотрѣлъ на Чернышевскаго удивленно во всѣ глаза. Вдругъ затѣмъ онъ бросился въ ноги къ Николаю Гавриловичу и взволнованно проговорилъ:

— Ты мнѣ спасъ жизнь, вѣдь я хотѣлъ ужъ удавиться Такого человѣка я еще не встрѣчалъ въ жизни, чтобы найденныя деньги возвратилъ самъ.

На это Чернышевскій возражаетъ, что такъ долженъ дѣлать каждый.

Дня черезъ 2—3 этотъ случай былъ извѣстенъ едва ли не во всемъ Вилюйскомъ округѣ, потому что якуты—это ходячая газета. И слава о Чернышевскомъ, какъ о справедливомъ, честномъ человѣкѣ, все росла и росла. Послѣ этого каждый якутъ, пріѣзжавшій изъ отдаленныхъ улусовъ, считалъ своей обязанностью посмотрѣть Николая Гавриловича. Они видѣли въ немъ нравственную и умственную силу, но никакъ не могли понять, за что онъ былъ сосланъ.

Одни говорили, что онъ былъ при дворѣ министромъ и оскорбилъ русскаго царя, за что и былъ сосланъ въ Вилюйскъ; другіе утверждали, что онъ хотѣлъ царя убить и самъ сдѣлаться царемъ; и, наконецъ, что его въ чемъ-то подвели министры, наклеветничали на него царю. Но всѣ въ концѣ-концовъ приходили къ одному заключенію, что это добрый, честный и справедливый человѣкъ, хоть и царскій арестантъ, который все въ острогѣ сидитъ и пишетъ царю прошенія, оправдываясь предъ нимъ въ возведенной клеветѣ Клевета эта большая, потому то Чернышевскій такъ долго и пишетъ, а все что неладно напишетъ, то сожжетъ и снова начинаетъ писать.

Но съ Чернышевскимъ я давно желалъ познакомиться поближе: хотѣлось имѣть лишняго пріятеля собесѣдника, а можетъ быть, по временамъ, на бездѣльѣ, и партнера.

Разъ мнѣ жена и говоритъ.

— Чернышевскій хотѣлъ у насъ побывать.

— Какъ? Чернышевскій?

— Да.

— Что же тутъ удивительнаго?

— Да ты какъ съ нимъ познакомилась?

— Я давно съ нимъ знакома. Первый разъ я съ испра вникомъ у него была въ острогѣ, чай пила и разговаривала съ нимъ, а потомъ я одна стала ходить къ нему.

—Въ это время жена вдругъ скрылась и, спустя нѣсколько минутъ, входитъ въ квартиру съ Чернышевскимъ и по дружески разговариваетъ.

— Вотъ и мой мужъ, вершитель разныхъ кабацкихъ частыхъ и нечистыхъ дѣлъ,—говоритъ жена.

Поздоровались, сѣли.

Чернышевскій мнѣ не понравился, потому что онъ все смотрѣлъ на меня иронически, какъ будто бы хотѣлъ сказать:—„а. знаю я тебя, гуся лапчатого; знаю, что ты и пьяница и еще того хуже“...

— Чернышевскій все время говорилъ съ моей женой, на меня же мало обращалъ вниманія; развѣ изрѣдка что-нибудь спросить. Наконецъ, я не вытерпѣлъ и говорю:

— Николай Гавриловичъ, что же вы все время съ женой говорите, а со мной-то?

— Дайте мнѣ съ человѣкомъ поговорить,—отвѣтилъ Чернышевскій.

— Да развѣ я не человѣкъ?

— Вы не человѣкъ, а чиновникъ.

— А исправникъ?

— Исправникъ тоже чиновникъ!

— А якуты, которыхъ вы пьяныхъ водите по домамъ?

— Якуты люди, но не чиновники.

— Не понимаю васъ, Николай Гавриловичъ,—говорю я

— Послѣ поймете, когда сдѣлаетесь человѣкомъ,—уязвилъ меня Чернышевскій.

Послѣ этого мнѣ Чернышевскій окончательно не понравился.

Насколько я относился холодно къ Чернышевскому, настолько тепло относилась къ нему моя жена. Прощаясь съ Чернышевскимъ, она говорила.

— Вы, Николай Гавриловичъ, заглядывайте къ намъ почаще, я рада видѣть васъ каждый день, приходите къ намъ обѣдать, чай пить и побесѣдовать.

— А мужъ то вотъ, видите, какъ злобно смотритъ?

— А мнѣ какое дѣло до мужа. Пусть онъ пишетъ бумаги, да провѣряетъ градусы въ кабакахъ.

Какъ только Чернышевскій ушелъ отъ насъ, у меня съ женой произошла настоящая баталія. Но я жестоко ошибся, въ чемъ и пришлось потомъ откровенно покаяться предъ Николаемъ Гавриловичемъ. Насколько на первыхъ порахъ онъ не понравился мнѣ, настолько впослѣдствіи я къ нему привязался. Ежедневно видѣть его сдѣлалось необходи

мостью, въ разговорахъ съ нимъ я находилъ особенное удовольствіе.

Разъ зашла рѣчь о взяткахъ. Я старался показать свой товаръ лицемъ, т. е. что чистъ, какъ голубь и взятокъ не беру, а Чернышевскій иронически улыбался.

— Дайте-ка, Олимпій Ѳомичъ, счеты,—попросилъ Чернышевскій.

Счеты поданы.

— Вы сколько получаете въ мѣсяцъ жалованья?

— 68 рублей,—говорю.

— За квартиру сколько платите? Говорите всѣ ваши расходы.

— Квартира 5 р.; канцелярскіе расходы съ пискомъ 25 р.; дрова 3 р., мука ржаная 5 р., чай 2 р., сахаръ 4 р., крупчатка 10 р.; водка 5 р., свѣчи сальныя 3 р.; стеариновыя 2 р., кухаркѣ 3 р., мясо 5 р.

— Довольно! Довольно!—кричитъ Чернышевскій.

— Мясо, рыба 6 р. масло 2 р., кофе, табакъ, конфекты, одежда, вакса и др. потребности.

— Это откуда?

Смутился я жестоко. Здорово поймалъ меня Чернышевскій.

— Беру,—говорю.

— Теперь я буду съ вами говорить какъ съ человѣкомъ, а не какъ съ чиновникомъ,—и прежней иронiи въ глазахъ я уже не видѣлъ. А потомъ и далъ же онъ мнѣ нагоняй, какого я никогда не получалъ отъ управляющаго акцизными сборами. Но я, представьте, не могъ на него сердиться, потому что онъ такъ говорилъ по-отечески, что никакъ нельзя было сердиться. Дѣло прошлое, моя жена ему прежде все разболтала: сказала, что я имѣю „безгрѣшныхъ доходовъ“ болѣе 250 р. въ мѣсяцъ и все это проживаю.

Послѣ этого Николай Гавриловичъ былъ моимъ желаннымъ гостемъ и ходилъ онъ часто.

Придетъ, бывало, а у меня карты и вышивка. Посмотритъ, ничего не скажетъ и уйдетъ. Я въ догонку кричу:

— Николай Гавриловичъ, зайдите, посидите.

— Нѣтъ,—говоритъ.

И уйдетъ. Не любилъ онъ ни картъ, ни вышивки. Въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда предпочиталъ разговоръ съ якутами гдѣ-либо въ захудалыхъ юртахъ.

Къ людямъ Чернышевскій относился въ одно и то же время и сурово и снисходительно. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова проповѣдникъ. Недаромъ якуты говорили:

— Хорошо было бы. если бы царскій преступникъ былъ у насъ попомъ или докторомъ.

Какъ лекарь Николай Гавриловичъ былъ не плохой. Разъ произошелъ такой случай, который никогда не изгладится изъ моей памяти, останется на всю жизнь.

Какъ то моя жена стала жаловаться на боль около горла. Наружныхъ признаковъ болѣзни никакихъ не было, но жена стала задыхаться. Докторъ становился въ тупикъ. Чернышевскій придетъ, посидитъ около постели, поговоритъ и уйдетъ. Наконецъ, видимъ, дѣло стало плохо. Докторъ устроилъ домашній консиліумъ. на который явился фельдшеръ и Чернышевскій. Во зремя консиліума происходитъ споръ между докторомъ и Чернышевскимъ. Докторъ говоритъ:

— Саркома

— Неправда! Не согласенъ. Это лишь глубокій подкожный нарывъ,—возражаетъ Чернышевскій

Спорили, спорили: Чернышевскій и говоритъ уже у постели умирающей жены:

— Рѣжь здѣсь, вотъ такъ.

Докторъ не соглашается, говоритъ, что опасно больная можетъ подъ ножомъ умереть.

— Рѣжь,—говоритъ Чернышевскій.

Это было сказано такъ серьезно повелительно, что я одинъ только разъ въ жизни и видѣлъ его такимъ.

Наконецъ. Чернышевскій. видимо, разсердился на доктора и уже почти кричитъ:

—Рѣжь вотъ такъ!—показываетъ пальцемъ.—я отвѣчаю за послѣдствія.—Фельдшеръ, насосъ готовъ?

—Готовъ. Николай Гавриловичъ.—Послѣ продолжительнаго колебанія докторъ взялъ ножичекъ, сдѣлалъ разрѣзъ, появилась сукровица. а Чернышевскій небольшимъ насосомъ сталъ изъ раны вытягивать матерію. Операція удалась. нарывъ вскрыли, а черезъ мѣсяцъ жена совсѣмъ поправилась. Чернышевскій, очевидно знавшій анатомію не хуже доктора, оказался правъ, что у жены была не саркома. а подкожный нарывъ.

Съ докторомъ они были въ хорошихъ отношеніяхъ и говорили другъ другу „ты“. Кажется, что доктора онъ уважалъ. и лишь этого единственнаго человѣка не пробиралъ. потому что докторъ соглашался съ нимъ. что надо жить для другихъ, но не для себя.

— Все для другихъ, и ничего для себя,—обыкновенно говорилъ Чернышевскій.—Вотъ это будетъ полная жизнь.

Въ силу такого убѣжденія отъ Чернышевскаго доставалось даже моему отцу, котораго онъ никогда не видалъ, а только слышалъ отъ меня, что онъ служитъ интендантскимъ чиновникомъ въ Иркутскѣ.

—Ну,—говорилъ Николай Гавриловичъ.—значитъ, вашъ отецъ казнокрадъ. Не можетъ быть неказнокрадомъ ни интендантъ, ни инженеръ.

— А купецъ?

— Купецъ обманываетъ народъ, но ему простительно, потому что его учили съ малыхъ лѣтъ обсчитывать и обманывать, а инженеровъ, интендантовъ и полицейскихъ чиновниковъ никто не училъ воровать, а они сами научились, значитъ, они виноваты.

Вообще, Н. Г. Чернышевскій былъ аскетомъ и моралистомъ. Онъ не позволялъ себѣ никакой роскоши: обыкновенная пища у него заключалась въ молокѣ, которое онъ самъ процѣживалъ сквозь чистое полотенце, а затѣмъ варилъ его въ самоварѣ и варилъ дольше, чѣмъ обыкновенно полагается.

Но насколько онъ былъ строгъ къ себѣ, настолько же онъ былъ снисходителенъ и ко мнѣ, какъ къ „чиновнику". Отъ его сердечной и искренней проповѣди, направленной противъ „безгрѣшныхъ доходовъ", вѣяло безконечной добротой. Онъ такъ умѣлъ выразить свою мысль, что въ ней я никогда не встрѣчалъ укоризны, въ родѣ того, что ты «чиновникъ» и, значитъ, послѣдній человѣкъ...

Подмѣтивъ во мнѣ искру религіи, онъ старался разъяснять самую суть ученія І. Христа. Не столкни меня судьба съ нимъ, у меня впослѣдствіи, быть можетъ, угасло бы религіозное чувство. Чернышевскій же раздулъ его въ сознательное убѣжденіе.

Въ это время я былъ увѣренъ, что Н. Г. истинно вѣрующій человѣкъ, потому что онъ обнаруживалъ глубокія познанія въ православіи. Бывало нерѣдко одинъ изъ соборныхъ священниковъ обращался къ нему за совѣтомъ по вопросамъ канонического характера, напримѣръ, какъ поступить въ томъ случаѣ, если якутъ явно смѣшиваетъ православіе съ шаманствомъ,—слѣдуетъ ли такого тоена допускать къ причастію или быть можетъ необходимо наложить на него эпитимію. Въ такихъ случаяхъ Н. Г. всегда совѣтовалъ допускать якута къ причастію, говоря, что, если онъ, якутъ, смѣшиваетъ Бога Отца съ языческимъ „юрюнъ ай тоеномъ",—бѣлымъ безгрѣшнымъ богомъ, живущимъ на 7 небѣ, у котораго имѣ-

ется даже «сурукеуть» (писарь), то виноватъ въ этомъ самъ батюшка, а не якутъ.

Но каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что Николай Гавриловичъ былъ чистѣйшей воды атеистъ!

Только впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, я разгадалъ эту загадку. Дѣло въ томъ, что я учился въ концѣ 1850-хъ и началѣ 60-хъ годовъ только въ уѣздномъ 3-классномъ училищѣ; вступилъ въ жизнь совершенно неразвитымъ, любви къ чтенію никакой, а затѣмъ 15-тилѣтнимъ мальчишкой поступилъ на службу въ акцизное управленіе. Вращаясь въ чиновной средѣ, я невольно усвоилъ только одно отрицательное и все, что въ моей дѣтской душѣ было положительнаго, то я растратилъ. Я познакомился съ картежную игру, пьянство, волокитство, лесть предъ начальствомъ, ложь, обманъ и вообще, все то, что считается признакомъ современнаго хорошаго тона. Николай Гавриловичъ, какъ умный человѣкъ, и воспользовался религіей для моего перевоспитанія, дабы выбить всѣ мои чиновные деликатесы, и превратить меня, чиновника, въ человѣка.

— Вы,—говорилъ Чернышевскій,—презираете якутовъ, называя ихъ тварями, но вѣдь каждый якутъ человѣкъ и равенъ не только вамъ, но даже выше васъ. Онъ является производительной силой, а вы потребительной. Не будь якута, у васъ не было бы масла, мяса, рыбы, дровъ, избы, въ которой живете, и прочаго необходимаго въ домашнемъ обиходѣ. Позвольте спросить, что вы даете якуту взамѣнъ всего этого?

Я отвѣчаю:

— Я чиновникъ, служу царю и отечеству и не обязанъ ничего давать ему, а онъ мнѣ обязанъ.

— Неправда,—возражалъ Чернышевскій,—разъ вы находитесь на службѣ, обязаны приносить пользу обществу, жить для этого общества, т. е. жить для другихъ, но не вредить имъ: вы же только приносите вредъ людямъ.

— Какъ? Какимъ это образомъ?—удивленно спрашивалъ я.

— А вотъ какимъ: въ кабакахъ у васъ сидятъ въ качествѣ торговцевъ почти все поселенцы съ довольно темнымъ прошлымъ. Они въ вашу водку, разбавленную водой, примѣшиваютъ одуряющія средства, напр. табакъ, дурманъ и др. вредныя для здоровья растенія. Представьте себѣ, человѣкъ выпилъ 2—3 стакана такого дурмана, впалъ въ безпамятство; его сейчасъ же кабатчикъ По-

трушка, христопродавецъ, оберетъ, и вытолкнетъ на морозъ, гдѣ онъ, бывало, замерзалъ; да впрочемъ, если и не замерзалъ, то послѣдствія дурмана потомъ окажутъ свое губительное дѣйствіе на организмъ. Слѣдовательно, вы съ Петрушкой являетесь виновникомъ смерти якута, казака и крестьянина. А затѣмъ, вы обманываете казну, позволяя продавать водку вмѣсто 38° въ 25°, подъ видомъ вашей *спеціалки*, отпускаемой якутамъ въ замороженномъ видѣ. Вотъ вы какому дѣлу служите, Олимпій Ѳомичъ.

Горько мнѣ было это слушать, но обижаться я не смѣлъ, потому что въ словахъ Н. Г. заключалась одна только правда.

Послѣ подобныхъ разговоровъ я иногда спрашивалъ:

—Николай Гавриловичъ! По вашему, я человѣкъ плохой зачѣмъ на такого плохого человѣка время тратите?

—Помните Христа, онъ не мнѣ чета былъ, онъ былъ Богочеловѣкъ, а и тотъ свою проповѣдь велъ между грѣшниками и мытарями, я же самый обыкновенный человѣкъ. Почему же мнѣ съ вами и не говорить? Каждый человѣкъ на землѣ долженъ сѣять правду и добро; каждый до глубокой старости долженъ учиться, какъ можно меньше приносить вреда ближнему и облагораживать свою душу. Вотъ смотрите я уже преклонныхъ лѣтъ, а стараюсь учиться, знаете русскую пословицу: „вѣкъ живи, вѣкъ учись".

Книгъ у Чернышевскаго было много, присылали ихъ изъ Россіи жена и знакомые. Всѣ они предварительно просматривались въ якутскомъ областномъ правленіи, затѣмъ переходили къ вилюйскому исправнику.

Судя по разговорамъ и дѣйствіямъ Чернышевскаго, онъ не былъ революціонеромъ и даже относился *отрицательно* къ дѣятельности партіи *народной воли*.

Друзья Николая Гавриловича въ 1874 году предложили ему устроить побѣгъ изъ Вилюйска заграницу. Съ такимъ именно предложеніемъ къ нему явился Никлитъ Никитичъ Мышкинъ подъ видомъ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова. Но Чернышевскій отклонилъ заботливое предложеніе друзей.

М. Овчинниковъ.

ИРКУТСКОЕ ОБЩЕСТВО И МИЛИЦІЯ 1807 ГОДА.

Въ сентябрѣ 1806 г. сложилась противъ Наполеона 4-ая коалиція. Война при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она началась (разгромъ Пруссіи), обѣщала быть серьезной. Всю тяжесть ея предстояло вынести на своихъ плечахъ Россіи Къ этой войнѣ имперія Александра 1, занятая войною съ турками, не была подготовлена. Войскъ, готовыхъ къ бою, было мало. подыскать подходящаго главнокомандующаго тоже не легко, мѣстность предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій не опредѣлена, а самое главное—отсутствіе денегъ. Мощь же Наполеона опиралась. не говоря уже о его увѣнчанной боевыми лаврами арміи и о личномъ его вліяніи на солдатъ, также на вспомогательные корпуса его союзниковъ и на средства. приносимыя ими. И вотъ чтобы имѣть на лицо готовый боевой матеріалъ, способный въ любую минуту пополнить убыль въ войскахъ и поддержать порядокъ внутри страны. Александръ 1 рѣшилъ создать милицію въ 612, 000 человѣкъ. Россія была раздѣлена на семь округовъ съ точнымъ числомъ милиціонеровъ въ каждомъ.

Губерніи и области, расположенныя по окраинамъ Россіи. были освобождены отъ обязательства выставлять милицію. Отъ этого обязательства было освобождено и населеніе тѣхъ пограничныхъ съ Германіей губерній, черезъ которыя должны были пройти войска и которыя могли бы стать театромъ военныхъ дѣйствій, напр., Волынская. Подольская...

Русское правительство придавало серьезное значеніе предстоящей кампаніи. Это видно изъ того. что въ актахъ и документахъ. касающихся войны. уже на лицо былъ терминъ „отечественная война", по праву утвердившійся за войной, послѣдовавшей спустя шесть лѣтъ.

При неподготовленности Россіи успѣхъ кампаніи зависѣлъ отъ того чувства. съ которымъ отнесется къ ней населеніе Правительство своевременно учло это и опасность. грозившая Пруссіи. была объявлена въ манифестѣ. какъ угроза цѣлости нашего государства. При такомъ освѣщеніи грядущихъ событій всѣ слои населенія должны были помочь родинѣ.

И вотъ населенію тѣхъ губерній. которыя не вошли въ составъ ни одного изъ семи милиціонныхъ округовъ. предоставлена была возможность проявить усердіе и готовность служить отечеству своими пожертвованіями. Вся Восточная Сибирь во главѣ съ Иркутскомъ была отнесена къ послѣдней категоріи. Далекая окраина. куда извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій приходили черезъ два. три мѣсяца. живо откликнулась на призывъ монарха. Слои общества малонас-

ленныхъ ея городовъ, услышавъ призывъ государя „доказать свою преданность престолу и отечеству, вмѣняя себѣ священный долгъ содѣйствовать оборонѣ его", откликнулись всѣ и принесли на алтарь родины свою позильную ленту.

Пожертвованія на содержаніе милиціи приносились какъ провіантомъ, оружіемъ, платьемъ, такъ равно и деньгами. Зная повадку нѣкоторыхъ радѣтельныхъ правителей отдаленныхъ губерній выколачивать „добровольныя приношенія", правительство сдѣлало строгое внушеніе земскимъ судамъ, городничимъ и частнымъ комиссарамъ „чтобы приношенія были совершенно добровольныя и чтобы не было и виду малѣйшаго усильнаго принужденія".

Пожертвованія вещами должны были приниматься магистратами, городничими. Строго говоря, не эти приношенія правительство надѣялось получить отъ Сибири. Отсутствіе дорогъ и невозможность за отдаленностью доставить такія пожертвованія къ театру военныхъ дѣйствій, говорили за то, что отъ Сибири ждутъ иного. Съ другой стороны, не всѣ же могли жертвовать деньгами. Вотъ почему, обращаясь къ населенію Сибири съ просьбой о содѣйствіи, правительство не отказывается и отъ приношеній натуральныхъ. Въ обращеніи къ обществу правительство подчеркиваетъ, что, несмотря на трудность доставки натуральныхъ пожертвованій, всѣ старанія властей будутъ направлены на то, чтобы дары достигли своего назначенія... Болѣе всего, конечно правительство интересовалось денежными приношеніями и на нихъ то главнымъ образомъ и расчитывало.

Вступая въ коалицію, Россія прежде всего должна была подумать о средствахъ, такъ какъ денежная поддержка со стороны Англіи, ссудившей 6. 000, 000 ф. стр., была еще недостаточной. Необходимо было обратиться за помощью къ самому населенію.

Манифестъ, извѣщавшій о войнѣ съ Наполеономъ, и обращеніе государя къ щедрости сибиряковъ получены были иркутскимъ правительствомъ 5 января 1807 г. Въ тотъ же день былъ отслуженъ молебенъ и въ городской думѣ была открыта подписка на милицію. Купечество, игравшее видную роль въ жизни Иркутска, щедро откликнулось на призывъ. Въ первый день имъ было подписано свыше 12000 р. Раздробленность общественныхъ классовъ, жившихъ особой жизнью, не замедлила сказаться тутъ же. Мѣщане, напр. записывали свои приношенія въ мѣщанской управѣ, болѣе

зажиточные вносили въ городскую думу, цеховые подни'ывали деньги у цехового старосты. (1).

Чтобы имѣть представленіе о степени щедрости иркутянъ, нужно помнить, что купечество насчитывало въ своихъ рядахъ до 250 человѣкъ, при чемъ сравнительно богатыми нужно было признать членовъ первой и отчасти второй гильдіи, а ихъ было первой 27 чел., второй—64. Мѣщанъ по даннымъ журнала *думскаго засѣданія* въ 1807 г. оказалось 1785 чел, цеховыхъ—893. (2).

---

(1). Пожертвованія въ Восточной Сибири собирались городничими, земскими судами, частными комиссарами, городовыми магистратами, думами, ратушами, *троицкосавской пограничной канцеляріей*, начальниками якутскимъ и охотскимъ, правителемъ камчатской области и черниговской городской экспедиціей.

Сборъ денежныхъ пожертвованій въ Иркутскѣ былъ возложенъ на градскую думу подъ непосредственнымъ контролемъ губернатора. Градская дума суммы, пожертвованныя и записанныя въ книгу самими жертвователями, еженедѣльно должна была вносить въ казначейство, сообщая объ этомъ губернатору. Еженедѣльно же казначейства отправляли отчеты въ казенную палату, откуда отчетъ о пожертвованныхъ суммахъ препровождался государственному казначею, который велъ учетъ всѣмъ пожертвованіямъ. Ни на какой другой предметъ, кромѣ какъ на военныя издержки, отпускать эти суммы государственный казначей не могъ, да и то только по указу государя или главнокомандующаго арміей.

Самому же государю о пожертвованныхъ суммахъ еженедѣльно доносили губернаторы.

(2) Цифры эти надо думать близки только къ истинѣ. Точную цифру населенія для 1807 г. установить трудно. Трудно было установить ее и присланнымъ въ 1808 г. для этой цѣли чиновникамъ. Сама дума, и то послѣ цѣлаго ряда отписокъ, сообщаетъ ревизующимъ чиновникамъ, что *окончательно* можно считать въ Иркутскѣ купцовъ 103 (?), мѣщанъ 1833, цеховыхъ 817. (Женщинъ, судя по позднѣйшимъ ревизіямъ было одинаковое количество съ мужчинами). Такъ по даннымъ одного дѣла въ 1826 г. мѣщанъ было м. 2014, ж. 2226, цеховыхъ м. 800, ж. 828). Поэтому, принимая во вниманіе, что, кромѣ перечисленныхъ группъ, въ составъ населенія входило чиновничество и духовенство, можно съ большою долей вѣроятія опредѣлить населеніе Иркутска въ 1807 г. тысячъ до шести.

Крупнымъ жертвователемъ является верхній слой купечества. Такія лица, какъ Мыльниковъ, Дудоровскій (городской голова), Сибиряковъ пожертвовали отъ одной до трехъ тысячъ. Къ 14 февр. 1807 г. было подписано 16736 р. Однако не вся эта сумма поступила въ казначейство. Нѣкоторые изъ жертвователей, подписавъ ту, или иную сумму, на поляхъ подписной тетради вносили замѣчаніе „уплачу по третямъ".

Когда губернаторъ ознакомился съ подобнаго рода приписками, онъ вполнѣ резонно указалъ думѣ на нецѣлесообразность такихъ пожертвованій. Государству на содержаніе милиціи необходимы средства въ данный моментъ и только въ данный моментъ пожертвованныя суммы могутъ принести ощутительную пользу. Потому-то въ своемъ отношеніи онъ и рекомендуетъ думѣ всю подписную сумму немедленно собрать и отправить въ казначейство. Въ томъ же отношеніи онъ даетъ понять иркутскому обществу, что отъ него онъ ожидалъ большей щедрости, онъ хотѣлъ бы, чтобы Иркутскъ былъ впереди многихъ другихъ городовъ, „которые, какъ извѣстно, столь важныя принесли жертвы".

Губернаторъ Н. И. Трескинъ, пріѣхавшій въ Иркутскъ въ концѣ 1806 г., очевидно еще не успѣлъ присмотрѣться къ людямъ. Однако, имѣя въ лицѣ генералъ-губернатора И. Б. Нестеля покровителя, этотъ бывшій почтамтскій чиновникъ, умѣлъ съ первыхъ же дней дѣйствовать, гдѣ надо, рѣшительно и строго. Въ отношеніи же именитаго купечества онъ рѣшилъ дѣйствовать инымъ путемъ и пока кадилъ передъ нимъ симіамъ. Такъ, напр., отправляя новый образецъ книги для записи приношеній, губернаторъ пишетъ, что „имѣетъ открыть новый путь иркутскому купечеству и мѣщанскому сословіямъ положить залогъ любви и приверженности своей къ отечеству и я надѣюсь на извѣстное мнѣ единодушіе—сей отличительный и благородный характеръ здѣшнихъ гражданъ".....

Однако—губернаторъ не разсчиталъ платежныхъ силъ населенія. Вѣдь изъ числа купцовъ и цеховыхъ, неточный учетъ которыхъ велся думой, необходимо было исключить умершихъ, престарѣлыхъ, отданныхъ въ рекруты, должниковъ, находящихся въ негодныхъ платежахъ, малолѣтнихъ, тогда и число лицъ, могущихъ быть полезными государству своими добровольными денежными и иными приношеніями, безспорно, уменьшится. Объ этомъ въ своемъ постановленіи пишетъ и городская дума, при чемъ число лицъ, которыя могутъ жертвовать что-нибудь, она уменьшаетъ сразу на поло-

вину. Если же допустить правильность думскаго взгляда и раздѣлить подписную сумму 16736 р. между наличнымъ числомъ способныхъ внести пожертвованія, то не каждаго среднимъ числомъ придется свыше 10 рублей... Это солидная цифра для единовременнаго взноса. Но разъ отечество въ опасности а такъ, судя по тону манифеста, дѣло должно было казаться населенію, то жертвовать нужно было всѣмъ. Опасность же послѣ побѣдоноснаго шествія Наполеона къ Варшавѣ и послѣ его самовластныхъ распоряженій въ Пруссіи дѣйствительно стала вырисовываться грознымъ призракомъ уже и передъ самимъ правительствомъ. Успѣхи Наполеона въ Австріи и Пруссіи поддерживали какъ въ обществѣ, такъ и въ правящихъ сферахъ мысль о чреватости грядущихъ событій. Быстрая карьера Наполеона, его боевое счастье, достиженіе императорской короны,—все это такіе факты, вокругъ которыхъ начала работать фантазія русскаго общества. Уже начали слагаться основы тѣхъ сказочныхъ представленій о Наполеонѣ, которыя приняли опредѣленный смыслъ и форму въ разгарѣ 1812 г. Коренныя реформы, произведенныя Наполеономъ въ новой имперіи, своеобразно были поняты и, истолкованы на Руси. Этимъ то общественнымъ взглядомъ и настроеніемъ воспользовалось правительство и стало поддерживать среди населенія нелѣпые толки о Наполеонѣ.

Войнѣ съ Наполеономъ, начатой ради спасенія Пруссіи, необходимо было для вящей ея популярности придать религіозный характеръ. Не только цѣлости родины, но и самой церкви православной грозитъ бѣда. Кому, какъ не Синоду, нужно было стать провозвѣстникомъ этой религіозной войны. Вотъ почему, при указѣ объ образованіи ополченія, Синодъ обращается къ духовенству съ предложеніемъ, „чтобы градскіе и сельскіе священники въ настоящихъ обстоятельствахъ при образованіи земскаго ополченія усугубили ревность свою ко внушенію прихожанамъ, колико ополченіе сіе для спасенія отечества необходимо“... „Духъ кротости и благомыслія, добавляетъ указъ Синода, коимъ священный санъ въ Россіи украшается, служитъ намъ залогомъ, что духовенство исполнитъ долгъ сей во всей силѣ“.

Дѣйствительно, духовенство тогдашнихъ девяти церквей Иркутска точно выполнило указъ Синода и въ своихъ проповѣдяхъ обрушилось на Наполеона-враги церкви и родины. Духовенство, какъ часть общества, оказалось на высотѣ своего призванія. Въ своихъ проповѣдяхъ оно знакомило населеніе Иркутска съ личностью императора Франціи. Ма-

теріалъ для проповѣдей былъ преподанъ самимъ Синодомъ. Да оно и понятно. Вѣдь у рядового русскаго духовенства, а тѣмъ болѣе у его представителей въ Сибири, не могло быть яснаго представленія о современномъ положеніи дѣлъ на Западѣ. Вотъ почему Синоду пришлось издать инструкцію съ наставленіемъ „како внушать" прихожанамъ о злонамѣренныхъ планахъ Наполеона....

Для характеристики того матеріала, съ которымъ приходилось оперировать въ своихъ агитаціонныхъ проповѣдяхъ духовенству, привожу „сочиненное отъ Святѣйшаго Синода объявленіе" въ болѣе яркой его части. „Всему міру извѣстны богопротивные его замыслы и дѣянія, коими онъ попралъ законъ и правду. Еще во времена народнаго возмущенія, свирѣпствовавшаго во Франціи, во время богопротивной революціи, бѣдственной для человѣчества и навлекшей небесное проклятіе на виновниковъ ея, отложился онъ отъ христіанской вѣры, на сходбищахъ народныхъ торжествовалъ учрежденныя лжемудрствующими богоотступниками идолопоклонническія празднества и въ сонмѣ нечестивыхъ сообщниковъ своихъ воздавалъ поклоненіе, единому Всевышнему Божеству подобающее, истуканамъ, человѣческимъ тварямъ и блудницамъ, идольскимъ изображеніемъ для нихъ служившимъ.

Въ Египтѣ пріобщился онъ гонителямъ церкви Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ магометовъ, объявилъ себя защитникомъ исповѣданія невѣрныхъ послѣдователей сего лжепророка и торжественно показывалъ презрѣніе свое къ пастырямъ святыя церкви Христовой. Наконецъ, къ вящему посрамленію оной, созвалъ во Франціи іудейскія синогоги, повелѣвъ явно воздавать раввинамъ (ихъ) почести, и установилъ новый Великій Сингендринъ еврейскій, сей самый Богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа и теперь помышляетъ соединить іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсѣянныхъ по всему лицу земли и устремить ихъ на ниспроверженіе церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній) на провозглашеніе лжемессіи въ лицѣ Наполеона"..... Синодскія воззрѣнія, полжемессіи въ лицѣ Наполеона"...

Синодскія воззрѣнія, положенныя въ основу проповѣди, оказали громадное вліяніе на общество. По прочтеніи духовенствомъ синодскаго указа въ первое воскресеніе по его полученіи и послѣ произнесенія проповѣдей, пожертвованія полились щедрѣе какъ то

стороны купечества, такъ и со стороны мѣщанъ и цеховыхъ. Усилился притокъ какъ ранѣе пожертвованныхъ, но не внесенныхъ денегъ, такъ и добровольныхъ приношеній хлѣба, оружія и другихъ необходимыхъ для милиціи предметовъ.

Населеніе Иркутска, такимъ образомъ, живо реагировало на каждый призывъ правительства и чѣмъ могло, тѣмъ старалось быть полезнымъ государству. Жертвуя деньги на милицію, общество, конечно, должно было въ лицѣ общественнаго управленія вести учетъ пожертвованныхъ суммъ. Изъ-за этого то и началась глухая и упорная борьба между думой и магистратомъ.

Неизвѣстно, чѣмъ руководился магистратъ, обращаясь къ городской думѣ съ требованіемъ „прислать какъ книги, такъ и собранныя деньги на храненіе въ оный магистратъ".

Незаконность этого требованія на думскомъ засѣданіи была доказана толковымъ и энергичнымъ городскимъ головою Дудоровскимъ и магистрату дана была въ довольно корректномъ, но рѣшительномъ тонѣ надлежащая отповѣдь. „Доставлять въ городской магистратъ по его требованію добровольныя пожертвованія и записокъ по сей части веденныхъ обязанною себя городская дума не находитъ, тѣмъ болѣе, что выполненіе сего и отъ высшихъ начальствъ не предписано". Однако руководители думы не были всегда на высотѣ исполнительности. Несмотря на неоднократныя напоминанія губернатора о немедленной отправкѣ собранныхъ денегъ въ казначейство и о доставленіи еженедѣльныхъ отчетовъ, дума ихъ не исполняла, хотя съ энергичными и категорическими приказами губернатора Н. П. Трескина она считалась и, по полученіи ихъ, обыкновенно въ тотъ же день устраивалось засѣданіе, гдѣ выносилось постановленіе въ точности исполнить предписаніе губернатора. О постановленіи ему сейчасъ же доносилось... но до исполненія еще было далеко. Такъ, напр., обстояло дѣло и съ вышеупомянутымъ многопредписаніемъ губернатора. Всѣхъ подписныхъ денегъ дума собрать не могла, ибо въ данный моментъ, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ купцовъ, которые подписали пожертвованія, въ городѣ не оказалось. Поэтому дума постановила донести объ отсутствующихъ губернатору. Мѣщанскому же и цеховому старостамъ постановлено было „строжайше подписать записками, чтобъ они въ скорѣйшемъ времени представили недополученные по подпискѣ деньги, а если и за симъ послѣдуетъ какая-либо медлительность, то старосты неизъемлемо должны будутъ принять на себя все то взысканіе, каковое отъ высшаго начальства послѣдовать иногда можетъ".

Такого оборота дѣлъ старосты не ожидали. При всей ихъ энергіи собрать сразу подписную сумму они не могли, такъ какъ мѣщане и цеховые, подписавшіе пожертвованія „на многократно чинимыя требованія, отказываются во взносѣ денегъ неимѣніемъ". о чемъ своевременно отписывались старосты. Книги же, какъ и невзысканныя деньги, старосты также медлили отослать въ думу. Послѣ двукратнаго напоминанія дума рѣшительно и строго предписываетъ возвратить ихъ. „а если и за симъ еще послѣдуетъ медленность и нерадивость старосты о своей должности, а тѣмъ паче съ неповинующимися предписанію, не упуститъ городская дума снестись, куда слѣдуетъ". Угроза возымѣла свое дѣйствіе: книги были возвращены, но.... всѣхъ денегъ старостамъ собрать не удалось. Да оно и понятно. Подписывали не только тѣ, кто сейчасъ же могъ уплатить, но и тѣ, у кого кромѣ „благихъ порывовъ" ничего не было, но которые разсчитывали на что- нибудь въ будущемъ. Время шло, желаніе быть полезнымъ отечеству не угасало у подписавшихъ, но денегъ не было. Надо помнить, что цѣлый рядъ причинъ вызвалъ съ начала XIX вѣка такія условія, при которыхъ матеріальное положеніе неимущихъ классовъ общества становилось изо дня въ день все хуже и хуже. *).

---

*) Ист. Нежем. 137.201 стр. Щегловъ. Хронолог. перечень важ. соб. изъ ист. Сиб., стр. 349. Съ 1799 г. въ Иркутскѣ замѣчается быстрый ростъ цѣны на хлѣбъ и продукты первой необходимости. Еще въ 1792 г. пудъ ржаной муки стоилъ 25 к., въ 1801 г. дошелъ до 1 р. 20 к. Быстрый ростъ цѣнъ объясняется съ одной стороны недородомъ, съ другой нерадѣніемъ правителей области. Дѣло въ томъ, что правительство Павла I. задавшись цѣлью колонизовать Забайкалье, издало указъ въ 1799 г. о поселеніи отъ Байкала до Нерчинска 10000 человѣкъ. Съ 1801 г. стали присылать въ Иркутскъ поселенцевъ для Забайкалья, но такъ какъ администрація не выполнила возложенныхъ на нее порученій и ничего въ Забайкальѣ не приготовила, то вся переселенческая волна и задержалась въ окрестностяхъ Иркутска. Отсюда участились грабежи, разбои... Спросъ на продукты первой необходимости росъ, началась спекуляція, которая въ связи съ недородомъ подняла цѣны пуда ржаной муки до 2 р. 30 к. (1802 г.) Народъ терпѣлъ недостатокъ. По случаю дороговизны хлѣба были закрыты винокуренные заводы (Л. П., стр. 176).

Положеніе губернатора при такомъ условіи было не изъ завидныхъ. Дѣло въ томъ, что, по Высочайше утвержденному постановленію главнаго комитета для производства дѣлъ по милиціи, вся отвѣтственность „за безотлагательный сборъ подписанныхъ денегъ возлагалась на губернаторовъ". Съ другой стороны, тѣмъ же губернаторамъ предписывалось слѣдить за тѣмъ, „чтобы приношенія были добровольныя и чтобы не было и виду малѣйшаго усильнаго принужденія"... Какъ человѣкъ новый, Н. Н. Трескинъ не желалъ возбуждать противъ себя слои общества прямолинейнымъ рѣшеніемъ такого щекотливаго вопроса. Онъ дѣйствуетъ дипломатично: посылаетъ въ думу копію съ постановленія комитета и никакихъ опредѣленныхъ мѣръ на счетъ взысканія думѣ не рекомендуетъ. Купечество онъ лично поощряетъ къ пожертвованіямъ, на остальную же массу дѣйствуетъ черезъ думу, настаивая о присылкѣ въ казначейство недостающей суммы 70 р. 55 к. **). Вотъ почему послѣдняя и предписала старостамъ взыскать недостающую сумму съ подписавшихъ, или же уплатить изъ своихъ средствъ.

Пока шла переписка между канцеляріей губернатора, думой и старостами, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ получилось предписаніе покончить всѣ счеты по милиціи къ 4 февр. 1808 г. Вотъ почему губернаторомъ и предписано было думѣ въ теченіе недѣли внести въ казначейство безъ дальнѣйшихъ отстрочекъ недостающую сумму.

Изъ своего затруднительнаго положенія дума нашла выходъ. Она предписала мѣщанскому старостѣ въ теченіе 3-хъ дней представить недостающую сумму, хотя бы взявъ ее „изъ другихъ сборовъ" съ тѣмъ, чтобы эту статью пополнить, взыскавши всю сумму съ подписавшихъ ее мѣщанъ.

Что же касается отношенія старосты къ предписаніямъ думы; которыхъ онъ не выполнилъ, т. е. ни книгъ и ни денегъ своевременно не прислалъ и „тѣмъ далъ не только послабленіе неплательщикамъ, но и неповиновеніе начальству", то объ этомъ онъ долженъ представить „особенное разъясненіе, по подачѣ коего учинить присутствіе по разсмотрѣніи и разсужденіи достодолжное постановленіе". Послѣ этого на мѣщанскомъ сходѣ рѣшено было пополнить недостающую сумму изъ „земскихъ расходовъ". Увѣдомленная объ этомъ дума предписала „взыскать эту сумму съ мѣщанъ неослабно и не пріемля никакихъ оговорокъ". Такимъ языкомъ говорила дума, т. е. прдставители капитала, съ тѣми, кто эко-

**) Эта сумма падала на 12 человѣкъ мѣщанъ, изъ которыхъ пятеро „были въ отлучкѣ".

номически зависѣль отъ нихъ. Строгое къ другимъ, купечество было снисходительно къ своему брату--купцу, иначе губернатору не пришлось бы предлагать думѣ „усугубить стараніе, чтобы подписанная купцами сумма была бы въ непродолжительномъ времени доставлена въ казначейство". Къ 3 авг. 1807 г. купечествомъ не было внесено подписанныхъ 1383 р. 55 к., а между тѣмъ вся эта сумма, какъ пишетъ гражданскій губернаторъ, „назначена по своему предмету въ обороты". Губернаторъ ставитъ купечество въ извѣстность, что всѣ города, даже самые отдаленные, и тѣ подписныя деньги уже собрали и отправили ихъ по мѣсту назначенія.

Самолюбивое купечество постаралось загладить невыгодное впечатлѣніе подписки и тотчасъ же внесло вышеупомянутую сумму.

— Надо отдать справедливость иркутскому обществу, оно близко приняло къ сердцу грядущую опасность. Отсутствіе ружей у милиціи было не секретомъ. И вотъ нѣкоторые купцы какъ, напр., Федоръ Козулинъ и Ф. Старцевъ, жертвуютъ по 500 руб., „на предметъ вооруженія общеземской милиціи". Былъ также открытъ и особый „изветъ", гдѣ записывались пожертвованія, поступившія на обмундированіе поселенцевъ, принимаемыхъ въ военную службу. Немногочисленный чиновный міръ Иркутска, державшій въ ежевыхъ рукавицахъ населеніе, внесъ и свою посильную лепту на святое дѣло защиты религіи и отечества. Губернаторомъ было препровождено въ казначейство отъ „разныхъ чиновъ" 1306 р. 50 к.

Въ самомъ Иркутскѣ ходомъ кампаніи живо интересовались, но знать о ней что-либо положительное не могли. Первое извѣстіе съ театра военныхъ дѣйствій пришло сюда только 21 марта 1807 г., то было извѣстіе о минмомъ пораженіи французовъ при Прейсишъ-Эйлау. Правда, положеніе Наполеона въ началѣ боя было критическимъ. Его армія была почти полукругомъ охвачена русскими, кавалерія которыхъ едва не захватила въ плѣнъ самого Наполеона. Только аттака конницы Мюрата разстроила планы главнокомандующаго Бенигсена и заставила русскихъ послѣ кровопролитнаго боя отступить. Поле сраженія осталось за французами. Эта „бойня", не рѣшивъ кампаніи, нѣсколько пошатнула славу непобѣдимости Наполеона и подняла духъ русской арміи, но и только, до побѣды же было далеко. Однако Бенигсенъ, оставаясь вѣрнымъ своей привычкѣ

усвоенной имъ еще подъ Пултускомъ, до нельзя преувеличилъ въ донесеніи къ государю „свою побѣду“.

Копія этого донесенія и была получена въ Иркутскѣ.

Полиція увѣдомила населеніе „о семъ важномъ и столь радостномъ событіи“. Въ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Эта „побѣда“, стоившая Россіи 30000 жизней, вызвала подъемъ патріотическаго чувства и въ иркутскомъ обществѣ: почти прекратившаяся подписка на милицію въ одинъ день дала теперь 475 р.

Вѣря въ счастливую звѣзду Бенигсена, на театръ военныхъ дѣйствій прибылъ и самъ Александръ I. Убыль въ войскахъ была пополнена казаками и гвардіей. Увѣренность въ благопріятномъ исходѣ кампаніи до того была сильна въ Александрѣ I, что милиція въ 612000 человѣкъ, по его мнѣнію, была теперь излишней роскошью. Вотъ почему указомъ императора она была распущена. Подъ ружьемъ осталась лишь треть ея, да и та равномѣрно была распредѣлена между всѣми частями Россіи, не исключая и отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири. Поэтому то и восточной Сибири пришлось выставить милицію, взявъ въ нее по одному человѣку съ каждыхъ 57 душъ.

Иркутское общество постаралось извлечь пользу изъ этого призыва, освободившись отъ нежелательныхъ элементовъ. Такъ, напр., на общемъ собраніи мѣщанъ постановлено было отдать въ милицію тѣхъ, которые, согласно протоколу собранія, были „поведенія, не соотвѣтствующаго доброму порядку и благочинію, которые сопровождаютъ жизнь болѣе въ безпечности, пьянствѣ и во многихъ буйственностяхъ“. Въ большинствѣ все это были лица молодыя, малосемейныя, не платящія ни государственныхъ, ни общественныхъ податей, неоплатные должники или аресанты. Нѣкоторые изъ нихъ вошли въ составъ милиціи, какъ очередные, въ силу указа сената 1773 года.

Протоколъ выбора былъ подписанъ старостой и присутствующими на сходѣ мѣщанами, человѣкъ до 50. Грамотныхъ среди мѣщанъ было мало. Весь листъ пестритъ „подписался прозбою“ такого-то такой-то. *).

Вся милиція Восточной Сибири, численность которой за отсутствіемъ данныхъ трудно установить, находилась подъ командой генералъ-лейтенанта Лебедева. Образованіе ми-

---

*) Тоже можно сказать и о купечествѣ. Большой процентъ подписей въ тетрадяхъ для пожертвованій сопровождается „прозбою“.

лиціи на окраинахъ можно объяснить необходимостью поддерживать въ обществѣ убѣжденіе въ опасности для Россіи предпринятой кампаніи и тѣмъ привлекать все новыя и новыя средства для веденія войны, тѣмъ болѣе, что предполагаемый внѣшній заемъ (въ Англіи) не удался.

Однако, новая кампанія кончилась пораженіемъ союзниковъ при Фридландѣ, послѣ чего былъ заключенъ извѣстный Тильзитскій миръ. (1807 г.).

Извѣстіе о неожиданномъ заключеніи мира было получено въ Иркутскѣ 31 іюля 1807 г., послѣ чего былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали, кромѣ гражданъ, „всѣ чины всѣхъ вѣдомствъ и служащіе“.

Участіе иркутскаго общества въ дѣлѣ поддержки правительства въ эту кампанію было замѣчено самимъ государемъ. На имя губернатора Трескина былъ присланъ рескриптъ, помѣченный 13 дек. 1807 г., въ которомъ императоръ выражалъ свою благодарность за „ту готовность, съ какою благородное сословіе Иркутской губерніи приносило изъ состоянія своего жертвы отечеству... Общества же купеческія и обывательскія и другихъ состояній, тѣмъ же духомъ отечественной любви одушевляемыя обратили по жертвованіямъ ихъ особенное вниманіе“ государя и пріобрѣли, какъ и дворяне, право на признательность монарха. Сообщая думѣ копію Высочайшаго рескрипта, губернаторъ предложилъ немедленно пригласить всѣхъ гражданъ, участвовавшихъ въ пожертвованіяхъ, объявить имъ „Высочайшее благоволеніе къ принесеннымъ отечеству жертвамъ ихъ“... 2-го февраля 1808 г., по прочтеніи Высочайшаго рескрипта, въ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ. Каждое болѣе или менѣе выдающееся событіе иркутское общество имѣло обыкновеніе отмѣчать „цѣлодневнымъ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой“... Подъ звонъ колоколовъ и гулъ орудійныхъ залповъ городской голова М. Ив. Сватѣевъ (выбранный въ началѣ янв. 1808 г.) „для сего случая далъ обѣденный столъ всѣмъ сословіямъ города“. (Лѣт. Неж., стр. 207.)

Б. Кубаловъ.

РАЗБОЙНИКЪ АЛИФАНОВЪ.

Въ Сибирь ссылалось много лишенныхъ по суду правъ личностей, большинство за уголовныя преступленія. Сибирь считалась страною отдаленною, куда бросалось все худое, ненужное, хотя временами попадалось дорогое и цѣнное...

Ссыльные изъ „отпѣтыхъ", привыкшіе къ преступленіямъ, видя въ Сибири большое приволье, лѣса дремучіе, значительныя разстоянія между селеніями и другія благопріятныя условія, соблазнялись и возобновляли свою преступную дѣятельность, за которую попали сюда.

Разбой— промыселъ легкій и прибыльный, хотя сопряженный съ рискомъ, соблазнялъ и природныхъ сибиряковъ: частенько и ихніе руки были повинны въ крови земляковъ. Бывали случаи, что грабежами на трактовыхъ дорогахъ занимались лица изъ интеллигенціи, имѣвшія свои дома и магазины, или находившіяся на видныхъ должностяхъ, по довѣріямъ обществъ... пока, конечно, не обнаруживалось, какимъ путемъ нажито богатство...

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія разбойныя нападенія на проѣзжающихъ по трактомъ Сибири— было явленіе обычное, къ которому всѣ привыкли. Эти разбойничьи шайки были даже извѣстны населенію и, насколько возможно, съ ними боролись, для чего въ распоряженіе исправниковъ давались даже воинскія команды, а также производились облавы при содѣйствіи крестьянъ. Городской и земской полиціи предписывалось отыскивать виновныхъ, подъ угрозою лишенія мѣста. Иногда виновные и отыскивались. Исправниками придумывались хитрости къ отысканію разбойниковъ и поимкѣ ихъ. Такъ, исправникъ съ солдатами разъѣзжалъ въ кошевкахъ и разбойники, принимая ихъ за своихъ, вступали съ ними въ разговоры, а потомъ при численномъ превосходствѣ солдатъ, были забираемы, несмотря на геройское сопротивленіе. Или напр., ѣдетъ торговецъ съ товарами, разбойники его останавливаютъ и неожиданно для нихъ съ телѣги соскакиваетъ десятокъ вооруженныхъ солдатъ, а торговецъ оказывается исправникомъ и—разбойники взяты.

Устраивались по дорогамъ засады, гдѣ разбойниковъ забирали въ плѣнъ послѣ боя, при чемъ съ обоихъ сторонъ были и ушибленные, и раненые, даже убитые.

Для безопасности проѣзжающихъ между станціями, ближайшими къ городамъ, были устроены пикеты или „бекеты", какъ называлъ ихъ народъ. Въ 1840 году по якутскому тракту въ Хомутовой было, напр., два пикета съ 5-6 солдатами.

Съ теченіемъ времени грабежи шайками стали явленіемъ рѣдкимъ, но постоянное пополненіе здѣшнихъ мѣстностей новыми отверженниками-ссыльными и бѣглыми

съ каторжныхъ работъ, которые по временамъ совершали дерзкія преступленія, все еще нѣсколько напоминало «прежнія» старыя времена.

Время отъ времени подобныя выходящія изъ ряда обыкновенныхъ разбоевъ преступленія производили удручающее дѣйствіе на общество, но преступниковъ ловили, наказывали: на время все успокаивалось, а потомъ вновь гдѣ-нибудь и кто-нибудь проявлялъ разбойничій звѣрства, и общество снова волновалось.

Такъ и въ то время, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ, а именно въ началѣ 80-хъ годовъ, по уѣздамъ и трактовымъ дорогамъ Иркутской губерніи не было покоя отъ разбойничьихъ шаекъ. Они грабили и днемъ и ночью проѣзжихъ, купцовъ, не пропускали даже и крестьянъ, ѣдущихъ изъ Иркутска съ базара, обирали у нихъ все и нагихъ привязывали за ноги къ заду телѣги. На извѣстныхъ шайкамъ богатѣевъ они устраивали, можно сказать, настоящую охоту: и если тѣ иногда спасались, то лишь благодаря быстротѣ бѣга своихъ лошадей; но все-таки во время опасности переживали такія тяжелыя минуты, что потомъ навсегда отказывались отъ поѣздокъ за городъ.

Какъ извѣстно, доставка товаровъ въ города Сибири шла гужевымъ порядкомъ, и поэтому ограбленіе обозовъ было обычнымъ явленіемъ. Хотя для большей безопасности ямщики и соединялись по нѣсколько обозовъ, но отъ этого пользы было немного, если нападающіе превышали численность обозниковъ. Ямщикамъ, вооруженнымъ сибирскими кистенями, приходилось выдерживать нападенія и бои съ разбойниками, но пока шла борьба въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ срѣзывались мѣста чая или товаровъ. Многіе богатые возчики, имѣвшіе залоги у купцовъ, совсѣмъ разорились.

Въ 1881-1882 годахъ въ Балаганскомъ и Иркутскомъ округахъ было совершено множество чрезвычайно наглыхъ грабежей, разбоевъ и кражъ, нагнавшихъ страхъ на населеніе. Пріемы этихъ грабажей отличались выходящею изъ ряда дерзостью, такъ, напр., грабители подъѣзжали ночью къ дому намѣченной жертвы, начинали стрѣлять изъ револьверовъ въ окна, вырубали двери, забирали все цѣнное имущество и увозили награбленное, часто на хозяйскихъ же лошадяхъ. Самихъ хозяевъ запугивали выстрѣлами, допытывали о деньгахъ съ побоями и истязаніями, и, только обобравъ несчастныхъ до чиста,

уѣзжали. Населеніе такъ было запугано, что въ подобныхъ случаяхъ не оказывало помощи своимъ односельчанамъ, зная, что будетъ еще хуже....

Между участниками различныхъ грабежей встрѣчались одни и тѣ же лица: при каждомъ разбоѣ одинъ изъ нападавшихъ являлся распорядителемъ. Предводители шаекъ, или, какъ называлъ ихъ народъ, „атаманы", не разъ соединяли свои силы для нападенія на дома зажиточныхъ крестьянъ и инородцевъ.

Кто-же были эти легендарные, неуловимые разбойники, которые терроризовали все придорожное трактовое населеніе, изъ за которыхъ крестьяне дрожали за свою жизнь и на ночь молились сибирскому угоднику, св. Иннокентію, о защитѣ ихъ.

Особенно былъ грозенъ всѣмъ и пользовался значеніемъ между разбойниками, какъ главный предводитель шаекъ, поселенецъ изъ каторжныхъ Илгинской волости **Федоръ Алифановъ**, бывшій когда-то учителемъ женской гимназіи и со временемъ промѣнявшій педагогическую дѣятельность на «булатный ножъ, да черну ночь». Онъ имѣлъ интеллигентную наружность, съ правильными довольно симпатичными чертами лица и карими глазами, глядя въ которые, трудно было повѣрить, что это разбойникъ изъ разбойниковъ. Его сотоварищи-помощники, хотя и дѣйствовавшіе самостоятельно, были поселенцы-же изъ каторжныхъ: Тельминской волости Ефимъ Бахтіаровъ и Черемховской волости—Николай Саковскій. Преступники эти при каждой попыткѣ къ ихъ поимкѣ оказывали вооруженное сопротивленіе и на нѣкоторое время исчезали, а потомъ вновь проявляли себя преступленіями, страшно возмущавшими общество. Въ апрѣлѣ 1882 года полиціей была поймана часть разбойниковъ, грабившихъ около Иркутска по якутскому и московскому трактамъ, но атаманы успѣли набрать себѣ новыхъ головорѣзовъ вмѣсто выбывшихъ.

Въ октябрѣ 1883 года былъ пойманъ бѣглo-каторжный Свѣтозаровъ, обвиняемый во многихъ убійствахъ и разбояхъ. На очереди къ поимкѣ былъ Алифановъ съ товарищами: поймать ихъ было нелегко, несмотря на то, что старшій городовой 2-й части унтеръ-офицеръ Чусовъ, ученикъ Блинова, былъ замѣчательный сыщикъ и спеціалистъ по поимкѣ разбойниковъ. Благодаря его распоряженіямъ и геніальнымъ хитростямъ, было пойманo много видныхъ разбойниковъ. Позднѣе, къ слову сказать, г.

Чусовъ положилъ жизнь при исполненіи служебнаго долга, т. к. былъ убитъ однимъ изъ разбойниковъ при поимкѣ.

Алифановъ и его товарищи по оружію нерѣдко пріѣзжали въ Иркутскъ «отдохнуть», и жили здѣсь по нѣсколько дней. Полиціи было извѣстно о временномъ пребываніи разбойниковъ въ городѣ, но всѣ усилія къ поимкѣ оставались тщетными, вслѣдствіе того, что знавшіе разбойниковъ соратники по оружію и спеціальности боялись ихъ и сохраняли въ строжайшей тайнѣ пребываніе дорогихъ гостей, тѣмъ болѣе что и у нихъ самихъ было рыльце въ пуху.

Въ 1881—1883 годахъ, когда кругомъ города шли разбои, атаманы пріѣзжали въ Иркутскъ отдыхать и кстати собирать свѣдѣнія, необходимыя для дальнѣйшихъ разбоевъ; такимъ образомъ, и городъ не былъ свободенъ отъ вліянія окружающаго разбоя. Послѣ пожара 1879 года городъ еще не успѣлъ отстроиться, существовала масса подвальныхъ этажей и лачужекъ, особенно на окраинахъ, которые служили пристанищемъ подозрительныхъ личностей. Штатъ полиціи былъ малъ и не могъ успѣшно вести борьбу съ преступностью, а городовые, болѣе ретиво исполнявшіе свои обязанности, были на виду у „бывшихъ людей», и ихъ, случалось, убивали: напр., убитъ разбойникомъ Кириченко городовой у якутской заставы. Разбойникъ этотъ, по совокупности преступленій повѣшенъ 28 декабря 1883 года.

Въ тѣ годы горожане, засѣвшіеся въ гостяхъ, рисковали быть ограбленными. Зимой грабежами по улицамъ промышляли особые спеціалисты, разъѣзжавшіе въ кошевкахъ. Дѣвушки, выходившія вечеромъ безъ сопровождающихъ, схватывались этими же кошевниками, увозились за городъ и надъ ними совершались гнусныя насилія. Извозчики грабили съѣзковъ очень часто. Въ городѣ было два, три домовладѣльца, про которыхъ всѣ знали, что они руководители воровскихъ шаекъ, занимающіеся скупомъ краденаго; но они умѣли дѣлать свои дѣла чисто. Многочисленныя въ городѣ харчевки представляли изъ себя притоны жигановъ и проституцій, гдѣ всегда происходили совѣщанія относительно новыхъ экскурсій на чужое добро, а при дѣлежѣ пріобрѣтеннаго происходили скандалы, драки и нерѣдко по утрамъ по близости харчевокъ подымали трупы убитыхъ.

Какъ иллюстрацію городской дѣятельности разбойниковъ, приведу примѣръ. На Большой улицѣ, гдѣ сей-

часъ, магазинъ Нейшеллера, былъ богатѣй магазинъ Емельянова, производившій торговлю всевозможными товарами, не исключая золота и серебра. Въ одну ночь этотъ магазинъ былъ обокраденъ болѣе, чѣмъ на 2000 руб. и ничего не было найдено: ни воровъ, ни похищенныхъ.

Нѣсколько лѣтъ, подъ-рядъ въ городѣ оперировала воровская шайка подъ управленіемъ Лябаха, она обкрадывала жителей днемъ и ночью. Члены шайки были разныхъ возрастовъ, начиная отъ подростковъ и кончая старикомъ, которымъ еще за минувшія дѣла слѣдовало снѣть не меньшей мѣрѣ въ тюрьмѣ. Шайка эта была поймана, привлечено къ отвѣтственности болѣе 80 человѣкъ, дѣло разсматривалось въ губернскомъ судѣ въ 1890 году.

Къ тому же времени относится слѣдующее сказаніе, не лишнее, что вблизи Иркутска были уголки, которые знали только хозяева ихъ..

Одна изъ акушерокъ была приглашена вечеромъ къ родильницѣ: при выходѣ за ворота, ей завязали глаза платкомъ и куда то ее повезли. Дорогой повязка спала и она увидала, что ѣхали лѣсомъ. повязку вновь одѣли. Черезъ часъ ѣзды лошади остановились, акушерку повели по узкой лѣсной тропинкѣ, т. к. лицо задѣвали вѣтви деревьевъ. Остановились и начали спускаться внизъ, почувствовался воздухъ подземельнаго помѣщенія, отворилась дверь и она вошла въ роскошно--убранныя комнаты Пріѣзжихъ встрѣтилъ мужчина съ накладной бородой. Акушерку проводили въ комнату родильницы--красивой, но блѣдной женщины. Послѣ оказанной помощи акушерку повезли обратно, вновь была наложена повязка на глаза, и она доставлена была подъ утро къ крыльцу квартиры, гдѣ ей была вручена сторублевка и совѣтъ, молчать о видѣнномъ.

Продолжимъ дальнѣйшій разсказъ.

Есть пословица: «всему бываетъ конецъ». Пришелъ конецъ и дѣяніямъ Алифанова. Одинъ изъ приставовъ Иркутска, въ районѣ котораго имѣлъ (по слухамъ) резиденцію разбойникъ, ради исполненія своего служебнаго долга, рѣшилъ во чтобы то ни стало поймать Алифанова или быть имъ убитымъ.

Дѣло было зимою 1882 года.

Этотъ приставъ со старшимъ городовымъ, переодѣвшись въ штатское платье, ходили по разнымъ притонамъ и прислушивались къ разговорамъ «шпаны», въ каждой что-

нибудь развѣдать. И, дѣйствительно, въ одномъ кабакѣ они услышали тихій разговоръ о скоромъ прибытіи молодцовъ; была упомянута Рабочая слободка.

Разговоръ сразу перешелъ на другую тему, какъ только замѣтили вновь пришедшихъ.

Приставомъ были поставлены тайные патрули на заставы и по улицамъ Знаменскаго предмѣстья; было приказано слѣдить, не поѣдетъ ли кто подозрительный и гдѣ остановится. Одна кошевка, запряженная тройкою ухарскихъ лошадей, заѣзжавшая въ одну изъ хибарокъ по Каштакской улицѣ за Ремесленной слободой, возбудила подозрѣніе стерегущихъ. При разспросахъ сосѣди этой хибарки растерялись, просили ихъ не губить и что сказать они ничего не могутъ.

Назавтра, 20 ноября, въ 2 часа дня, къ этому домику нагрянула полиція во главѣ съ полицеймейстеромъ. Одинъ изъ приставовъ, на свой страхъ и рискъ, рѣшилъ вывести разбойника изъ комнаты на улицу, гдѣ будетъ удобнѣе его брать. Войдя въ сѣни, приставъ, большого роста, въ сѣрой енотовой шинели и черной папахѣ, увидалъ у окна мущину, что-то разсматривавшаго. Подойдя къ нему ближе и узнавъ въ немъ Алифанова (по карточкѣ, которая имѣлась въ дѣлахъ), онъ спросилъ, кто онъ такой? Получился отвѣтъ, что поселенецъ Манзурской волости Никитинъ.

— Пожалуйте за мною!—сказалъ приставъ, и быстро пошелъ къ выходу.

Алифановъ ничего не могъ сообразить, онъ не могъ и думать, что предъ нимъ одинъ изъ чиновъ полиціи, иначе минута и—этотъ стражъ закона палъ бы мертвымъ. Алифановъ былъ удивленъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ пришедшаго и покорно вышелъ за нимъ во дворъ.

Во дворѣ на Алифанова набросилось человѣкъ 15 городовыхъ и начали его связывать. Но орелъ, привыкшій парить по поднебесью, не такъ-то скоро позволитъ взять себя въ неволю. Такъ и тутъ. Сознаніе, что его волѣ и похожденіямъ наступаетъ конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ за все минувшее расплата—придало неимовѣрную силу Алифанову; онъ разбрасывалъ солдатъ въ стороны, защищаясь ногами, руками и зубами (укусилъ въ носъ одного изъ городовыхъ). Наконецъ, послѣ продолжительной борьбы, когда на его руки и ноги повисли по нѣсколько человѣкъ, онъ не могъ сопротивляться. Лицо его стали

подергивать судороги, глаза метали молніи: онъ глухо произнесъ:

— Гдѣ вы, мои товарищи?!

Ноги Алифанова были связаны, руки скручены за спину; предъ нимъ стояли полиціймейстеръ, пристава и городовые. Алифановъ началъ жаловаться, что ему сильно стянули руки и этимъ причиняется боль. Полиціймейстеръ приказалъ ослабить веревки и лишь только онѣ были немного отпущены, Алифановъ изогнулся и въ его правой рукѣ сверкнулъ ножъ, выхваченный имъ изъ-за голенища сапога... Но въ этотъ же моментъ одинъ изъ приставовъ, слѣдившій за каждымъ движеніемъ разбойника, продѣлъ палецъ въ ременную петлю, бывшую на рукояткѣ ножа, и, дернувъ за нее, вытащилъ ножъ, порѣзавъ связанному ладонь. Кровь закапала на снѣгъ, веревки вновь стянули руки.—крѣпче, чѣмъ въ первый разъ. И Алифановъ, видя, что его послѣдняя надежда разрушилась, избросился съ потокомъ брани на арестовавшихъ его, сказавъ, что ихъ счастье, замѣтили у него ножъ, иначе онъ сумѣлъ бы добыть себѣ свободу въ пятый разъ и сумѣлъ бы отомстить за себя. При этомъ добавилъ, что все равно для иркутской полиціи даромъ это не пройдетъ, онъ будетъ отомщенъ товарищами, что они долго не забудутъ Алифанова.

Угрозы его имѣли реальное подтвержденіе, такъ какъ во дворѣ подъ сараемъ стояла копевка и въ ней лежали: берданы, револьверы, ломъ и другое оружіе, такъ что ѣй ствительно, если бы онъ сумѣлъ посредствомъ ножа освободиться отъ связывавшихъ его путъ, то произвелъ бы генеральное сраженіе, тѣмъ болѣе, что при крѣпкомъ сложеніи и громадной физической силѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, онъ и въ пятый разъ убѣжалъ бы....

Товарищи Алифанова были посланы имъ на какое-то дѣло, недалеко отъ Иркутска, потому онъ и остался на квартирѣ одинъ, будучи увѣренъ, что полиція не можетъ знать о его пребываніи здѣсь.

Вѣсть, что пойманъ знаменитый Алифановъ, наводившій паническій страхъ на жителей города и окрестностей своими грабежами и убійствами, была принята иркутянами и притрактовымъ населеніемъ съ радостью; многіе вздохнули облегченно...

Алифановъ былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы и посаженъ въ одиночную камеру иркутскаго тюремнаго замка.

Въ скоромъ времени въ уѣздѣ были пойманы и его сотоварищи, Бахтіаровъ и Саковскій, и началось слѣдствіе, тянувшееся болѣе года. Противъ «тріо» было собрано много уликъ въ разныхъ злодѣяніяхъ.

Алифановъ, знавшій, что воздаяніемъ за его дѣла будутъ два столба съ перекладиной, рѣшилъ еще разъ попробовать счастья: въ ночь на 11 февраля 1884 года разобралъ потолокъ своей камеры, крышу и по веревкѣ, сдѣланной въ теченіе года изъ арестантскихъ тюфяковъ, спустился по стѣнѣ на землю, но тутъ былъ схваченъ часовыми.

Въ мартѣ 1884 года надъ этими тремя разбойниками былъ военный судъ, который призналъ Алифанова виновнымъ въ 4-хъ кражахъ, въ томъ числѣ одной вооруженной на московскомъ трактѣ, въ 4-хъ разбойныхъ нападеніяхъ и въ 4-хъ вооруженныхъ сопротивленіяхъ при поимкѣ. Бахтіарова—въ 3 разбойныхъ нападеніяхъ, произведенныхъ съ особеннымъ звѣрствомъ и Саковскаго—въ 5-ти разбойныхъ нападеніяхъ. Судъ приговорилъ всѣхъ ихъ подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе.

Приговоръ этотъ, по должномъ его утвержденіи, приведенъ въ исполненіе 24 марта 1884 года во дворѣ тюремнаго замка, при чемъ бывшіе разбойники выказали въ послѣдніе часы жизни самообладаніе и умерли, испросивъ прощеніе за свои грѣхи у предстоящихъ близъ эшафота представителей живого міра.

Послѣ казни „тріо“ шайки распались; товарищи ихъ разъѣхались въ разныя стороны, укрываясь отъ суда съ его послѣдствіями.

Прошло 10 лѣтъ. Бывшій приставъ участвовавшій при поимкѣ Алифанова, уже оставившій полицейскую службу, однажды зимою былъ приглашенъ знакомымъ на охоту въ одну изъ окружныхъ деревень близъ Иркутска. За обѣдомъ въ зимовье вошло нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ бывшій приставъ увидалъ главнаго помощника Алифанова. Взгляды ихъ встрѣтились...

Разговоръ шелъ своимъ чередомъ, бывшій разбойникъ вынулъ изъ за голенища булатный ножъ и попросилъ хозяина зимовья дать ему брусокъ для точки ножа, прибавивъ, что надо наточить ножъ получше, потому онъ долженъ сослужить вѣрную службу, отомстить смерть товарища. И въ это время пристально посмотрѣлъ на своего врага. Что испыталъ теперь бывшій полицейскій служака—представить не трудно. Онъ понялъ, что ему не-

обходимо, какъ было въ моментъ поимки Алифанова, все присутствіе духа, чтобы избѣжать мести. Желая показать на всякій случай, что онъ умѣетъ обращаться съ оружіемъ, онъ взялъ ружье одного изъ охотниковъ, вышелъ на крыльцо и выстрѣлилъ. Этотъ выстрѣлъ былъ первымъ въ его жизни и послѣдній: онъ вообще былъ предубѣжденъ противъ оружія и, состоя болѣе 30 лѣтъ на полицейской службѣ, участвуя въ облавахъ, при поимкѣ преступниковъ, онъ въ кобурѣ на шнурѣ вмѣсто револьвера имѣлъ пучокъ газетной бумаги. Поставивъ ружье на мѣсто, онъ подошелъ къ бывшему товарищу Алифанова и спросилъ:

— Хорошо ли выточенъ ножъ?

— Да, такъ, какъ надо,—отвѣтилъ товарищъ Алифанова.

— Дайте, я его попробую!

И взявъ изъ руки разбойника ножъ, положилъ себѣ въ карманъ.

Черезъ нѣкоторое время всѣ начали собираться на продолженіе охоты и вышли. Два соперника остались въ зимовьѣ и между ними произошло объясненіе.

— Вы устроили поимку моего товарища; я долженъ за него отомстить, тѣмъ болѣе я не могу быть увѣреннымъ, что вы не донесете полиціи о моемъ здѣсь пребываніи.

— Съ полиціей у меня все порвано: что раньше было, то исполнено по долгу службы, а быть доносчикомъ теперь не желаю: увѣряю, что можете меня не опасаться.

—Я вѣрю вамъ, но на всякій случай предупреждаю, если узнаю, что вы передали полиціи о встрѣчѣ со мною, то ни васъ, ни дѣтей вашихъ не пощажу.

Послѣ продолжительнаго разговора они разстались, пожавъ другъ другу руки.

Этотъ бывшій приставъ долго боялся, какъ бы разбойникъ не измѣнилъ своего слова и не пожаловалъ къ нему, т. к. онъ зналъ его квартиру. Запоры въ домѣ были поправлены, ворота затворялись рано, но визита этого не послѣдовало.

Да! И разбойники, имѣвшіе на совѣсти десятки убійствъ, все же остаются людьми и умѣютъ держать данное слово...

О СТАРИННЫХЪ ДОМАХЪ И ЦЕРКВАХЪ ВЪ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ. *).

Исполняя данное мнѣ протекшимъ лѣтомъ порученіе иркутской городской думы произвесть экономическое обслѣдованіе района проектируемой жел. дороги на Лену,—я имѣлъ возможность побывать въ Верхоленскомъ и Киренскомъ уѣздахъ губерніи, а также и въ Забайкальѣ. Во время моего путешествія, сравнительно короткаго, я, посвящая, большую часть времени работѣ, порученной мнѣ думою, старался, тѣмъ не менѣе, присматриваться ко всему, что составляетъ предметы старины. Меня интересовало не то, что могло бы остаться намъ въ наслѣдіе отъ глубокой древности, отъ періода доисторическаго, а то, что намъ могла бы оставить старина, сравнительно недавняя, т. е. ставшая достояніемъ исторіи. Тотъ край, въ которомъ я побывалъ, завоеванъ русскими казаками 280 лѣтъ тому назадъ.

Почти ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ того, какъ Ермакъ Тимофеевичъ вступилъ въ столицу Сибирскаго царства, Искеръ, въ 1631-мъ году извѣстный въ лѣтописяхъ завоеванія нынѣшней Восточной Сибири служилый человѣкъ Петръ Бекетовъ заложилъ Тутурскій острогъ, при впаденіи рѣки Тутуры въ Лену.

Годомъ ранѣе были заложены Илимскій и Киренскій остроги.

Въ 1641 году казацкій пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ заложилъ Верхоленскій острогъ, въ 1653-мъ году боярскій сынъ Дмитрій Фирсовъ—Балаганскій.

Къ концу XVII столѣтія въ томъ районѣ, въ которомъ я побывалъ, сложилось вполнѣ осѣдлое земледѣльческое населеніе; уже въ это время насельники края отдавали десятый снопъ съ собраннаго урожая въ казну, или, какъ тогда говорилось, «на Государя»: уже въ это время пахали «на Государя» кто по чети десятины, кто по полдесятинѣ, а кто и по цѣлой десятинѣ. Объ этомъ намъ опредѣленно говорятъ сохранившіеся историческіе акты конца XVII столѣтія.

Что же могло остаться намъ въ наслѣдіе отъ этой эпохи? Что могло остаться намъ на память о тѣхъ удиви-

---

*) Статья, передѣланная изъ доклада: „Памятники старины въ Иркутской губерніи и мѣры къ ихъ сохраненію“, читаннаго на общемъ собраніи членовъ В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О-ва 5 ноября, 1911 года.

тельныхъ казакахъ, которые въ 60—70 лѣтъ прошли по Сибири отъ Уральскихъ горъ до Берингова пролива и устья рѣки Амура? Что, наконецъ, осталось намъ и отъ земледѣльческое населеніе края этого времени?— Вотъ вопросы, которые неоднократно вставали передо мною во время путешествія.

Къ сожалѣнію, такихъ памятниковъ старины въ Приленскомъ краѣ осталось мало.

Много остроговъ и острожковъ выстроили завоеватели Сибири -казаки, но что осталось отъ нихъ? За исключеніемъ полуразрушенныхъ, казацкихъ башенъ въ Якутскѣ, обрывка крѣпостной стѣны въ томъ же городѣ да остатковъ крѣпостныхъ сооруженій въ Илимскѣ, мы не имѣемъ больше уцѣлѣвшихъ деревянныхъ крѣпостныхъ сооруженій не только въ Сибири, но и въ Россіи, не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Зайдите въ избу крестьянина-старожила, быть можетъ и потомка казаковъ-завоевателей, и спросите хозяина, не осталось ли у него что-нибудь отъ старины, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ: и въ большинствѣ случаевъ вамъ отвѣтятъ: нѣтъ, ничего не имѣется. Всесокрушающее время какъ-то удивительно начисто все уничтожило и куда-то распрятало. Въ рѣдкихъ случаяхъ вамъ покажутъ посуду изъ красной мѣди, но и она не представляетъ обычно предмета большой старины. Одно хранитъ и бережетъ сибирякъ это старую икону, которая переходитъ отъ дѣдовъ къ отцамъ и отъ отцовъ къ дѣтямъ.

И вотъ тутъ-то, если вы знатокъ церковной археологіи и иконографіи, вы несомнѣнно найдете что-либо въ высокой степени интересное и цѣнное.

Если внутри дома вы найдете преимущественно икону, которая заинтересуетъ васъ съ точки зрѣнія ея старинности, то, выйдя изъ дому, въ селѣ, разыскивая памятники деревяннаго стариннаго зодчества, вы, если и сможете найти такой памятникъ старины, то имъ будетъ старинная церковь или часовня.

Иконы въ домахъ и церкви въ селахъ—вотъ что можетъ быть иногда признано достопримѣчательными предметами, какъ памятники старины, въ томъ районѣ, гдѣ мнѣ пришлось побывать.

Наряду съ старинными церквами, вы можете иногда отыскать и старинные дома, но, въ большинствѣ случаевъ, возникновеніе ихъ не можетъ быть отнесено къ той глу-

бокой старинѣ, къ которой относится постройка древнихъ храмовъ.

Старинные дома мнѣ приходилось видѣть въ Илгинскомъ краю, въ деревняхъ, расположенныхъ по р. Илгѣ и ея притоку Тыптѣ.—въ краю, заянтомъ русскими сравнительно очень давно.

Старинные дома здѣсь прежде всего высоки, вырублены изъ крупнаго лѣса, съ крышею, два ската которой направлены во дворъ. Сильно почернѣлые отъ времени, они поражаютъ васъ своими маленькими окошками, обычно двумя на фасадѣ и тоже двумя-тремя, не болѣе, по бокамъ. Точно прищурившись, смотритъ на васъ такой старый домъ этими крохотными окошечками. Видно, что построенъ онъ былъ въ то доброе старое время, когда слюда была дорога, а о стеклѣ нечего было и думать. Внутри домъ дѣлится на двѣ половины, раздѣляемыя сѣнцами: одна половина—бѣлая, другая—черная. Первая предназначалась какъ бы для гостей, и сохраняла праздничный видъ, другая же собирала всю семью за ея будничной, черной работою.

Къ сѣнцамъ, обычно сбоку, ведетъ крыльцо, покрытое навѣсомъ изъ досокъ. Ступени крыльца расположены перпендикулярно къ стѣнѣ, а не идутъ параллельно ей. Полъ дома срубленъ высоко надъ землей.

Архитектура дома проста и незатѣйлива: въ большинствѣ случаевъ вы не находите слѣдовъ какихъ-либо украшеній и рѣзьбы: исключеніе составляетъ крыльцо, верхняя площадка котораго, огороженная стѣнкой изъ досокъ или перилами, обычно изукрашена прорѣзами въ доскахъ или же нѣкоторою фигурностью самихъ перилъ.

Всегда украшены рѣзьбою или орнаментомъ ворота, обычно покрытыя маленькой крышей. По этому типу старинныхъ домовъ строятся иногда теперь и новые, также съ двумя половинами, черною и бѣлою; но окна этихъ домовъ уже немного шире и выше, чѣмъ у старыхъ, да и самыхъ оконъ вырубается больше. Помимо этого, новый домъ больше украшивается. Въ селѣ Коченскомъ, Илгинской волости, сохранилась старинѣйшая, нежилая теперь курная изба, но мнѣ пришлось видѣть ее только проѣздомъ, съ телѣги, осмотрѣть же не было времени сфотографировать ее я тоже не могъ, такъ какъ не имѣлъ съ собой аппарата.

Кромѣ Илгинскаго края, мнѣ приходилось видѣть старинные дома и по Куленгѣ. Въ общемъ, здѣсь они тако-

го же типа, какъ и нгинскіе. Пришлось замѣтить только одну ихъ особенность: часто, вмѣсто двухъ маленькихъ окошекъ, въ уличной стѣнѣ—только одно, а рядомъ съ нимъ сдѣланный въ стѣнѣ прорубъ, въ толщину бревна, на подобіе слуховаго оконца. По всей вѣроятности, это оконце закрывалось изнутри особой доской; возможно, что это—древнія «волоковыя» окна *).

Несомнѣнные старинные дома приходилось мнѣ видѣть и въ Киренскомъ уѣздѣ, въ томъ числѣ и такіе, которые представляютъ новыя особенности. Такіе дома я видѣлъ въ селѣ Тарасовѣ и селѣ Дубровинахъ этого уѣзда.

Особенность ихъ заключается въ томъ, что они являются уже какъ-бы двухэтажными. Верхній этажъ предназначается для жилого помѣщенія, нижній же представляетъ изъ себя «подклѣть», т. е. служитъ чѣмъ-то вродѣ погреба или амбара. Въ подклѣть ведетъ особая дверь, съ боку или фасада.

Въ одномъ изъ такихъ домовъ, жиломъ и обитаемомъ, въ с. Дубровинахъ, сохранилось слюдяное окно. Со слюдой въ Киренскомъ уѣздѣ, вѣроятно, еще не разстались и въ настоящее время, а не такъ давно, лѣтъ 20—30 тому назадъ, слюдяныя окна здѣсь были въ большомъ употребленіи.

Такъ какъ первыми насельниками края, въ которомъ я побывалъ, были несомнѣнно выходцы изъ сѣверныхъ губерній Европейской Россіи, бывшихъ вотчинъ Великаго Новгорода, то можно предположить, что старинные дома, подобные описаннымъ мною, должны сохраняться и въ такихъ губерніяхъ, какъ Вологодская, Архангельская и Олонецкая, ибо на новыя мѣста могла быть перенесена та же манера строить дома, какая была принята и на прежней родинѣ.

Теперешніе, напримѣръ, переселенцы-малороссіяне строятъ въ Сибири свои неизмѣнныя мазанки, которыя своимъ привѣтливымъ, свѣтлымъ видомъ такъ сильно контрастируютъ съ угрюмыми домами старожиловъ.

---

*) Несомнѣнно, что такіе дома существовали и въ г. Иркутскѣ XVIII-го столѣтія. Пежемскій въ своей лѣтописи подъ 1765 г. сообщаетъ объ Иркутскѣ этого времени между прочимъ, слѣдующее: «особенно безобразили домы неровными окнами, съ прибавленіемъ такъ называемыхъ волоковыхъ».

Я не имѣлъ возможности когда-либо побывать въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и потому, къ сожалѣнію, не могу провести аналогіи между постройками сѣверянъ-великоруссовъ и сибиряковъ.

Въ IV-мъ выпускѣ „Исторія русскаго искусства" Игоря Грабаря помѣщенъ снимокъ со стариннаго дома (181? года) въ селѣ Кошинѣ Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда.

Этотъ домъ отдѣльными элементами своей постройки напоминаетъ тѣ старинные (вѣроятно, тоже столѣтніе а то и болѣе древніе) дома, которые я видѣлъ въ Киренскомъ краѣ. На немъ мы также замѣчаемъ чрезвычайно малыя, сравнительно со своей величиной дома, окошки, затѣмъ видимъ и маленькое оконце (слѣва) въ прорубѣ бревна (какъ и въ киренскихъ домахъ). Видимъ, какъ домъ дѣлится на двѣ половины, замѣчаемъ и боковое крыльцо. Но этотъ домъ, въ общемъ, чрезвычайно великъ: такихъ большихъ домовъ въ Иркутской губерніи мнѣ не приходилось видѣть, за исключеніемъ развѣ старинныхъ зимовьевъ, существовавшихъ когда-то на Шелашниковскомъ тракту.

Если взять только лѣвую половину Кошинскаго дома, вообразить надъ нею крышу, такую же двухскатную, какъ и надъ этимъ домомъ, тогда можно будетъ получить приблизительное представленіе о тѣхъ старинныхъ домахъ, которые я видѣлъ въ Киренскомъ уѣздѣ.

Несомнѣнно интересны для насъ старинныя церкви, какъ памятники стариннаго деревяннаго зодчества, съ одной стороны, и какъ хранилища цѣнныхъ реликвій, — съ другой.

Около 180 лѣтъ тому назадъ въ предѣлахъ нынѣшней Иркутской губерніи насчитывалось уже до 34-хъ церквей, не считая церквей г. Иркутска.

Въ предѣлахъ Иркутскаго уѣзда и южныхъ частей нынѣшнихъ Верхоленскаго и Балаганскаго уѣздовъ было 15 церквей: въ Идинскѣ (нынѣ село Каменка) была Троицкая церковь, въ Балаганскѣ—Спасская, въ Бѣльскомъ—Срѣтенская, въ Кудѣ—Троицкая, въ с. Окѣ—церковь св. Аѳанасія и Кирилла, въ с. Балайскомъ—Николаевская, въ Оёкахъ—Благовѣщенская, въ с. Усольѣ и Урикѣ—Нерукотворнаго Образа, по Иркуту (въ нынѣшнемъ селѣ Введенскомъ)—Введенская церковь, въ г. Верхоленскѣ—Воскресенская, въ слободѣ Бирюльской—

Покровская, въ с. Манзурскомъ—Введенская и въ Анг—Ильинская. *).

Въ нынѣшнемъ Киренскомъ уѣздѣ и сѣверныхъ половинахъ Верхоленскаго и Балаганскаго уѣздовъ было 19-ть церквей, которыя находились въ вѣдѣніи Илимскаго заказа. Здѣсь были слѣдующія церкви:

въ городѣ Илимскѣ—Спасская,
въ Илгинскомъ острогѣ—Богоявленская,
въ Тутурской слободѣ—Николаевская,
въ Орленгской—Спасская,
въ Устькутскомъ острогѣ—Спасская,
въ Киренскомъ острогѣ—Спасская.
въ Чечуйскомъ острогѣ—Воскресенская,
въ Сполошинскомъостроге—Спасская,
въ Тушамской слободѣ—Покровская.
въ Карапчанскомъ острогѣ—Николаевская.
въ Кежемской слободѣ—Спасская,
въ Кежемскомъ погостѣ—Николаевская,
въ Братскомъ острогѣ—Богоявленская,
въ Окинской деревнѣ—Ильинская,
Въ Шамановскомъ погостѣ—Архангельская,
въ Барлукской слободѣ—Успенская,
въ Усть-удинскомъ погостѣ—Богоявленская,
въ Яндинскомъ острогѣ—Преображенская.
въ Новоудинской слободѣ—Покровская, *).

Всего у этихъ 19-ти церквей было до 20.000 прихожанъ. Наибольшіе приходы имѣла Киренская Спасская и Илгинская Богоявленская церкви: въ ихъ приходахъ было свыше 2.000 прихожанъ въ каждомъ.

Приведенный мною списокъ церквей, существовавшихъ въ Иркутской губ. въ первой половинѣ XVIII столѣтія, интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ на то, какъ заселялась Иркутская губернія.

Мы видимъ, что почти всѣ церкви были расположены по большимъ рѣкамъ: Ангарѣ. Ленѣ и отчасти Иркуту и ихъ большимъ притокамъ: Илиму. Илгѣ и др. Только одна Барлукская церковь была удалена отъ этихъ большихъ рѣкъ. Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что къ этому времени начало появляться осѣлое земледѣльческое населеніе въ полосѣ бывшаго Сибирскаго тракта.

*) См. «Иркутскую лѣтопись». стр. 35. Изд. В. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О-ва.

*) Епархіальныя вѣдомости. 1874.

Изъ перечисленныхъ мною церквей до настоящаго времени, вѣроятно, сохранились лишь немногія; я-же лично имѣлъ возможность осмотрѣть только пять: одну въ с. Знаменскомъ Илгинской волости, двѣ церкви въ г. Верхоленскѣ, одну въ с. Качугѣ и одну въ с. Бирюлькѣ. Всѣ эти церкви находятся въ Верхоленскомъ, уѣздѣ Иркутской губерніи.

Интереснѣйшею изъ нихъ является, безспорно, Илгинская Богоявленская церковь, находящаяся въ селѣ Знаменскомъ.

Илгинская Богоявленская церковь построена стараніемъ прихожанъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновы въ 1731 году, т. е. ей въ настоящее время 180 лѣтъ. Церковь эта холодная, безъ печей, съ придѣломъ во имя Іоанна Предтечи. Вслѣдствіе ея ветхости, богослуженія въ ней не отправляются. Главная ея часть, срубленная четверикомъ и переходящая въ восьмигранникъ, вѣнчающійся шатромъ, имѣетъ по плану шесть саженъ въ каждой сторонѣ. На отливахъ, наружныхъ угловъ, четверика, въ основаніи восьмерки, поставлены граненые «кубики» съ главками. Алтарь состоитъ изъ двухъ, прирубовъ, каждый о четырехъ стѣнахъ, съ пятискатной крышею. Южный изъ нихъ шире придѣльнаго сѣвернаго. На каждомъ изъ нихъ имѣется по самостоятельному бочечному перекрытію съ главками. Бочки, какъ предметъ, украшенія кровель храма, представляетъ изъ себя какъ бы бочку, срѣзанную во всю длину съ нижней стороны и вытянутую верхней стороной. Лицевыя стороны бочекъ защиты тесомъ въ косякъ и украшены иконами. Съ запада къ восьмерику пристроено помѣщеніе для трапезы, впереди—сѣни съ двумя чуланами и крыльцо. Шейка подъ большой главою и надъ шатромъ обита зощечками въ чешую. Главный Крестъ—деревянный, обитый жестью, восьмиконечный. Остальные кресты желѣзные, четырехконечные *).

Церковь, въ общемъ, большихъ размѣровъ; въ длину она имѣетъ, по плану, 18 саженъ и въ высоту, на глазъ, приблизительно столько же. Обшита тесомъ она сравнительно недавно, лѣтъ 60—70 тому назадъ. Имѣетъ много оконъ, при чемъ ихъ больше на южной сторонѣ храма.

*) См. также Игорь Грабарь. Исторія русскаго искусства, вып. IV, статья проф. архит. Суслова: «Деревянное зодчество въ Сибири.»

чѣмъ на сѣверной. Нѣкоторыя окна попросту вырисованы на тесовой обшивкѣ. Слюдяныхъ оконъ не сохранилось. Церковь имѣетъ помѣщеніе подъ поломъ, гдѣ сохранились тесаныя половицы: имѣется дверь въ это помѣщеніе. Дверь эта, на южной сторонѣ четверика, сохранилась и до настоящаго времени. Церковь въ данное время уже сильно осѣла, такъ что проникнуть черезъ дверь подъ церковь можно съ трудомъ, и ходить подъ поломъ можно только согнувшись.

Если вы войдете въ церковь съ главнаго входа, то прежде всего попадете въ обширную «трапезу».

Какъ извѣстно, трапезою называлось особое помѣщеніе въ церкви, устраивавшееся съ западной стороны, рядомъ съ папертью, и отдѣлявшееся отъ собственно церкви капитальною стѣною. Въ трапезѣ молящіеся могли отдыхать, для чего здѣсь всегда устраивались скамьи, а также до и послѣ богослуженія подкрѣплять себя пищей—совершать «трапезу». Существованіе трапезъ имѣло строгій смыслъ въ старину, когда, при малочисленности церквей, жители съѣзжались на молитву издалека; въ трапезѣ, такимъ образомъ, они могли находить временный пріютъ.

Въ трапезѣ Плтинской церкви потолочное перекрытіе поддерживается двумя рядами столбовъ, по 4 съ каждой стороны. Потолокъ состоитъ изъ сплошного ряда балокъ; кромки нижнихъ балокъ украшены «дорожками». Поверхъ всѣми балками лежатъ, на столбахъ прогоны. Столбы, поддерживающіе собою прогоны, нѣсколько фигурны: обдѣланы посрединѣ въ видѣ колонокъ; въ основаніи ихъ устроены широкія скамьи. Кромѣ того, скамьи имѣются и вдоль стѣнъ трапезы. Онѣ обиты съ боковъ рѣзными досками. Полъ трапезы, какъ и всей церкви, выстланъ большими половицами, выстроганными, но не вышленными. Въ восточной стѣнѣ трапезы находятся 2 двери и два продолговатыхъ проема съ желѣзными рѣшетками

Изъ трапезы вы проходите во внутреннюю часть храма.

Вся восточная стѣна внутри церкви занята двумя иконостасами престольнымъ и придѣльнымъ, въ 5 ярусовъ.

Иконы въ иконостасѣ поставлены на расписныя тябла. Нижній ярусъ иконостаса рѣзной. Красивыя рѣзныя украшенія иконостаса, по мнѣнію профессора архитек-

туры Суслова, осматривавшаго Илгинскую церковь, если не ошибаюсь въ 80-хъ годахъ.—носятъ на себѣ слѣды западнаго вліянія.

Изящна рѣзьба царскихъ вратъ. Передъ иконостасомъ возвышаетсяналъ поломъ церкви солея. Въ концахъ ея и на серединѣ находятся клиросы, съ кіотами у ихъ синокъ.

Стѣны внутри храма покрыты священными изображеніями, написанными на полотнѣ.

На правой половинѣ сѣверной стороны четыре священныхъ изображенія на полотнѣ, два послѣднихъ изображаютъ видѣнія Іезекіиля и Исаіи, верхнія—Моисея съ таблицами закона. Относительно изображеній на полотнѣ нужно замѣтить, что онѣ—не древнія. Одинъ 93-хъ-лѣтній старикъ разсказывалъ мнѣ, что ихъ писалъ какой-то мастеръ-живописецъ съ Илгинскаго винокуреннаго завода. Можно предположить, что они написаны въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Да и сами надписи надъ изображеніями говорятъ о томъ, что они не древнія.

На лѣвой половинѣ сѣверной стороны храма, подъ тройнымъ окномъ наверху, изображено на полотнѣ Успеніе Пресвятой Богородицы, рядомъ изображенъ Іона, „ожидающій погибели ниневитянъ“; правѣе—Ной, приносящій жертвоприношеніе, выше—пророкъ Илія, возносящійся на небеса и летающійся вранами. Ниже изображеній—панель, расписанная подъ мраморъ, около стѣны скамья, съ тремя столицами на ней старинными иконами. Въ серединѣ стѣны дверь, справа—старинная плащаница.

Существованіе двери не имѣетъ теперь значенія. Отворивши эту дверь, вы очутитесь передъ обрывомъ въ сажень высотою, передъ вами не будетъ никакого крыльца.

Такая же дверь имѣется и на южной сторонѣ храма.

Существованіе дверей въ прошломъ объясняется слѣдующимъ. Илгинская церковь была ремонтирована въ 40-хъ или 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Ремонтъ ея состоялъ въ томъ, что было уничтожено фигурное крылечко передъ входомъ въ церковь, и были снесены террасы, обходившія церковь съ двухъ ея сторонъ: сѣверной и южной. Вотъ на эти-то террасы и выходили двери, имѣвшія, слѣдовательно, въ старое время свое назначеніе и смыслъ. Затѣмъ въ этотъ же ремонтъ церковь была обшита тесомъ и, вѣроятно, изукрашена тѣми священными изображеніями на полотнѣ, о которыхъ я говорилъ выше.

Въ общемъ, церковь послѣ ремонта много потеряла въ своей величавой красотѣ. О томъ, какой видъ имѣла эта церковь до ремонта, говоритъ намъ сохранившійся въ храмѣ планъ ея.

Немонтированная Илгинская церковь выглядитъ на планѣ удивительно красивою и стройною во всѣхъ своихъ частяхъ. Любителю самобытной русской архитектуры снимокъ съ плана могъ бы доставить истинное наслажденіе.

На высотѣ середины западной стѣны храма устроены хоры, съ довольно большою и крутой лѣстницей, ведущей на нихъ.

Алтарей въ церкви два, престольный и придѣльный. Они сравнительно низки, стѣны ихъ и потолокъ также украшены священными изображеніями. Въ придѣльномъ алтарѣ имѣется маленькое оконце, на подобіе слухового, съ слюдяной рамой. Съ наружной стороны этого окна не видно, такъ какъ оно зашито тесомъ.

Въ Илгинской Богоявленской церкви имѣется много старинныхъ иконъ, какъ деревянныхъ, такъ и мѣдныхъ, крестовъ, складней. Много иконъ набросано въ нижнемъ, подпольномъ помѣщеніи церкви. На большинствѣ ихъ совершенно почти исчезъ рисунокъ.

Въ придѣльномъ алтарѣ сохранились вырѣзанное изъ дерева св. Распятіе и двѣ рѣзныя же евангельскія фигуры.

Въ общемъ, Илгинская Богоявленская церковь сохранилась еще хорошо. Понемногу рушатся только рѣзныя украшенія на иконостасѣ, обломки которыхъ я видѣлъ то тутъ, то тамъ.

Мнѣ думается, что своевременно было бы обратить вниманіе на иконостасъ и направить усилія къ тому, чтобы сохранить его во всей цѣлости и неприкосновенности. Рѣдко старинные иконостасы сохраняются въ древнихъ храмахъ; такой рѣдкостью и является для насъ иконостасъ Илгинской церкви.

Нужно замѣтить, что церковь эта не была первой въ с. Знаменскомъ. Старожилы разсказываютъ, что до Богоявленской церкви была еще и другая, недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоитъ сейчасъ новая церковь, но что она сгорѣла.

Изъ одного историческаго документа, опубликованнаго въ свое время на страницахъ "Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", видно, что древняя Илгинская церковь сгорѣла **12 января 1730 года.**

Въ этомъ документѣ, содержащемъ въ себѣ разрѣшеніе отъ Тобольскаго митрополита Антонія на постройку новой

церкви въ с. Знаменскомъ, говорится относительно пожара слѣдующее:

„Сего 1730 года генваря противъ 12 числа въ ночи, волею Божіей, за ветхостью оная Знаменская церковь съ придѣломъ Николая Чудотворца, со всѣмъ церковнымъ имѣніемъ, съ книгами и святыми иконами, сгорѣла".

Былъ вынесенъ, очевидно, одинъ св. Антиминсъ, такъ какъ въ Никольскомъ придѣлѣ церкви хранится въ данное время антиминсъ, освященный для священнодѣйствованія въ 1707 году.

Интересно, что въ документѣ указывается на ветхость прежней Знаменской церкви. Это даетъ намъ право предположить, что она, вѣроятнѣе всего, была построена еще въ XVII столѣтіи.

Переходя теперь къ выясненію историческаго значенія Илгинской Богоявленской церкви, мы прежде всего укажемъ на типичность ея архитектуры.

Церковь эта относится къ такъ называемымъ „шатровымъ", необходимою принадлежностью которыхъ является шатеръ, идущій надъ храмомъ кверху въ видѣ 8-миранной пирамиды и вѣнчающійся главою.

Шатровыя церкви появились въ глубокую старину и были распространены на сѣверѣ Россіи, въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ. Такихъ церквей много сохранилось въ губерніяхъ Архангельской и Вологодской, отчасти Олонецкой. Шатровый храмъ значительно отличался отъ другихъ своей высотой, которая какъ бы усиленно подчеркивала его стремленіе вверхъ.

Игорь Грабарь, изучившій архитектуру шатровыхъ храмовъ, съ восторгомъ отзывается объ этихъ храмахъ, въ особенности болѣе древнихъ изъ нихъ:

„Изумительно строги, почти суровы въ своей величавой простотѣ эти великаны, вросшіе въ землю, какъ бы сросшіеся съ нею", пишетъ онъ въ своей исторіи русскаго искусства: „окруженные древними, столѣтними елями, эти храмы часто и сами кажутся издали такими же елями, только еще могучѣе, еще стройнѣе высятся ихъ верхи изъ лѣсной чащи. Съ окружающею природой они, дѣйствительно, составили одно неразрывное цѣлое, притомъ далеко не въ одномъ только фигуральномъ значеніи слова: сама природа и позволила и заставила такъ рубить храмы, чтобы надъ ними пронеслись вѣка. Идея вѣчности и необъятности церкви Христовой выражена здѣсь невѣроятно сильно и до послѣдней степени просто. Простота очертаній достигла въ

нихъ до высшей художественной красоты, и каждая линія говоритъ за себя, ибо она непринуждена, не надумана, а безусловно необходима и логически неизбѣжна. Какъ великолѣпны пропорціи частей, какъ разумны и очаровательны декораціи, нужныя для выразительности храма"...

Пользуясь фотографіями, помѣщенными въ „Исторіи русскаго искусства" Грабаря, я позволю себѣ указать на три старинныхъ шатровыхъ церкви въ Вологодской губерніи имѣющихъ сходство съ Илгинской Богоявленской церковью

Церковь Владимирской Божіей Матери въ Бѣлой Слудѣ Вологодской губерніи Сольвычегодскаго уѣзда, построенная въ 1642 году, старѣе Илгинской церкви почти на 90 лѣтъ Принадлежала также къ типу шатровыхъ церквей, она имѣетъ и болѣе древнюю конструкцію, чѣмъ Илгинская церковь; именно, восьмерикъ этой церкви выходитъ прямо отъ земли, а не покоится на четверикѣ, какъ у Илгинской церкви. Съ запада, сѣвера и юга эту церковь охватываетъ галлерея. На подобіе этой была галлерея и въ Илгинской церкви, но, какъ я уже упоминалъ, она была уничтожена послѣ ремонта церкви. *).

Церковь Дмитрія Солунскаго на Верхней Уфтюгѣ Вологодской губ. Сольвычегодскаго уѣзда почти ровесница Илгинской Богоявленской, и по своей конструкціи ближе подходитъ къ послѣдней, чѣмъ предыдущая. Здѣсь восьмерикъ также покоится на четверикѣ, какъ и у Илгинской церкви. Нѣтъ только кубиковъ съ главками на наружныхъ углахъ четверика, нѣтъ отдѣльно устроенной трапезы **).

Шатровая Петропавловская церковь въ Нучугѣ, опять-таки въ той же Вологодской губ. и въ томъ же Сольвычегодскомъ уѣздѣ, построена въ 1788 году, т. е. на 57 лѣтъ позже Илгинской. Церковь эта еще болѣе имѣетъ сходства съ Илгинской: восьмерикъ у ней такъ же, какъ и у Илгинской, возвышается надъ чтверикомъ, впереди пристроено помѣщеніе для трапезы: алтарь украшенъ бочечнымъ перекрытіемъ. Существенная разница заключается только въ томъ, что алтарь у Илгинской церкви двухсрубный и украшенъ поэтому двумя бочками. Полъ этой церкви, какъ и въ предыдущихъ, поднятъ высоко надъ землею. ***).

---

*) Игорь Грабарь «Исторія русскаго искусства», вып III, стр. 360.

**) Jbidem, стран. 367.

***) Jbidem, стран. 372.

Отдѣльно стоящая за церковью, колокольня чрезвычайно сильно напоминаетъ собою старинную колокольню Илгинской церкви.

Вознесенская церковь въ Конецгорьи Архангельской губ. Шенкурскаго уѣзда, построенная въ 1752 году, представляетъ по контурамъ основанія уже какъ-бы греческій равносторонній крестъ: къ южной и сѣверной стѣнамъ четверика пристроены придѣлы. Церковь эта знаменуетъ дальнѣйшее развитіе плана шатровыхъ церквей, и въ этомъ смыслѣ является болѣе молодой, въ сравненіи съ Илгинской церковью.

Крыльцо этой церкви нѣсколько напоминаетъ собою то крыльцо, которое существовало когда-то въ Илгинской церкви, но было уничтожено послѣ ремонта. *).

Но не только съ внѣшней стороны сѣверно-великорусскіе храмы напоминаютъ шатровой Илгинскій Богоявленскій храмъ: часто они очень схожи и во внутреннемъ устройствѣ.

Иконостасъ, напримѣръ, Троицкой церкви въ Ламожнѣ на Мезени, построенной въ 1781 году, похожъ на иконостасъ Илгинской церкви и также производитъ впечатлѣніе однопрестольнаго, такъ какъ для обоихъ алтарей иконостасъ общій (какъ и въ Илгинской церкви). Только стоящій посрединѣ столбъ, съ приставленнымъ къ нему огромнымъ образомъ Спаса, даетъ намекъ на двупрестольность. Затѣмъ такія же расписныя тябла, въ которыхъ вставлены иконы. Но иконъ здѣсь меньше, такъ какъ и самый иконостасъ значительно менѣе, чѣмъ въ Илгинской церкви. **).

Трапезу въ Введенской церкви въ Еломѣ Вологодской губ Сольвычегодскаго уѣзда, по устройству потолка, проемовъ въ стѣнѣ и рисунку желѣзной рѣшетки въ проемахъ близко напоминаетъ трапезу Илгинской церкви. Можно констатировать сходство и въ мелкихъ частяхъ. ***)

Вернемся къ Илгинской церкви. По компетентному заявленію профессора Суслова, Илгинская Богоявленская церковь, по своимъ размѣрамъ, стройнымъ пропорціямъ, силуэту и характернымъ формамъ, представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ русскаго деревяннаго зодчества вообще.

---

*) Ibidem, стр. 380.

**) Игорь Грабарь. „Исторія русскаго искусства." вып. IV, стран. 454.

***) Ibidem, стр. 459.

Являясь типичною шатровой церковью, она можетъ быть признана чуть-ли не единственной въ Восточной Сибири въ данное время. По крайней мѣрѣ, мнѣ, въ моихъ странствованіяхъ по Иркутской губерніи, ни разу не приходилось видѣть подобной церкви и на тѣхъ фотографическихъ снимкахъ сибирскихъ церквей, какіе только бывали у меня подъ руками. Это и даетъ мнѣ пока право называть Илгинскую церковь рѣдкимъ образчикомъ шатровыхъ храмовъ въ Восточной Сибири, тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтаетъ она въ нашихъ глазахъ.

Исторія возникновенія Илгинской церкви можетъ быть объяснена двояко: или она была построена артелью плотниковъ, выходцевъ изъ сѣверныхъ губерній Европ. Россіи,— плотниковъ, которые строили храмы въ Сибири по образцу тѣхъ, какіе воздвигали они на сѣверѣ Россіи; или же сами жители края построили Илгинскую церковь на подобіе тѣхъ церквей, къ которымъ они привыкли въ Россіи, до переселенія въ Сибирь. Въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что первыми насельниками Илгинскаго края были преимущественно выходцы сѣверныхъ губерній Евр. Россіи: Вологодской, Архангельской и Олонецкой.

Исторія заселенія Иркутской губерніи какъ разъ и указываетъ на то, что кадры осѣдлаго населенія здѣсь составлялись изъ великоруссовъ сѣвера Россіи. Если это такъ, то второе предположеніе будетъ болѣе вѣроятнымъ, и въ этомъ случаѣ Илгинская церковь пріобрѣтаетъ большое историческое значеніе для насъ, какъ памятникъ заселенія края. Но почему же въ такомъ случаѣ больше не сохранилось въ Иркутской губ. шатровыхъ церквей?

Прежде всего потому, что шатровые храмы строились вообще въ глубокой древности, а изъ существовавшихъ въ древности, именно въ XVII столѣтіи, храмовъ въ Иркутской губ. не сохранилось до нашего времени, кажется, ни одного. Исторія церковнаго дѣла въ Иркутской губерніи пестритъ указаніями на пожары, на то, что въ такомъ-то году сгорѣла такая-то деревянная церковь, а взамѣнъ ея была срублена новая. Первая Илгинская церковь, какъ мы видѣли, сгорѣла въ 1730 году; старѣйшая Карапчанская церковь сгорѣла въ 1727 году. Въ этомъ году карапчанцы обратились къ митрополиту сибирскому и тобольскому Антонію съ прошеніемъ о разрѣшеніи построить новый храмъ. Въ прошеніи заявлялось о томъ, что прежняя церковь сгорѣла.

„Во время того пожара, оной церкви антиминсъ, сосуды церковные, св. иконы и книги—вынесено все", сообщали карапчанцы.

Старинѣйшая церковь въ Устькутѣ сгорѣла въ 1796 году. Около 1729 года сгорѣла старая церковь въ Янцинскомъ остротѣ. Первая Орленгская церковь была разобрана въ 1736 году, при чемъ лѣсъ былъ употребленъ на отопленіе новаго храма, а иконы были уступлены во вновь строившуюся тогда Марковскую церковь. Древнія Устьудинская и Новоудинская церкви были сильно повреждены пожаромъ около 1735 года.

Во времена епископа Иннокентія Неруновича, церкви Орленгская, Новоудинская, Устьудинская, Тутурская, Барлукская и Китойская были уже чрезвычайно ветхими, какъ можно судить объ этомъ на основаніи сохранившихся историческихъ актовъ того времени. Если первыя церкви въ Иркутской губерніи даже 180 лѣтъ тому назадъ были ветхими и разрушались, или дѣлались добычею огня, то, разумѣется, до нашего времени онѣ не могли сохраниться.

Понятно поэтому, что, если и былъ гдѣ-либо шатровый храмъ, и сгорѣлъ, то на смѣну ему могъ появиться храмъ уже новаго типа.

Мѣняются времена, мѣняются и вкусы, и то, что было допустимо вчера, сегодня уже считается недопустимымъ.

Извѣстно, что въ XVII столѣтіи было запрещено строить шатровые храмы. И вотъ, когда нельзя было срубить церковь по старинѣ, ей давали новую форму и строили ее въ видѣ ярусной или многоглавчатой и т. д. Пятиглавіе было настойчиво рекомендовано для замѣны шатра, казавшагося, какъ думаетъ Грабарь, вѣроятно, недостаточно церковною, слишкомъ произвольною, нарядною формой. Поэтому будетъ понятно то обстоятельство, что всѣ церкви въ Иркутской губерніи, возникшія во второй половинѣ XVII-го столѣтія, уже не имѣютъ шатра. Таковы, напр., старинныя Верхоленскія церкви: Богоявленская и Вознесенская.

Вознесенская церковь изобилуетъ бочечными украшеніями (ихъ всего 9: 8 на верхнемъ ярусѣ храма, положены крестообразно другъ на друга, и одно находится надъ алтаремъ). Видимо, зодчій не рѣшался разстаться съ этими бочечными украшеніями, присущими шатровымъ храмамъ. Шатеръ же сохранился надъ колокольней. Въ старину колокольни строились обычно отдѣльно отъ храма: то обстоятельство, что въ этой Верхоленской церкви колокольня не отдѣлена отъ нея, не должно насъ смущать. Колокольня эта ранѣе стояла въ

сторонѣ и лишь не такъ давно была пристроена къ церкви. Одна изъ этихъ церквей, та, что ближе къ Ленѣ,—лѣтняя, Воскресенская, другая—зимняя, Богоявленская.

Изъ списка церквей, опубликованнаго въ лѣтописи Пежемскаго, мы узнаемъ, что въ Верхоленскѣ въ 1727 году существовала церковь Вознесенская. Та ли это церковь, которую пришлось намъ видѣть во время нашего путешествія?

Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ объ этой церкви, которыя въ свое время были опубликованы на страницахъ „Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1776 годъ, мы должны отвѣтить отрицательно на поставленный нами вопросъ. Какъ оказывается, прежде сохранившейся Воскресенской церкви въ гор. Верхоленскѣ была другая церковь, тоже Воскресенская, весьма древняя. Эта-то церковь и была современною святителю Иннокентію.

Исторію этой церкви разсказалъ намъ въ „Иркутскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ священникъ Іоаннъ Сизой. Вотъ что онъ писалъ тогда:

„Когда и кѣмъ былъ построенъ первый храмъ въ Верхоленскомъ острогѣ, указанія на это въ церковныхъ документахъ не находимъ. Но по тѣмъ даннымъ, какія въ настоящее время имѣются подъ руками, можно, кажется, время построенія его съ достовѣрностью отнести къ 1661 году. И этому вотъ какое основаніе. При Верхоленскомъ соборѣ до сихъ поръ сохраняется въ числѣ нѣсколькихъ другихъ крестъ съ надписью о времени освященія перваго острожнаго храма. Хотя въ надписи нельзя разобрать года, но она отчетливо сохранила запись индикта и лицъ, при которыхъ состоялось это освященіе. Вотъ эта надпись: „Освятися сей алтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и создужень бысть крестъ сей въ первыя церкви Верхоленскаго острога въ лѣто (годъ неразборчивъ) марта 20-го дня, индикта 14-го, при державѣ Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, при Преосвященномъ Великомъ Господинѣ Симеонѣ Тобольскомъ и Сибирскомъ“.

„Архіепископъ Симеонъ, какъ мы знаемъ, вступилъ въ управленіе сибирской епархіи въ 1651 году и правилъ ею 13 лѣтъ. Во время его управленія 14-й индиктъ падалъ на 1661 годъ. Стало быть, и освященіе перваго острожнаго храма въ Верхоленскѣ было 20 марта 1661 года, и построеніе его предварило построеніе первыхъ иркутскихъ пер-

квей—Спасской и Вознесенскаго монастыря—одиннадцатью годами".

Интересно далѣе, какова была форма древней Верхоленской Воскресенской церкви. Относительно этого тотъ же священникъ Іоаннъ Сизой сообщалъ слѣдующее:

„При церковномъ архивѣ хранятся планъ перваго острожнаго храма и фасадъ, снятые Россійской Императорской Академіи Наукъ геодезистомъ государственной коллегіи коллежскимъ регистраторомъ Иваномъ Кожевинымъ, которые даютъ намъ возможность представить здѣсь описаніе внѣшняго вида и внутренняго устройства этого храма. Онъ рѣзко раздѣлялся на 3 части: трапезу, собственно церковь и алтарь. Трапеза безыскусственно сложена была изъ бревенъ и во многомъ напоминала собою простую крестьянск. избу, съ тремя небольшими (волоковыми), по сторонамъ, окошками. Со вн. съ южной стороны, подъ трапезу вела по землѣ неширокая и довольно низкая дверь, по правую сторону которой прорублено было тоже волоковое и, вѣроятно, задвижное окошко. Съ западной стороны трапезы устроенъ былъ входъ во храмъ, съ крыльцомъ, свойственнымъ тому времени. Къ восточной сторонѣ трапезы примыкала церковь: до высоты трапезы, вмѣстѣ съ алтаремъ, она была сложена изъ однихъ продольныхъ бревенъ, а отсюда, оставивъ уступъ для кровли и купола надъ алтаремъ, она, сначала четырехугольная, а потомъ и восьмиугольная, далеко высилась надъ остальными частями храма, оканчиваясь надъ нимъ конусообразно».

Это чрезвычайно интересное сообщеніе священника Сизого не оставляетъ въ насъ сомнѣнія въ томъ, что первоначальная Верхоленская Воскресенская церковь была по типу постройки шатровою. Въ то же время это сообщеніе подтверждаетъ наше предположеніе, что были-таки въ глубокой древности въ Иркутской губерніи шатровые храмы, но они не сохранились до нашего времени. *).

Теперешняя же Воскресенская церковь въ Верхоленскѣ была построена въ 1795 году, т. е. ей всего въ данное время 116 лѣтъ. Родъ постройки другой церкви намъ неизвѣстенъ. Но она была построена приблизительно около этого же времени, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы одна

*) Судя по одному рисунку, изображающему г. Иркутскъ начала XVIII-го столѣтія, большинство иркутскихъ деревянныхъ церквей того времени имѣло шатровую надстройку. Первое столѣтіе г. Иркутска, изданіе В. П. Сукачева.

церковь была зимняя, а другая—лѣтняя. Что сталось съ древнею Воскресенской церковью, намъ тоже неизвѣстно. По всей вѣроятности, она сгорѣла. Нѣкоторые священные предметы были вынесены изъ нея и сохраняются въ теперешнихъ старыхъ церквахъ.

Вотъ это послѣднее обстоятельство пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе. Если, дѣйствительно, нѣкоторые священные предметы перешли изъ древней Воскресенской церкви въ современныя старыя церкви, то эти послѣднія должны хранить въ себѣ величайшія и чрезвычайно цѣнныя реликвіи, оставшіяся намъ еще отъ второй половины XVII-го столѣтія.

А что это такъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, и путешествіе на Лену, совершенное въ 1871 году архіепископомъ Веніаминомъ.

Въ запискахъ и замѣткахъ, веденныхъ во время этого путешествія и напечатанныхъ на страницахъ „Иркутскихъ Епарх. Вѣдомостей", указывалось на то, что въ придѣлѣ св. Аѳанасія и Кирилла теперешней Воскресенской церкви хранится св. Евангеліе въ кожаномъ переплетѣ, напечатанное въ Москвѣ повелѣніемъ Царя Алексѣя Михайловича, благословеніемъ архипастыря Великаго Господина Святѣйшаго Іоасафа, Патріарха Московскаго и всея Россіи, 15 марта 1668 года.

Несомнѣнно, что это евангеліе могло сохраниться отъ первоначальной Воскресенской церкви Верхоленскаго Острога.

Въ этомъ же придѣлѣ долженъ оставаться св. Антиминсъ, священнодѣйствованный и подписанный властною рукою Софронія, Епископа Иркутскаго и Нерчинскаго.

При личномъ осмотрѣ внутреннихъ помѣщеній старинныхъ верхоленскихъ церквей, меня поражало смѣшеніе въ храмѣ весьма старинныхъ священныхъ предметовъ со сравнительно новыми.

Такъ, и сами иконостасы, и иконы въ нихъ, рѣзьба, украшенія, манера писать—все говоритъ о томъ, что они сравнительно поздняго происхожденія: отъ нихъ вѣетъ эпохой имп. Екатерины II-й и имп. Павла и Александра I-го. И тутъ же, наряду съ предметами этой эпохи, мы видимъ разставленные на скамьяхъ бывшихъ трапезъ церквей старинныя иконы, опредѣлить возрастъ которыхъ нельзя даже приблизительно. Мы видимъ сдѣланныя изъ массивнаго желѣза хоругви съ образомъ Спаса, какъ будто нѣсколько уже реставрированнымъ, и

намъ невольно хочется думать, что эта хоругвь осталась въ наслѣдство отъ казацкихъ походовъ, и что съ нею шли казаки, отыскивая новыя земли въ привольной Сибири.

Я не спеціалистъ по церковной археологіи, по археологіи вообще, и даже не диллетантъ въ этой области.

Но мое глубокое убѣжденіе таково, что Верхоленскія старинныя церкви содержатъ въ себѣ много цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи реликвій что слѣдуетъ ихъ отыскать, описать и изучить.

Въ Воскресенской церкви имѣется подвальное помѣщеніе, и въ немъ хранится много старинныхъ предметовъ. Тутъ вы найдете старинные вѣнчальные вѣнцы и остатки старыхъ иконостасовъ, и кресты, и иконы, и куски старинной парчи. Въ этомъ же подвалѣ имѣется склепъ, закрытый тяжелой надгробной плитой надпись на которой трудно поддается разборкѣ. Можно понять только, что здѣсь похоронень въ 1789 году важный служилый человѣкъ. Наконецъ, на паперти Воскресенской церкви находится огромная икона—картина страшнаго суда Христова. Картина эта не меньше квадратной сажени, выписована весьма тщательно, съ большой любовью къ дѣлу и къ сюжету. Ей около 100 лѣтъ. Она поражаетъ подробнымъ толкованіемъ взятой художникомъ темы Ни разу въ жизни, ни до, ни послѣ этого, я не видалъ такого подробнаго, детальнаго трактованія темы о страшномъ судѣ.

Обратимся теперь къ Качугской церкви. Эта церковь, построенная въ 1784 году, имѣетъ незатѣйливый видъ и носитъ характеръ яруснаго храма. До этой церкви существовала другая, но мы не имѣемъ о ней никакихъ свѣдѣній. Качугская церковь двухэтажная. Богослуженіе въ ней не совершается. Къ моменту моего осмотра этой церкви, передняя ея часть, соотвѣтствующая паперти или трапезѣ, была только что разобрана.

Въ верхнемъ этажѣ церкви сохранился сравнительно новый иконостасъ, на верху котораго поставлено, св Распятіе, съ двумя евангельскими фигурами по бокамъ. Въ нижнемъ этажѣ хранятся различные старинные предметы, оставшіеся, видимо, отъ древней Качугской церкви Среди этихъ предметовъ я разглядѣлъ старинныя двери со слюдянымъ переплетомъ. Здѣсь же я нашелъ довольно толстую рукописную книгу 1784 года. Книга носитъ заглавіе: „О зачатіи и происхожденіи Петра Перваго. Само-

держца Всероссійскаго» и имѣетъ повѣствовательный историческій характеръ. Представляетъ ли она оригинальный трудъ какого-либо неизвѣстнаго автора, или же списана съ другой извѣстной книги, опредѣленно сказать не могу.

Бирюльская церковь принадлежитъ также къ типу ярусныхъ. Церковь эта украшена двумя сравнительно большими главами (наверху церкви и надъ папертью) и одной маленькой главкою надъ алтаремъ. Она является безусловно старинною, но годъ постройки ея мнѣ неизвѣстенъ. На южной сторонѣ храма сохранились четыре окна съ чудными слюдяными переплетами. Иконостасъ выглядитъ сравнительно новымъ и только въ лѣвомъ придѣлѣ кажется древнимъ.

Изъ старинныхъ каменныхъ церквей, которыя всегда, конечно, болѣе позднято происхожденія, чѣмъ деревянныя, мнѣ удалось осмотрѣть только одну, именно, въ селѣ Черемховѣ. Черемховской церкви не менѣе 100 лѣтъ: въ настоящее время она уже разрушается, и въ ней не служатъ. Какъ образецъ стариннаго каменнаго зодчества, она должна быть ремонтирована и сохранена. Въ ней есть старинныя иконы, вѣроятно, перенесенныя изъ древняго деревяннаго храма. Здѣсь мнѣ впервые пришлось увидѣть икону, писанную на довольно рѣдкій сюжетъ: она изображала собою праведнаго Ноя, съ его тремя сыновьями: Симомъ, Хамомъ и Іафетомъ.

Что же касается старинныхъ колоколенъ, то нужно замѣтить, что всѣ онѣ прежде всего представляютъ изъ себя отдѣльныя отъ церквей постройки. Обычно въ Иркутской губерніи колокольни эти представляютъ изъ себя восьмерикъ, срубленный на четверикѣ и вѣнчающійся куполомъ со шпилемъ.

Таковы, напримѣръ, колокольни при старинныхъ: Илгинской и Олекминской церквахъ.

При многихъ старинныхъ церквахъ сохранились архивы. Я думаю, что эти архивы должны пролить много свѣта на исторію церковнаго строительства въ Сибири и дать много матеріала для исторіи заселенія Сибири. Въ архивѣ Илгинской церкви сохранилось документы отъ конца XVIII-го столѣтія... Другіе архивы я не имѣлъ возможности просмотрѣть..

Вотъ и все, чѣмъ я хочу подѣлиться съ читателями въ своей статьѣ....

Изъ изложеннаго видно, что главнѣйшими памятниками старины въ Иркутской губ., какъ, вѣроятно, и во всей Сибири, являются церкви, и что эти старинныя церкви вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ въ себѣ и много древнихъ и цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи предметовъ. Церкви эти далеко не сохраняютъ и не оберегаютъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онѣ заслуживаютъ.....

Мы видимъ, что перваго поколѣнія церквей, если можно такъ выразиться, уже не существуетъ, исчезли почти всѣ шатровыя церкви, исчезли и потому, что ихъ истребили пожары, и потому, что ихъ снесли человѣческія руки, и только, въ видѣ счастливаго исключенія, остались позднѣйшія изъ шатровыхъ церквей—это именно: Илгинская Богоявленская церковь.... Но, исчезаетъ и второе поколѣніе, рушатся церкви, построенныя въ XVIII столѣтіи, въ половинѣ или концѣ этого столѣтія, церкви, которыя замѣнили собою храмы XVII-го столѣтія... Уничтожаются колонки, рубятся сами церкви, разрушаются иконостасы. Иногда въ роли разрушителя фигурируетъ, страшно сказать, ремонтъ.

Отъ такого ремонта сильно пострадала, какъ мы это и говорили, Илгинская церковь... А когда въ 1849 году карапчанцы рѣшили произвесть ремонтъ старинной церкви, построенной въ 1749 г., они начали съ того, что уничтожили досчатую галлерею, украшавшую храмъ, уничтожили въ церкви и капитальную стѣну, т. е. лишили храмъ его древняго придатка, трапезы...

Явилось третье поколѣніе церквей, построенныхъ въ недавнее время, и старинныя церкви, XVIII-го столѣтія, стоя рядомъ съ новыми церквями, кажутся уже какъ будто ненужными и лишними, отслужившими свой вѣкъ.

Такъ, три поколѣнія церквей видѣлъ г. Верхоленскъ. Онъ имѣлъ шатровую церковь, построенную въ 1661 году, въ 1795 году на смѣну ей явились многоглавчатая Богоявленская и ярусная Воскресенская церкви, и недавно на смѣну этимъ пришелъ обширный и просторный каменный соборъ...

Вотъ о церквахъ второго поколѣнія и слѣдуетъ позаботиться, всячески поддержать ихъ и сохранить... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не должны упускать изъ виду и того, что намъ могло остаться въ наслѣдіе отъ древнѣйшихъ церквей, нынѣ не сохранившихся.... Вѣдь, если исчезли стѣны церквей, то могли остаться предметы, въ нихъ

обитавшіе и сохранявшіеся. Это-то наслѣдство и представляется для насъ наиболѣе дорогимъ и цѣннымъ.

И вотъ поэтому для того, чтобы изучить церковныя древности Иркутской губерніи, систематизировать ихъ а, главное, отыскать, надо хорошо знать исторію церковнаго дѣла.

Вы не сдѣлаете всей работы, если будете изучать только старинныя церкви, такъ какъ иногда и новая церковь содержитъ въ себѣ болѣе древніе предметы, получивъ, ихъ въ наслѣдство отъ отдаленнѣйшей эпохи.

Когда истекшимъ лѣтомъ я былъ въ с. Чечуйскомъ Киренскаго уѣзда, я не имѣлъ намѣренія осматривать Чечуйскую церковь, такъ какъ она новая и поэтому мало представляла для меня интереса. И только случайно узналъ, что въ одной амбарушкѣ при этой церкви имѣются достопримѣчательные предметы, сохранившіеся отъ древнѣйшей Чечуйской церкви. Въ этой амбарушкѣ я нашелъ старинныя иконы, архивъ, и, что всего интереснѣе, дѣвѣ скульптурныя вырѣзанныя изъ дерева фигуры, украшавшія когда-то старую Чечуйскую церковь. Одна фигура изображала неизвѣстнаго мнѣ святого, сидящаго на креслѣ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ митрою на головѣ, и съ Евангеліемъ въ рукахъ. Другая фигура изображала Спасителя, сидящаго на тронѣ съ державою въ рукахъ.

Я думаю, что эти замѣчательныя скульптуры, въ общемъ хорошо сдѣланныя, составили бы украшеніе любого церковно-археологическаго музея. Я предполагаю, что предметы старины вообще, и церковной археологіи въ частности, должны быть сохраняемы двояко: прежде всего они должны быть сохранены, если можно такъ выразиться, матеріально: т. е. они должны быть разумно ремонтированы, реставрированы и т. д. Во-вторыхъ, они должны быть увѣковѣчены въ словѣ и рисункѣ, т. е. должны быть описаны, и, по возможности, срисованы или же сняты, то и другое, въ одинаковой мѣрѣ, и необходимо и цѣлесообразно. Вы можете ремонтировать иконостасъ Илгинской церкви, поддержать ея зданіе, но вы не застрахованы отъ того, что эта церковь какъ-нибудь исчезнетъ совершенно безслѣдно, станетъ добычею огня, напримѣръ. Въ этомъ худшемъ изъ случаевъ, церковь можетъ остаться только на рисункѣ и сохраниться въ ея описаніи.

Я полагаю, что предметы старины прежде всего должны быть изучены и тщательно зарегистрированы и въ этомъ случаѣ широкое поле дѣятельности открывается для возникающаго въ Иркутскѣ церковно-археологическаго общества..

Думаю, что работу можно было бы начать съ изученія описанія и фотографированія Илгинской Богоявленской церкви, какъ наиболѣе интересной.. Менѣе яснымъ представляется мнѣ вопросъ о коллекціонированіи предметовъ церковной археологіи...

Изъять эти предметы изъ старинныхъ церквей—это, значитъ, опустошить ихъ, и тѣмъ лишить ихъ глубокаго интереса...

Тамъ, гдѣ церковь представляется еще прочною, и не угрожаетъ разрушеніемъ, и предметы древности, я полагаю, что должны быть оставлены въ храмѣ и приведены только въ порядокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изучены и описаны...

Тамъ же, гдѣ эти предметы не составляютъ съ церковью одного неразрывнаго цѣлаго, а хранятся гдѣ-то отдѣльно, въ кладовыхъ и амбарушкахъ, они могутъ быть изъяты съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, и помѣщены въ музей, будетъ- ли это церковно-археологическое отдѣленіе музея географ. об-ва или же спеціальный музей церковно-археологическаго общества...

И. И. Серебренниковъ.

4 ноября 1911 г.

УЧИТЕЛЬСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ Г. ИРКУТСКѢ.

Въ четвергъ на масляницѣ 1911 года въ помѣщеніи женской гимназіи А. М. Григорьевой состоялся вечеръ учителей низшей и средней школы г. Иркутска. Вечеръ этотъ, по справедливости, можетъ быть отмѣченъ какъ одно изъ свѣтлыхъ явленій минувшаго года въ жизни педагогической семьи.

Иниціаторами этого вечера были: супруга г. Главнаго Инспектора училищъ Восточной Сибири, Агриппина Матвѣевна Василенко и начальница—учредительница женской гимназіи Анна Михайловна Григорьева. Обѣ онѣ присутствовала на рождественской елкѣ въ школѣ А М. Клавдіевой, гдѣ было много народныхъ учителей. Здѣсь было такъ живо, искренно: чувствовалась какая-то «семейная простота» и била свѣжая струя педагогическа-

го взаимообщенія. Въ такой обстановкѣ совершенно естественно возникла мысль объ устройствѣ общаго педагогическаго вечера,—мысль, которая встрѣтила сочувственное отношеніе со стороны присутствовавшаго на елкѣ г. Главнаго Инспектора училищъ Восточной Сибири д. с. с. Г. П. Василенко.

Послѣ «елки» въ Кладищевской школѣ А. М. Василенко и А. М. Григорьева сразу же приступили къ организаціи вечера.

Прежде всего, вечеръ было рѣшено ознаменовать празднованіемъ двухъ юбилеевъ, исполнившихся въ 1911 году—40-лѣтіе со дня смерти К. Д. Ушинскаго и 30-лѣтіе со дня смерти Ѳ. М. Достоевскаго.

Затѣмъ, во всѣмъ учебнымъ заведеніямъ г. Иркутска былъ разосланъ подписной листъ съ приглашеніемъ гг. учителей принять участіе въ предполагаемомъ вечерѣ. На расходы по устройству вечера каждый изъ участниковъ вносилъ по 1 рублю.

На предложеніе откликнулось до 180 учителей; но послѣ вечера нѣкоторые учителя, не бывшіе на вечерѣ, выражали сожалѣніе, что имъ, по разнымъ случайнымъ причинамъ, не удалось принять участіе въ педагогическомъ празднествѣ.

На вечерѣ, кромѣ учителей, присутствовали: Главный Инспекторъ Г. П. Василенко и начальники мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

Вечеръ открытъ былъ слѣдующей рѣчью преподавателя Учительскаго Института А. П. Линькова.

«Мм. Гг.!

Сегодня наша педагогическая семья собралась подъ юбилейнымъ знаменемъ двухъ великихъ, общественно-педагогическихъ дѣятелей Ѳ. М. Достоевскаго и К. Д. Ушинскаго.

На мою долю выпала высокая честь посвятить свое скромное слово памяти русскаго Песталоцци.

Собственно юбилейной памяткой, и при томъ самой лучшей, для К. Д. является уже настоящее собраніе педагоговъ, обязанное просвѣщенной иниціативѣ и заботливости Агриппины Матвѣевны и хозяйки дома-гимназіи Анны Михайловны.

Какъ извѣстно, Конст. Дмитр. въ бытность свою инспекторомъ Смольнаго института положилъ начало такъ называемымъ «педагогическимъ четвергамъ», которые

скоро пріобрѣли громкую извѣстность даже далеко за предѣлами Петербурга.

«Въ маленькій флигелекъ Смольнаго монастыря, находившагося въ то время довольно далеко за городскою чертою, въ небольшую, уютную квартиру Ушинскаго еженедѣльно собирались не только друзья и помощники-сослуживцы по институту, но и всѣ, кто живо интересовался педагогическими вопросами. Интересоваться же дѣйствительно было чѣмъ.—было чему учиться. Тутъ можно было узнать все, что есть новаго и выдающагося въ педагогической области, по части взглядовъ, методовъ и системъ преподаванія». Критически разбирались статьи трехъ тогдашнихъ педагогическихъ журналовъ «Воспитаніе» А. А. Чумикова, «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» Н. А. Вышнеградскаго и новый журналъ «Учитель» І. І. Паульсона и Н. Х. Весселя. По содержанію нѣкоторыхъ статей кружокъ выносилъ даже свои резолюціи, съ которыми скоро стала считаться вся педагогическая литература. Затѣмъ, «въ общей бесѣдѣ и оживленныхъ спорахъ, намѣчались, обсуждались, вырабатывались новыя программы и планы преподаванія, проектировались разныя измѣненія и улучшенія».

Работа кипѣла, живая струя забила фонтаномъ и благотворно орошала благодарную, но слабо-воздѣланную почву.

Подборъ преподавательскихъ силъ оказался превосходнымъ; все это были люди дѣла, увлекающіеся, даровитые, трудолюбивые. Напр., впослѣдствіи издатель „Русской Старины» М. І. Семевскій, инженеръ баронъ М. О. Косинскій котораго называли энтузіастомъ-педагогомъ; затѣмъ, В. І. Водовозовъ, Дестунисъ, Раевскій, О. Ѳ. Миллеръ, Н. Г. Помяловскій и др.

„Четверги" сплачивали петербургскую педагогическую семью и вдохновляли ее на живую, плодотворную работу. Не только для непосредственныхъ помощниковъ Ушинскаго по институту, но и для многихъ другихъ, интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія, эти педагогическія собранія имѣли значеніе педагогической школы, въ нѣкоторомъ родѣ «педагогіума». «И у самого Ушинскаго, и у ближайшихъ его друзей и сослуживцевъ, и у лицъ посторонніхъ, случайно попадавшихъ сюда, зарождались идеи и созрѣвали планы цѣлыхъ педагогическихъ трудовъ. На этихъ именно собраніяхъ Ушинскій подвергалъ обсужденію и программу и исполненіе „Дѣтскаго Міра", надъ обработкой котораго онъ

трудился теперь среди массы другихъ многосложныхъ обязанностей.»

Благотворное вліяніе педагогическихъ собраній Ушинскаго не ограничивалось замкнутымъ педагогическимъ кружкомъ, но имѣло болѣе широкое общественное значеніе. Трезвые педагогическіе взгляды и понятія разносились по всему Петербургу и, отражаясь въ печати, распространялись въ большей или меньшею полнотою по всей Россіи.

Педагогическіе четверги—любимое дѣтище К. Д. Ушинскаго „Наставническая и воспитательская дѣятельность,—по его словамъ—можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается въ постоянномъ одушевленіи» и освѣженіи. „Однообразіе ея способно усыпить умъ и пріучить его къ безсознательности». Живой обмѣнъ мыслей, наблюденій, сомнѣній, взаимное разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ воспитанія—все это невольно захватываетъ педагога и дѣлаетъ его способнымъ «глаголомъ жечь сердца» дѣтей. Въ одномъ изъ писемъ Ушинскій лаконически говоритъ о своихъ четвергахъ: «мы живемъ: дай Богъ, чтобы везлѣ такъ жили».

«Мы живемъ»... Какое глубокое удовлетвореніе слышится въ этихъ словахъ и какое радостное сознаніе свято исполненнаго долга!..

«Дай, Богъ, чтобы и вездѣ такъ жили»!..

Сегодня тоже четвергъ... и тоже собраніе педагоговъ... и при томъ въ память К. Д. Ушинскаго...

Хотѣлось бы громко сказать: «дай, Богъ, чтобы сегодняшній четвергъ воскресилъ педагогическіе четверги Ушинскаго, сплотилъ бы всю нашу педагогическую корпорацію въ одну семью, одушевленную высокими задачами обученія и воспитанія молодыхъ поколѣній»!..

И это, повторяю, было бы самой лучшей юбилейной памяткой для «отца русской педагогіи».

Другой и тоже прекрасной памяткой для К. Д. было бы обсужденіе въ настоящемъ собраніи вопросовъ педагогическаго характера. Вѣдь это же и былъ душой и цѣлью его педагогическихъ четверговъ. Это, если хотите, его духовное завѣщаніе...

Съ своей стороны, считалъ бы небезполезнымъ поднять одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ школы—это о самодѣятельности учащихся и о практическомъ характерѣ образованія.

Нашъ юбиляръ въ своихъ сочиненіяхъ постоянно высказывался о необходимости развитія въ учащихся само-

дѣятельности. «Въ хорошей школѣ.—по его словамъ.—ученикъ путемъ самодѣятельности пріобрѣтаетъ знанія, а учитель лишь руководитъ ихъ самодѣятельностью».

Въ современной печати, русской и отчасти иностранной нерѣдко можно встрѣтить упреки по адресу средней школы за то, что она начиняетъ головы учащихся всевозможными учебниками по всевозможнымъ наукамъ и мало реагируетъ на общее развитіе, на самодѣятельность и на знакомство ихъ съ жизнью. Въ одной боевой пьесѣ есть такая характерная сцена. Директриса гимназіи обращается къ окончившимъ курсъ ученія: «Сегодня вы вступаете въ жизнь. Вамъ дано все, чтобы прожить ее счастливо, спокойно, прилично. Вы знаете все, чтобы жить высшими идеалами добра и истины. Вы знаете все».... Этотъ красивый потокъ бахвальства прервала одна изъ воспитательницъ словами: «Неправда, неправда. Онѣ ничего не знаютъ. Онѣ знаютъ что то объ электродахъ, что то изъ хронологіи, что то о пропорціональномъ дѣленіи. И съ этимъ ихъ выбрасываютъ въ жизнь и говорятъ: живите, живите, живите... Живите... не давши ни умѣнья, ни силъ жить. Сколько изъ васъ, отчаявшись въ себѣ, махнетъ рукой на все, изъ за чего только и стоило жить; сколько изъ васъ, не умѣя жить, будетъ причиной гибели большихъ и маленькихъ жизней»!

Старая пѣсня, знакомая картина... Школа не учитъ жизни, школа далека отъ жизни—вотъ обычныя жалобы на современную школу. Въ этихъ крикахъ, конечно, не обходится безъ обычныхъ преувеличеній, но совершенно отрицать ихъ не приходится. Мы не порвали еще окончательно съ прежней школой, гдѣ «всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ нибудь» и гдѣ возможны и даже необходимо должны были появиться такіе типы, какъ Онѣгинъ, Райскій, Обломовъ и Ко. Все это несомнѣнно были талантливые русскіе люди, однако ихъ способности не принесли никакой пользы ни имъ самимъ, ни обществу, среди котораго они жили. Напротивъ, они почти въ теченіе всей своей жизни только и дѣлали, что вредили себѣ и своимъ ближнимъ. Въ прежней школѣ о подготовкѣ къ жизни, о самодѣятельности не могло быть и рѣчи. И въ результатѣ—Обломовщина съ аншлагомъ китайской неподвижности.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, кончившій петербургскую гимназію въ 1856 г. съ серебряной медалью, принадлежалъ, по его словамъ, къ разряду овецъ, «спокойно и ра-

трудился теперь среди массы другихъ многосложныхъ обязанностей.»

Благотворное вліяніе педагогическихъ собраній Ушинскаго не ограничивалось замкнутымъ педагогическимъ кружкомъ, но имѣло болѣе широкое общественное значеніе. Трезвые педагогическіе взгляды и понятія разносились по всему Петербургу и, отражаясь въ печати, распространялись въ большей или меньшею полнотою по всей Россіи.

Педагогическіе четверги—любимое дѣтище К. Д. Ушинскаго „Наставническая и воспитательская дѣятельность,—по его словамъ—можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается въ постоянномъ одушевленіи» и освѣженіи. „Однообразіе ея способно усыпить умъ и пріучить его къ безсознательности». Живой обмѣнъ мыслей, наблюденій, сомнѣній, взаимное разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ воспитанія—все это невольно захватываетъ педагога и дѣлаетъ его способнымъ, «глаголомъ жечь сердца» дѣтей. Въ одномъ изъ писемъ Ушинскій лаконически говоритъ о своихъ четвергахъ: «мы живемъ; дай Богъ, чтобы везлѣ такъ жили».

«Мы живемъ»... Какое глубокое удовлетвореніе слышится въ этихъ словахъ и какое радостное сознаніе свято исполненнаго долга!..

«Дай, Богъ, чтобы и вездѣ такъ жили»!..

Сегодня тоже четвергъ... и тоже собраніе педагоговъ... и при томъ въ память К. Д. Ушинскаго...

Хотѣлось бы громко сказать: «дай, Богъ, чтобы сегодняшній четвергъ воскресилъ педагогическіе четверги Ушинскаго, сплотилъ бы всю нашу педагогическую корпорацію въ одну семью, одушевленную высокими задачами обученія и воспитанія молодыхъ поколѣній»!..

И это, повторяю, было бы самой лучшей юбилейной памяткой для «отца русской педагогіи».

Другой и тоже прекрасной памяткой для К. Д. было бы обсужденіе въ настоящемъ собраніи вопросовъ педагогическаго характера. Вѣдь это же и было душой и цѣлью его педагогическихъ четвертовъ. Это, если хотите, его духовное завѣщаніе...

Съ своей стороны, считалъ бы небезполезнымъ поднять одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ школы—это о самодѣятельности учащихся и о практическомъ характерѣ образованія.

Нашъ юбиляръ въ своихъ сочиненіяхъ постоянно высказывался о необходимости развитія въ учащихся само-

дѣятельности. «Въ хорошей школѣ.—по его словамъ,—ученикъ путемъ самодѣятельности пріобрѣтаетъ знанія, а учитель лишь руководитъ ихъ самодѣятельностью».

Въ современной печати, русской и отчасти иностранной нерѣдко можно встрѣтить упреки по адресу средней школы за то, что она начиняетъ головы учащихся всевозможными учебниками по всевозможнымъ наукамъ и мало реагируетъ на общее развитіе, на самодѣятельность и на знакомство ихъ съ жизнью. Въ одной боевой пьесѣ есть такая характерная сцена. Директриса гимназіи обращается къ окончившимъ курсъ ученія: «Сегодня вы вступаете въ жизнь. Вамъ дано все, чтобы прожить ее счастливо, спокойно, прилично. Вы знаете все, чтобы жить высшими идеалами добра и истины. Вы знаете все».... Этотъ красивый потокъ бахвальства прервала одна изъ воспитательницъ словами: «Неправда, неправда. Онѣ ничего не знаютъ. Онѣ знаютъ что то объ электродахъ, что то изъ хронологіи, что то о пропорціональномъ дѣленіи. И съ этимъ ихъ выбрасываютъ въ жизнь и говорятъ: живите, живите, живите... Живите... не давши ни умѣнья, ни силъ жить. Сколько изъ васъ, отчаявшись въ себѣ, махнетъ рукой на все, изъ за чего только и стоило жить; сколько изъ васъ, не умѣя жить, будетъ причиной гибели большихъ и маленькихъ жизней»!

Старая пѣсня, знакомая картина... Школа не учитъ жизни, школа далека отъ жизни—вотъ обычныя жалобы на современную школу. Въ этихъ крикахъ, конечно, не обходится безъ обычныхъ преувеличеній, но совершенно отрицать ихъ не приходится. Мы не порвали еще окончательно съ прежней школой, гдѣ «всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ нибудь» и гдѣ возможны и даже необходимо должны были появиться такіе типы, какъ Онѣгинъ, Райскій, Обломовъ и Ко. Все это несомнѣнно были талантливые русскіе люди, однако ихъ способности не принесли никакой пользы ни имъ самимъ, ни обществу, среди котораго они жили. Напротивъ, они почти въ теченіе всей своей жизни только и дѣлали, что вредили себѣ и своимъ ближнимъ. Въ прежней школѣ о подготовкѣ къ жизни, о самодѣятельности не могло быть и рѣчи. И въ результатѣ—Обломовщина съ аншлагомъ китайской неподвижности.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, кончившій петербургскую гимназію въ 1856 г. съ серебряной медалью, принадлежалъ, по его словамъ, къ разряду овецъ, «спокойно и ра-

достно тупѣющихъ» надъ гимназической премудростью, не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменахъ отвѣчалъ краснорѣчиво и почтительно, и въ награду за всѣ эти несомнѣнныя достоинства былъ признанъ преуспѣвающимъ. Что же вынесъ этотъ преуспѣвающій, образцовый ученикъ изъ средней школы? Русскихъ писателей онъ зналъ только по именамъ чтеніе «Исторіи Англіи» Маколея казалось ему настоящимъ подвигомъ, а критическія статьи журналовъ были для него «кодексомъ гіероглифическихъ надписей». Любимымъ его чтеніемъ были романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма, а «любимымъ занятіемъ при поступленіи въ университетъ—разсматриваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ». Да и что могла дать ученику та школа, гдѣ танцмейстеру платили въ годъ жалованья 1100 р., а учителю ариѳметики 180 руб. въ годъ, гдѣ забраковали превосходнаго преподавателя на томъ основаніи, что онъ «очень малъ ростомъ и толстъ», гдѣ при поступленіи на службу учителя торговались насчетъ жалованья и иногда успѣвали набить лишнюю сотню или полсотни рублей...

Современная школа, конечно, далеко шагнула впередъ, но во всякомъ случаѣ она находится еще на формальной ступени развитія. Она связана извѣстными программами, формами, выполненіе которыхъ занимаетъ все учебное время. На общее развитіе учащихся приходится тратить слишкомъ скромныя, чтобы не сказать болѣе минуты. Между тѣмъ, развитіе самодѣятельности въ учащихся—одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ факторовъ воспитанія. Можно быть хорошимъ ученикомъ при отличныхъ успѣхахъ и ни на іоту собственной мысли. Все по указкѣ и гдѣ нѣтъ этой указки—тамъ ни шагу ступить. Кончаютъ курсъ средней школы, сносно пишутъ сочиненія, и не въ силахъ написать прошеніе объ опредѣленіи на мѣсто: ждутъ указки... Это-же не нормально... Эта молодежь вступаетъ въ жизнь, какъ бы откуда не возьмись... Получается такое впечатлѣніе, что какъ будто человѣкъ созданъ для субботы, а не наоборотъ, и что школа существуетъ не для жизни, а такъ сказать, «наука для науки»...

Нѣтъ, надо учиться для жизни. Знаменитый англійскій ученый Спенсеръ, задачу воспитанія такъ опредѣляетъ:

«Какъ жить? Вотъ самый существенный для насъ вопросъ, жить не матеріально только, а и въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Общая задача, которая обнимаетъ собой-всѣ частныя задачи, сводится къ истинному урегулированію нашей дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Какъ поступать намъ со своимъ тѣломъ? Какъ поступать съ душой? Какъ вести свои дѣла? Какъ воспитать семью? Какъ поступать въ качествѣ гражданина? Какъ пользоваться источниками счастья, какіе представляетъ намъ природа? Какимъ образомъ пользоваться своими способностями съ тѣмъ, чтобы принести наибольшую пользу себѣ и другимъ? Какъ жить полною жизнію? Все это важно и необходимо знать, а слѣдовательно, изученіе этого должно составлять главный предметъ воспитанія. Главная обязанность воспитанія должна заключаться въ томъ, чтобы подготовить насъ къ полной жизни».

Подъ словами Спенсера, конечно, каждый изъ насъ подпишется. Къ нимъ развѣ можно еще добавить, что воспитаніе должно подготовить насъ къ полной жизни не теоретически только, но и практически. Надо не только научить, какъ жить, но и дать возможность жить именно такимъ образомъ. И если жить послѣ школы каждому приходится вполнѣ самостоятельно, то нужно, чтобы школа выучала своихъ питомцевъ къ такой самостоятельности, самодѣятельности.

Недаромъ современная педагогика и общество забили тревогу по поводу недостаточнаго развитія въ учащихся самодѣятельности въ нынѣшней школѣ. Этотъ именно вопросъ былъ поставленъ ребромъ на международномъ конгрессѣ по общественному воспитанію, состоявшемся въ сентябрѣ 1900 года въ Парижѣ, во время извѣстной всемірной выставки. Гр. Л. Н. Толстой въ извѣстномъ своемъ новогоднемъ воззваніи энергично призываетъ молодежь къ самостоятельной работѣ. Въ нашей печати, въ спеціальныхъ обществахъ и организаціяхъ, преслѣдующихъ воспитательныя цѣли, все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса о необходимости болѣе широкаго приложенія въ школѣ принципа творческой самодѣятельности.

Въ концѣ декабря 1904 года и въ началѣ января 1905 года, при министерствѣ финансовъ, было организовано совѣщаніе гг. представителей попечительныхъ совѣтовъ учредителей и инспекторовъ торговыхъ школъ для обсужденія школьныхъ нуждъ. На этомъ совѣщаніи инспек-

торъ Александровской торговой школы Георгій Ивановичъ Петровскій прочелъ докладъ, посвященный исключительно вопросу о развитіи въ учащихся самодѣятельности. Въ качествѣ мѣръ для развитія такой самодѣятельности докладчикъ предлагаетъ: 1) Игры, причемъ нѣкоторые приборы и площадки для игръ хорошо бы дѣлать самимъ ученикамъ. 2) Древонасажденіе—только не по праздникамъ, а въ «будни», такъ какъ слово «праздникъ» говоритъ о чемъ-то обстановочномъ, а при серьезномъ дѣлѣ не мѣсто фейерверкамъ и бенгальскимъ огнямъ. 3) Созданіе ученическими силами школьныхъ музеевъ, коллекцій и т. п. 4) Школьные ученическіе журналы. 5) Школьные семейные вечера.

Наконецъ, въ настоящее время то и дѣло приходится слышать объ устройствѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ спектаклей, литературныхъ утръ и вечеровъ, въ видахъ развитія въ учащихся литературныхъ вкусовъ и самодѣятельности. Правда, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ эти вечера устраиваются лишь для «наилучшаго времяпрепровожденія», или «чтобы разумно провести время въ праздничные и воскресные дни». Такъ прямо официально и заявляется. Но зато въ другихъ школахъ чтенія и вечера устраиваются исключительно силами учениковъ и имѣютъ въ виду «развить въ нихъ духъ самодѣятельности и свободнаго научнаго почина, укрѣпить въ нихъ интересъ къ наукѣ и поддержать въ нихъ жажду познаній». Здѣсь учащіеся читаютъ свои рефераты по различнымъ отраслямъ знанія, а послѣ рефератовъ происходятъ дебаты по поводу прочитаннаго.

Я самъ лично былъ руководителемъ такихъ «общеобразовательныхъ чтеній» въ 1908-09 учебномъ году въ Томскомъ коммерческомъ училищѣ. И отъ этихъ чтеній вынесъ самое лучшее впечатлѣніе.

Подъ вліяніемъ ихъ молодежь измѣнялась до неузнаваемости. Вчерашніе «мальчишки» какъ то неровно становились серьезными, сознающими, что они самостоятельные дѣятели, что теперь необходимо поддержать себя, не ударить въ грязь лицомъ, что на нихъ возложено отвѣтственное порученіе. А отсюда и недалеко и до понятія о долгѣ, этомъ необходимомъ стимулѣ всякой работы.

Въ десятахъ вырабатывалось искусство говорить находчивость развертывались знанія, являлось чувство че-

сти и достоинства, вырабатывались убѣжденія и міросозерцаніе.

VII классъ училища, гдѣ я былъ воспитателемъ, это былъ самый „неспокойный“ классъ. Мальчишескій задоръ, грубости, выходки, лѣтняя удаль и проч. свили здѣсь прочное гнѣздо. Въ первой половинѣ учебнаго года поведеніе учащихся было аттестовано значительно пониженными баллами, было нѣсколько троекъ. Съ началомъ же общеобразовательныхъ чтеній, именно съ января 1909 года, въ поведеніи учащихся произошелъ коренной переворотъ; всѣ преподаватели констатировали успокоеніе класса и учебный годъ закончился при полныхъ баллахъ по поведенію и при лучшихъ успѣхахъ по учебнымъ предметамъ. Чтенія даже выдвинули среди учащихся опредѣленныхъ спеціалистовъ, которые иногда участвовали въ дебатахъ въ качествѣ суперарбитровъ.

Я безъ преувеличенія могу сказать, учащаяся молодежь при чтеніяхъ жила наукой и значительно измѣнилась въ лучшую сторону, житейски приблизилась къ позиціи преподавателя и стала житейски понимать его... Большинство школьныхъ конфликтовъ возникаетъ именно на почвѣ непониманія жизни и ея суровыхъ законовъ.

Мнѣ извѣстно также, что въ Вилейскомъ коммерческомъ училищѣ въ 1902-03 учебномъ году были ученическіе рефераты по литературѣ, о которыхъ данъ хорошій отзывъ въ памятной книжкѣ этого училища.

Словомъ, теперь въ нашу среднюю школу пробивается новая свѣжая струя воздуха.

Разумѣется, я далекъ отъ мысли, чтобы указать пути развитія самодѣятельности въ учащихся и тѣ реальныя формы, въ которыя долженъ вылиться практическій характеръ образованія. Я только указываю изгибы, на которые поворачиваетъ школьная жизнь.

Не скрою, конечно, мнѣ могутъ возразить, что еще рано нашихъ учениковъ выпускать на поле самодѣятельности, еще рано имъ разрабатывать научные вопросы, что изъ этого получится только профанація науки, униженіе ея. Силы учащихся еще слабы и неподготовлены для сторого-научной работы.

Это правда, но вѣдь никто и не собирается открывать Америки и изобрѣтать порохъ. Все дѣло здѣсь сводится лишь къ тому, чтобы направить самодѣятельность учащихся въ предѣлахъ возможности, заставить ихъ слѣдить

за наукой, научно мыслить, познакомиться детально съ волнующими научными вопросами и, гдѣ возможно, сказать свое собственое мнѣніе. По словамъ Смайльса, «тотъ кто не дерзаетъ свое сужденіе имѣть—трусъ; тотъ, кто не хочетъ его имѣть—лѣнтяй, и наконецъ, тотъ, кто не способенъ его имѣть—дуракъ».

Къ тому же, исторія не мало знаетъ примѣровъ, когда молодыя силы не только удачно справлялись съ извѣстными научными истинами, но и пролагали новые пути въ наукѣ. Затѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторыя дѣти очень рано развиваются. Торквато Тассо 6 мѣсяцевъ началъ говорить, 7 лѣтъ уже зналъ латинскій языкъ.—Лейбницъ, будучи ребенкомъ, импровизировалъ потрясавшія слушателей проповѣди и прекрасно игралъ на флейтѣ и на скрипкѣ.—Амперъ въ 13 лѣтъ уже былъ хорошимъ математикомъ.—Паскаль 10-ти лѣтъ придумалъ теорію акустики, основываясь на звукахъ, производимыхъ тарелками, когда ихъ разставляютъ на столѣ, а 15 лѣтъ написалъ знаменитый трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ.—Галлеръ 4 лѣтъ проповѣдывалъ, а 5 лѣтъ со страстью читалъ книги.—Метастазіо (Пьетро Трапасси) 14 лѣтъ написалъ поразительную для своего возраста трагедію «Джустино». -Паписсо 16 лѣтъ былъ баккалавромъ теологіи.—Данте 17 лѣтъ сочинилъ свой первый сонетъ.—Нашъ математикъ Лобачевскій, 18 лѣтъ отъ роду, занималъ каѳедру въ Казанскомъ университетѣ.—Ньютонъ на 20 году жизни создавалъ свою теорію флюксій, т. е. дифференціальное исчисленіе.—Химикъ Гумфри Дэви, въ качествѣ аптекарскаго ученика, такъ прославился рифмоплетствомъ, уженьемъ рыбы, обширными познаніями въ естественныхъ наукахъ и химическими опытами, что, 20 лѣтъ отъ роду, былъ избранъ директоромъ Бристольскаго пневматическаго института. Это тотъ самый Гумфри Дэви, который открылъ свойства «веселящаго газа». 22 лѣтъ онъ гремѣлъ на всю Англію и получилъ профессуру въ Королевскомъ Институтѣ; 28 лѣтъ удостоѣлъ награды отъ императорскаго французскаго института и становится европейской извѣстностью.—Беллини 20 лѣтъ, открылъ мочевые каналы, которые и теперь еще носятъ его имя, а черезъ три года нашелъ первыя папиллы на языкѣ и доказалъ, что онѣ исполняютъ функціи органа вкуса.—Нашъ юбиляръ на 20 году окончилъ университетъ.—Кіевскій гимназистъ Борисякъ въ февралѣ 1901 года открылъ въ созвѣздіи Персея чрезвычайно ин-

тересную новую звѣзду, которая блистала гораздо ярче извѣстной Капеллы. Послѣ довольно правильныхъ колебаній блеска новая звѣзда постепенно ослабѣла и исчезла къ концу года.

Я могъ бы еще массу привести подобныхъ примѣровъ, но думаю, довольно и этихъ. Нѣтъ, дѣло не въ возрастѣ учащихся для того, чтобы заниматься научными вопросами. Тутъ нужно другое: «Терпѣніе, да разумъ, да воля». Насколько я успѣлъ познакомиться съ учащимися, думаю, что среди нихъ не мало найдется терпѣливыхъ тружениковъ... И на основаніи своего опыта вѣрю, глубоко вѣрю, что молодость способна подогрѣть самый холодный разсудокъ и заставить говорить живымъ языкомъ мертвыя строки сухой науки.

Во всякомъ случаѣ жизнь ставитъ на очередь практическія задачи, и рано или поздно придется заняться разрѣшеніемъ ихъ. И если школа должна идти въ уровень съ вѣкомъ и жизнью, то пора позаботиться о соотвѣтствующемъ отвѣтѣ на предъявляемыя требованія. Мы, педагоги, прежде всего заинтересованы въ этихъ отвѣтахъ и мы прежде всего, должны дать ихъ. Развитіе въ учащихся самодѣятельности и практическій характеръ образованія—насущная задача современной педагогіи.

Наконецъ въ качествѣ юбилейной памятки я долженъ былъ бы коснуться жизни, дѣятельности и взглядовъ К. Д. Ушинскаго. Но этого я сознательно не дѣлаю. Его ученіе и жизнь—наша педагогическая азбука, съ которой, несомнѣнно, каждый изъ насъ долженъ быть знакомъ. Есть на свѣтѣ предметы и люди, о которыхъ много не говорятъ: здѣсь похвала серебро, а не золото. Здѣсь даже похвала унижаетъ: такъ высоки эти предметы и люди: здѣсь бываетъ достаточно назвать одно имя, которое способно сразу все сказать нашему уму и сердцу. Къ такимъ людямъ безусловно принадлежитъ нашъ юбиляръ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій...

Затѣмъ, былъ прочитанъ рефератъ, посвященный памяти Ѳ. М. Достоевскаго. Референтъ, преподаватель мужской гимназіи Л. Г. Михалковичъ, въ первой половинѣ своего доклада далъ характеристику идеологіи и пріемовъ творчества Достоевскаго, лишь попутно обрисовавъ великаго художника психолога, какъ человѣка. Вторая и большая часть чтенія была посвящена иллюстраціи положеній, выставленныхъ въ первой части. По мнѣнію рефе-

рента, центральными по глубинѣ и задушевности мечтаній поэта мѣстами изъ его твореній должны быть признаны: „Сонъ смѣшного человѣка" изъ „Дневника писателя" и во многомъ аналогичный первому—второй «Сонъ» изъ романа «Подростокъ» .

Послѣ реферата .І. Г. Михалковича была предложена закуска и начался взаимный обмѣнъ мыслей и настроеній, тѣсно связанныхъ со школьной жизнью.

Потомъ, пѣніе, музыка и танцы. Все собственными учительскими силами....

Многіе изъ участниковъ вечера благодарили плановъ и высказывали пожеланіе, чтобы такіе вечера бывали почаще.... Говорили даже объ учительскомъ клубѣ.

БЕРЕГОВЫЯ УКРѢПЛЕНІЯ Р. АНГАРЫ.

(Историческая справка).

Правый берегъ р. Ангары, гдѣ находилось большинство присутственныхъ мѣстъ, соборъ, а позднѣе и домъ ген.-губернатора, постепенно подмывался теченіемъ быстрой рѣки.

Въ 1747 году, послѣ продолжительнаго ненастья, Ангара очень прибыла и подмыла берегъ отъ мясного ряда до двора казачьяго головы. У собора, близъ городовой канцеляріи, оторвало значительную часть берега, такъ что опасались, какъ бы не обрушилось въ воду и самое зданіе канцеляріи, а потому присутствіе и дѣла были переведены въ другое помѣщеніе.

Подобный подмывъ берега угрожалъ цѣлости собора и вынудилъ нашихъ дѣдовъ начать укрѣпленіе берега; и дѣйствительно, въ этомъ же году было приступлено къ работамъ. Укрѣпленіе состояло изъ дерева, вбитаго въ дно рѣки сплошнымъ стоячимъ частоколомъ, надъ которымъ было построено нѣсколько башенъ; работа окончена въ 1749 году.

Къ 1790 году обрубъ, построенный въ 1747—1749 гг., пришелъ въ ветхость и большею частью разрушился.

Въ 1792 году по Высочайшему повелѣнію начато укрѣпленіе берега деревяннымъ обрубомъ на сваяхъ, въ длину на 350 саж., высотой отъ поверхности воды до 3-хъ саженей. Работы начались съ 18 мая и поручены были члену иркутской казенной палаты Андрею Худякову и архитектору Тизенгаузену; окончены въ 1795 году.

Укрѣпленій сдѣлано на протяженіи 170 саж. На эту работу отпущено было изъ казны 22367 р. 10 к., изъ коихъ издержано только 15691 р. 92½ к., а остальныя 6675 р. 17½ к. по Именному Высочайшему указу отъ 20 янв. 1793 г., послѣдовавшему на имя бывшаго иркутскаго и колыванскаго гов.-губернатора Ивана Алферьевича Пиля, велѣно, не причисляя ихъ къ общимъ государственнымъ доходамъ, отдавать заимообразно подъ % желающимъ, подъ вѣрные залоги или поручительство, на которые и содержать въ исправности помянутый берегъ, не требуя уже болѣе на поправку и починку его ассигнованій новыхъ суммъ, что и продолжалось до 1815 года...

Въ 1802 году въ Августѣ мѣсяцѣ былъ исправленъ береговой обрубъ и надъ нимъ построены бесѣдки.

Въ 1812 году составлены два новыхъ проекта на деревянную и каменную набережныя р. Ангары, такъ какъ начальство желало обезпечить прочность берега, на которомъ находится лучшая часть города. По этимъ смѣтамъ деревянное укрѣпленіе могло стоить 200 т. руб., а каменное 1.200.000 руб., но оба проекта оставлены безъ вниманія, хотя, впрочемъ, въ 1815 году комитетъ министровъ, по представленію иркутскаго мѣстнаго начальства, былъ согласенъ на построеніе новой деревянной набережной отпускать изъ государственнаго казначейства въ теченіе трехъ лѣтъ слѣдующія суммы: въ 1815 г.—100.000 руб., а въ 1816 и 1817 годахъ по 50 т р., но министръ финансовъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, неизвѣстно почему, денегъ нисколько не отпустилъ.

1823 года, 10 апрѣля, начата работа по укрѣпленію берега р. Ангары инженеромъ Александромъ Аѳиногеновичемъ Медвѣдевымъ. По новому проекту, вмѣсто обрубовъ стали дѣлать откосное укрѣпленіе и расходъ былъ вычисленъ въ 100 т. руб. Проектъ упомянутаго укрѣпленія берега былъ составленъ инженеромъ Ямпольскимъ. При началѣ работъ было сломано зданіе канцеляріи, построенное въ 1704 году, такъ какъ оно стояло очень близко къ берегу, гдѣ надо было дѣлать откосное укрѣпленіе вмѣсто стараго обруба.

Начиная отъ Московскихъ воротъ до того пункта, гдѣ впекаетъ въ Ангару р. Иркутъ, въ берегъ былъ вколоченъ тынъ изъ толстыхъ лиственичныхъ бревенъ. Въ глубину берега до 3-хъ саженъ было сдѣлано особое деревянное

изъ толстыхъ бревенъ сооруженіе, при чемъ бревна, укрѣпленныя однимъ концомъ въ почву берега, другимъ ложились на бревенчатый тынъ, бойтый по краю берега. Бревна клались въ нѣсколько рядовъ и свинчивались большими толстыми желѣзными болтами. Все деревянное сооруженіе было засыпано землею, галькою и кирпичами и утрамбовано, а сверху обложено каменными плитами сибирскаго сѣровика. Противъ духовной консисторіи и у собора были сдѣланы каменныя лѣстницы со самой воды. Видъ набережной былъ очень привлекателенъ, одинъ путешественникъ писалъ, что она хорошо укрѣплена и красиво отдѣлана.

Работа была гигантская, она производилась четыре года съ 1823 по 1826 годъ, и теперь, по прошествіи почти ста лѣтъ, она въ главномъ основаніи не разрушилась....

Съ 1826 года серьезнаго ремонта набережной не производилось.

Наши дѣды и прадѣды больше заботились объ укрѣпленіи набережной, чѣмъ мы современники.

По берегу р. Ангары отъ Дегтевской улицы до Базановскаго взвоза весною въ малую воду хорошо видно фашинное укрѣпленіе, а въ береговыхъ земляныхъ отломахъ, образовавшихся послѣ унесенныхъ во время рѣкоставовъ пластовъ земли, ясно видно искусственное ихъ происхожденіе, имѣющее основаніемъ пластъ хряща. Можно предположить, что въ этомъ мѣстѣ нѣкогда берегъ Ангары былъ очень пологій и низменный, и состоялъ изъ наносной гальки и хряща, а съ годами былъ завалень и почтиъ до настоящаго уровня и плотна береговой улицы. То же самое можно сказать о береговыхъ пластахъ у башъ Курбатова и у Чудотворскаго взвоза.

По берегу у Базановскаго взвоза и далѣе къ пароходнымъ пристанямъ въ землѣ сохранились остатки какихъ-то деревянныхъ сооруженій, такъ какъ во многихъ мѣстахъ торчатъ довольно толстыя бревна, указывающія, что тутъ было или береговое укрѣпленіе, или пристань.

Если раньше прокутяне сознавали необходимость укрѣпленія береговой полосы Ангары, неужели нѣтъ этой необходимости въ настоящее время? Развѣ при высокомъ подъемѣ воды, во время рѣкоставовъ, подпочвенная вода не дѣйствуетъ разрушительно на пласты земли: развѣ не извѣстно, что эта вода заливала подполья далеко отъ берега?

Въ настоящее время на набережную мало удѣляется вниманія, между тѣмъ ежегодно во время прохода Ангары отбиваются льдинами глыбы береговой земли и уносятся. Годъ отъ года набережная все болѣе и болѣе обнажается, напр., отъ Московскихъ воротъ до собора, годъ отъ года она лишается своей земляной насыпи и плитъ сѣровика, устилающихъ ея откосъ, которыя, лишившись земляной поддержки, или висѣть на воздухѣ, или падаютъ на первый рядъ берегового укрѣпленія, а потомъ уносятся водою.

Такъ постепенно изъ года въ годъ вѣрнымъ путемъ идетъ разрушеніе той набережной, которою пріѣзжавшіе въ Иркутскъ путешественники любовались, называя ее построенною «изъ сибирскаго мрамора».

А за горами то время, когда по необходимости будетъ уклѣлено у насъ вниманіе береговому вопросу. Достаточно пройтись лѣтомъ по берегу отъ Московскихъ воротъ до дома ген.-губернатора, чтобы убѣдиться, что набережная разрушается и слѣдуетъ ее укрѣпить и озаботиться содержаніемъ ея въ исправности, какъ старались объ этомъ наши дѣды.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ИРКУТСКАГО ЦЕРКОВНАГО БРАТСТВА ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТІЯ. *).

(1901—2 декабря—1911).

2 декабря с. г. исполнилось 10 лѣтъ со дня открытія Иркутскаго Братства во имя Святителя Иннокентія.

По этому случаю Совѣтъ Братства поручилъ мнѣ составить и предложить Вашему благосклонному вниманію настоящій посильный очеркъ 10-лѣтней дѣятельности Братства.

Еще въ 1899 году нѣкоторые гродо-иркутскіе священники выражали желаніе открыть въ г. Иркутскѣ «Общество любителей церковнаго пѣнія», по примѣру существующихъ свѣтскихъ обществъ музыки и литературы. Желаніе это крѣпло и пріобрѣтало все больше и больше сочувствующихъ, такъ что явилась возможность обратиться къ иркутскому епархіальному наблюдателю И. Л. Брызга-

---

*) Читано въ торжественномъ засѣданіи Братства 4 декабря 1911 года въ присутствіи архіепископа Серафима, епископа Іоанна, генералъ-губернатора Л. М. Князева, членовъ братства и многочисленной публики.

лову съ просьбой принять участіе въ организаціи этого общества. Иванъ Львовичъ сердечно откликнулся на эту просьбу и 17 декабря 1899 года пригласилъ на собраніе градо-Иркутское духовенство и представителей отъ корпораціи духовно-учебныхъ заведеній города Иркутска. На это первое собраніе, состоявшееся въ помѣщеніи городской имени архіепископа Веніамина II-го церковно-приходской школы, прибыли 25 ч. Г. епархіальный наблюдатель, открывая собраніе и разъясняя цѣль его, между прочимъ, высказывалъ мысль, что при церквахъ г. Иркутска нѣтъ полныхъ и систематическихъ библіотекъ, а потому желательно бы было первоначально основать библіотеку-читальню, а при ней пѣвческій кружокъ. Изъ разговоровъ по сему вопросу выяснилось, что дѣйствительно въ церковныя библіотеки при городскихъ церквахъ выписываются даже не всѣ журналы, нѣкіихъ по два экземпляра, а иныхъ нигдѣ нѣтъ. Церковно-пѣвческихъ изданій нѣтъ. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ рѣшили: основать библіотеку-читальню изъ богословской литературы, церковно-пѣвческихъ изданій и по другимъ отраслямъ знанія. Она должна служить средствомъ къ взаимному общенію между духовенствомъ и управляться участниками, которые составляютъ общество, могущее заниматься и пѣвческимъ дѣломъ. Для выработки устава библіотеки избрана комиссія, въ составъ коей вошли: И. Л. Брызгаловъ и священники: Өивейскій, Вѣрномудровъ, Дроздовъ и Флоренсовъ.

Второе собраніе состоялось 21 декабря того же года, въ помѣщеніи той же школы, куда явилось нѣсколько новыхъ лицъ. Въ то же время нѣсколько лицъ, бывшихъ на прошломъ собраніи, теперь не явилось, такъ что собраніе это состоялось при 20 чел.

Члены комиссіи сообщили собранію, что въ силу существующихъ узаконеній (Высочайшее повелѣніе 12 іюля 1872 г. и правила объ открытіи библіотекъ 15 мая 1890 г.), всякія библіотеки состоятъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и Св. Синода. Въ первомъ случаѣ библіотеки должны утверждаться губернаторомъ, а во второмъ—епархіальнымъ архіереемъ.—Стѣснительный уставъ библіотеки-читальни, съужпвающій ея дѣятельность, побудилъ комиссію представить на усмотрѣніе собранія вопросъ, какого типа библіотеку-читальню оно желаетъ устроить въ Иркутскѣ? По недолгомъ разсужденіи, собраніе пришло къ единогласному заключенію: от-

крыть Братство во имя св. Иннокентія, въ вѣдѣніи коего и должна находиться библіотека-читальня, и тутъ же начали обсуждать проектъ устава будущаго Братства, выработанный той же комиссіей. Послѣ жаркихъ преній, по поводу § I Устава, цѣль Братства была формулирована такъ: «Иркутское Иннокентіевское Церковное Братство при иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ имѣетъ своею цѣлью взаимное общеніе членовъ Братства на почвѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія и распространенія такового просвѣщенія въ средѣ мѣстнаго населенія». А чтобы сохранить первоначальную идею объ обществѣ пѣнія въ проектъ устава ввели такой пунктъ: «Заботится о развитіи вкуса къ церковному пѣнію, организуетъ хоры изъ любителей этого пѣнія, знакомитъ съ лучшими произведеніями церковной музыки посредствомъ образцоваго ихъ исполненія, учреждаетъ курсы церковнаго пѣнія и чтенія и собраніе церковно-пѣвческихъ изданій».

Въ 1900 году обработанный проектъ устава Братства былъ представленъ на благоусмотрѣніе архіепископа, который 14 ноября 1901 года утвердилъ этотъ уставъ. Достигнувъ утвержденія устава, учредители Братства стали готовиться къ открытію перваго собранія и вообще дѣйствія Братства, объявили объ утвержденіи Братства, приглашали членовъ, хлопотали о помѣщеніи, мебели, готовили рѣчи и проч. Словомъ, къ 2 декабря того же 1901 года все было готово и открытіе Братства въ этотъ день состоялось. Божественную литургію и молебенъ святителю Иннокентію въ казанскомъ каѳедральномъ соборѣ въ этотъ день (вескресный) совершилъ архіепископъ Тихонъ въ сослуженіи соборнаго причта, нѣкоторыхъ членовъ новаго Братства священниковъ, при большомъ количествѣ молящихся. За литургіей, въ обычное время, инициаторъ и членъ Братства священникъ о. Василій Флоренсовъ произнесъ прочувствованную рѣчь, въ коей цѣль открытія Братства, между прочимъ, выразилъ такими словами:—«Хлѣбъ насущный, хлѣбъ духовный требуется намъ и хлѣбомъ этимъ намѣрено, подобно Іосифу въ Египтѣ въ неурожайные годы, снабжать всѣхъ новооткрываемое Братство». (Епар. Вѣд. № 24 1901 г.). По окончаніи литургіи и молебна, члены Братства начальствующіе представители города, духовенство и вообще желающіе изъ публики прибыли въ покои архіепископа, гдѣ предъ началомъ собранія всѣ присутствующіе пропѣли тропарь святителю Иннокентію, а высокопреосвященный

архипастырь, въ краткой, но сильной рѣчи, призывалъ Божіе благословеніе на новоучрежденное симпатичное просвѣтительное братство и объявилъ его открытымъ. Затѣмъ, И. Л. Брызгаловъ, кратко разъяснивъ нѣкоторые § § Устава, предложилъ собравшимся не членамъ записаться въ таковые и приступить къ избранію предсѣдателя, товарища и членовъ Совѣта Братства. Подачею записокъ были избраны: ректоръ семинаріи, архимандритъ Никонъ,—предсѣдателемъ, И. Л. Брызгаловъ—его товарищемъ, а прот. М. Ѳивейскій, священникъ Ѳеодоръ Вѣрномудровъ, священникъ Василій Флоренсовъ, инженеръ А. Г. Богословскій—членами Совѣта; Боголюбовъ—дѣлопр. и г. Будинъ казначеемъ. Въ члены Братства записалось 250 человѣкъ.

Желая создать возможность широкаго и общедоступнаго распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія и взаимнаго общенія, какъ членовъ духовенства, такъ и всѣхъ православныхъ жителей г. Иркутска, на этой почвѣ, Совѣтъ Братства, какъ его исполнительный органъ, предположилъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій открыть библіотеку-читальню, куда и собрать всѣ цѣнныя произведенія научно-богословской литературы, а также и вообще книги и періодическія изданія духовно-нравственнаго и церковно-историческаго содержанія. Для достиженія этой цѣли былъ открытъ пріемъ пожертвованій книгами, выписано періодическихъ изданій на 34 руб., составленъ хронологическій каталогъ книгъ и изданій, въ томъ числѣ и пожертвованныхъ разными лицами, главнымъ образомъ каѳедральнымъ протоіереемъ Аѳанасіемъ Виноградовымъ, а также Я. Сизыхъ, М. С. Логачевымъ, М. Т. Вологжинымъ, Т. М. Волочневымъ, священникомъ Вѣрномудровымъ и Е. С. Кашкаровой и купленъ шкафъ. Но такъ какъ Братство собственнаго зданія не имѣло, то и открыть для публики библіотеку-читальню въ первый годъ не удалось, а всѣ книги и изданія находились въ Преображенской Н. Л. Родіонова церковно-приходской школѣ, и только въ слѣдующемъ году, 21 іюня, въ этой же школѣ была открыта библіотека-читальня, которая и помѣщалась здѣсь до марта 1910 года, когда переведена въ настоящее зданіе духовнаго училища. Въ день открытія библіотеки самъ архипастырь, въ присутствіи членовъ Братства и публики, отслужилъ молебенъ Святителю Иннокентію. При открытіи библіотеки-читальни книгъ въ ней было съ періодическими изданіями

до 500 экземпляровъ. Въ томъ же году былъ выработанъ уставъ библіотеки-читальни и правила пользованія книгами изъ нея. Библіотекаремъ ея до марта 1910 года состоялъ учитель Преображенской школы С. А. Никитинъ, съ 10 марта—діаконъ Маквевскій, а съ 15 іюля и до сихъ поръ св. о. Іоаннъ Амвросовъ. Въ первое время посѣтители читали книги исключительно въ школѣ, на домъ же книги и газеты не выдавались. Позднѣе выдача книгъ на домъ производилась подъ условіемъ личной отвѣтственности библіотекаря за выданныя книги Открывалась библіотека-читальня въ свободное отъ школьныхъ занятій время, кромѣ субботъ, а именно: въ будни съ 4—8 вечера, наканунѣ праздниковъ, съ 4—6 веч., въ праздники съ 11—3 ч. дня. Лѣтомъ часы измѣнялись. Нынѣ она откры. въ недѣлю 2-жды съ 3½—5½, при чемъ книги исключительно берутся на домъ, а не читаются въ библіотекѣ. Выписывалось въ библіотеку съ разныя годы отъ 15 до 20 періодическихъ изданій, выписывались и лучшія богословскія книги. по каталогу профессора Свѣтлова. «Иркутскія Губернскія» и «Епарх. альныя Вѣдомости» высылались редакторами безплатно Такимъ образомъ, въ настоящее время библіотека-читальня имѣетъ уже 10 тысячъ экз. книгъ, уложенныхъ въ 10 приличныхъ шкафахъ, находящихся въ комнатѣ при входѣ въ настоящій залъ. Книги, имѣющіяся въ библіотекѣ-читальнѣ, раздѣляются по содержанію, на слѣдующіе отдѣлы: богословскій, философскій, историческій, политическій словомъ правовѣдѣнія, исторіи литературы, бѣллетристическій, медицинскій, педагогическій, миссіонерскій, по естествознанію, технологіи, ремеслямъ: нѣнію и музыкѣ, справочныя изданія, географіи и свыше 20 періодическихъ изданій, журналовъ и газетъ, духовныхъ и свѣтскихъ, въ томъ числѣ есть и иностранные журналы. Среди книгъ есть и очень дорогія изданія, напримѣръ: Исторія церкви, Лебедева, 10 том.: Исторія Русской Церкви, проф. Голубинскаго, 2 т.: Фаррара Библейская Исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій, въ пер. Лопухина: Өеофана, Толкованіе на Посланія: Добролюбіе, его же: Сильвестра, Догматическое богословіе: соч. проф. Свѣтлова, Кудрявцева, Платонова, Янышева, Забѣлина и др.

Неимѣніе собственнаго зданія, приспособленнаго для цѣлей библіотеки-читальни, служитъ, конечно, главною преградою къ расширенію дѣятельности ея. Въ дни за-

сѣданій иркутскаго отдѣленія епархіальнаго Училищнаго Совѣта, въ дни засѣданій разныхъ комиссій, а также собраній закрытыхъ и открытыхъ Совѣта Братства, библіотека закрывалась и это отражалось на дѣятельности ея. Съ увеличеніемъ количества книгъ приходилось изыскивать и помѣщенія для нихъ, такъ какъ Преображенская школа не могла всѣхъ их принять къ себѣ. Книги находились въ церковно-учительской Семинаріи, на Кантакѣ и въ Успенской церкви. Библіотека была разрознена. Перенесенная же въ настоящее удобное и просторное помѣщеніе съ марта 1910 года, она мало посѣщается публикой, такъ какъ находится не въ центрѣ города, а, можно сказать, на окраинѣ его. Все-таки библіотека-читальня дѣлала свое маленькое дѣло. Въ 1904 г. книгами изъ нея пользовались 100 чел., въ 1905 году —302 ч., 1906—313 ч., 1908—214, 1909—177 человѣкъ. Самое большое число 400 и меньшее 177 чел., въ среднемъ 290 чел. въ годъ, а въ теченіе 9 лѣтъ около 2600 чел. Эти посѣтители не разъ выражали Братству свою благодарность за то, что здѣсь они проводятъ свѣтлыя минуты душевнаго отдыха, отрывающія ихъ отъ житейской суеты. Бывало въ библіотекѣ-читальнѣ не мало и дѣтей. Пріятно было наблюдать, какъ одни изъ нихъ серьезно сидѣли за столомъ и сосредоточенно читали газеты и книги, а другія—весело улыбались, разсматривая картинки.

Чтобы расширить библіотечную дѣятельность, Совѣтъ Братства 6 апрѣля 1906 года открылъ въ притворѣ Троицкаго храма отдѣленіе библіотеки-читальни. Завѣдываетъ ею съ открытія до настоящаго времени настоятель церкви, священникъ Н. Шергинъ, а при выдачѣ и пріемѣ помогаютъ ему его дѣти, причтъ и ученики-прихожане. Для этого отдѣленія выписывалось Братствомъ ежегодно отъ 8—10 періодическихъ изданій, а также и нѣкоторыя книги. Изъ главной библіотеки черезъ 2 недѣли доставлялись богословскіе журналы и др. книги, ежегодно выдавались изъ Совѣта небольшія пособія на переплетъ книгъ, на награду служащему сторожу и проч. Библіотека открывалась ежедневно, отъ 4 до 6 ч. вечера. Выдавались книги и въ другое время дня, по просьбѣ желающихъ. Книги изъ библіотекѣ не читаются, а выдаются на домъ, безъ всякаго залога и поручительства, а потому часто не возвращаются. Посѣтителями по большой части требовались

книги мелкія, по содержанію общедоступныя. Всего книгъ въ библіотекѣ до 1500 экземпляровъ. Пользовалось книгами изъ нея за 5 лѣтъ около 800 человѣкъ.

При библіотекѣ-читальнѣ устроена витрина и открыта продажа книгъ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія и иконъ на бумагѣ. Такія же витрины устроены въ епархіальномъ свѣчномъ складѣ и его лавкахъ, а также и въ аудиторіяхъ. Торговля идетъ не очень бойко. Однако изъ всѣхъ витринъ листовъ и книгъ продано на 525 рублей.

Предполагая дать возможность слышать и изучать хорошо поставленное въ духѣ православной церкви церковное пѣніе, а желающимъ и лично принимать въ немъ живое и дѣятельное участіе, Братство организовывало церковно-пѣвческіе хоры, знакомило съ лучшими произведеніями церковной музыки, иногда въ художественномъ исполненіи, содѣйствовало лучшей постановкѣ его въ храмахъ и вообще подъему и усовершенствованію. Для этой цѣли оно устраивало хоры изъ любителей пѣнія для аудиторій: Преображенской, подъ управленіемъ священника Флоренсова, О. М. Попова,—этотъ хоръ въ первый же годъ пѣлъ на торжественныхъ собраніяхъ Братства,—и Козлова,—Веніаминовской подъ управленіемъ священника Дмитрія Гагарина, изъ его семьи и любителей, Ремесленно-Слободской-церковно-учительской семинаріи Пушлинской-Коренева, Каблукова и др. Во всѣхъ аудиторіяхъ заведено общее пѣніе. Предъ началомъ чтенія поютъ тропарь Святителю Иннокентію, а по окончаніи кондакъ ему. Пропѣли панихиду по о. І. Кронштадтскомъ. Для спѣвокъ и аккомпаніаторовъ пріобрѣтены для Преображ. и Веніаминовской аудиторій двѣ отличныя фисгармоніи. Кромѣ того, соединеннымъ хоромъ Братства 17 апрѣля 1903 года въ 50-лѣтній юбилей архіепископа Тихона въ казанскомъ каѳедральномъ соборѣ была пропѣта литургія и молебенъ. При этомъ хорошо исполненъ концертъ «Да воскреснетъ Богъ». 26 ноября 1903 года 14 начальныхъ городскихъ училищъ, приготовились и пропѣли литургію и молебенъ Святителю въ казанскомъ соборѣ подъ управленіемъ священника Флоренсова. Такое же пѣніе было устроено и въ 1904 году, при дѣятельномъ участіи учителей и учительницъ начальныхъ школъ города съ разрѣшенія начальства. Пріятно отмѣтить, что дѣти принимали участіе въ пѣніи съ полной охотой и даже съ восторгомъ. 9 февраля 1905 года въ томъ же казанскомъ

соборѣ провѣлъ литургію и молебенъ организованный Братствомъ хоръ изъ учащихся и любителей церковнаго пѣнія, въ 150 чел., подъ умѣлымъ управленіемъ П. А Кудрина. «Чудное, сердечное пѣніе молодыхъ людей, читаемъ въ отчетѣ за 1905 годъ,—произвело на молящихся сильное впечатлѣніе. Они испытали рѣдкія минуты духовнаго наслажденія. Особенно сердечно и умѣло было выполнено: 'Благослови душе моя Господа. Иже херувимы. Милость мира и Отче нашъ, соч. Чайковскаго (стр. 16 от. 1905 г.). Пѣвчіе чудно пѣли тропарь Святителю и эктѣнью, гармонизованные самимъ г. Кудринымъ. Чувствовалось, что, какъ самъ регентъ, такъ и пѣвчіе глубоко проникнуты вѣрою къ Святителю и любовію къ нему и пѣли отъ души, а не по заказу, не по казенному. Честь и слава молодежи съумѣвшей проникнуться такими святыми чувствами къ Святителю».

На общихъ спѣвкахъ, желая ознакомить регентовъ съ лучшими пріемами регентованія и пѣнія, объединить пѣвчихъ, сблизить воодушевить одною идеею. Братство устраивало платные концерты. 9 февраля 1903 года подъ управленіемъ архіерейскаго регента О. М. Попова въ Общественномъ Собраніи былъ данъ концертъ соединеннымъ хоромъ, въ составъ коего вошли: хоръ архіерейскій, Спасской церкви, Владимірской, Преображенской, Крестовоздвиженской, Успенской и церковно-учительской семинаріи.—Въ Общественномъ Собраніи въ день столѣтія со дня открытія мощей Св. Иннокентія 11 февраля 1905 года состоялся концертъ, въ коемъ принимали участіе 150 чел. учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ города и любителей пѣнія. Исполнены вполнѣ хорошо сочиненія Бортнянскаго, Чайковскаго, Сырбулова и др. Управлялъ П. А. Кудринъ. Публики полный большой залъ Общественнаго Собранія. 7 марта 1910 года тоже въ Общественномъ Собраніи былъ устроенъ концертъ подъ управленіемъ Паничева. Пѣвчихъ до 140 чел., изъ средне-учебныхъ заведеній города и любителей.

Накануѣ концертовъ устраивались генеральныя репетиціи, на кои допускались безплатно учащіеся учебныхъ заведеній города. Большихъ реклямъ для своихъ концертовъ Совѣтъ Братства не дѣлалъ, билетовъ не развозилъ, однако всѣ концерты, кромѣ послѣдняго, были удачны въ матеріальномъ отношеніи. Справедливость требуетъ сказать, что всѣ они были удачны, какъ по выбору пѣснопѣній, такъ и по выполненію ихъ.

Кромѣ того, при двухъ безплатныхъ публичныхъ лекціяхъ были устроены концертныя отдѣленія. Именно, въ 1903 году въ зданіи Городской Управы и Городского 5-го класснаго училища. Въ обоихъ случаяхъ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Публики было множество. Народъ сидѣлъ на окнахъ, плотной массой стоялъ въ залахъ, толпился въ корридорахъ и проч.

23 февраля и 22 марта 1906 года при платныхъ лекціяхъ были устроены концертныя отдѣленія.—Пѣлъ архіерейскій хоръ въ 30 чел., подъ управленіемъ регента А. Г Волевачъ.—Исполнены композиціи Веделя, Старорусскаго, Ламакина, Львова, Бортнянскаго.

Кромѣ того, на торжественныя собранія, коихъ братство устраивало по два и даже по три въ годъ, приглашались для пѣнія церковно-музыкальныхъ пѣснопѣній за плату хоры: архіерейскій, Преображенскій, Спасскій и др. При религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ, въ перерывахъ, почти во всѣхъ аудиторіяхъ исполнялись вокальные номера, были иногда и инструментальные, изъ Мендельсона Пэйля, Данкля и др. Пѣли изъ ленты Алтайской миссіи: народный гимнъ «Коль славенъ», Славяне, Пѣснію высокой, задостойники, Покаяніе, Да исправится, стихиры Святителю, нотный тропарь ему же, составленный Анохинымъ, соч. Сапіелса и пр. Въ Вениаминовской аудиторіи нѣсколько разъ пѣли ученики этой школы, а въ Преображенской—ученики Преображенской школы.

Трудно перечесть всѣ тѣ пѣснопѣтія, кои были пропѣты въ Собраніяхъ Братства и на чтеніяхъ, устраиваемыхъ имъ, въ теченіе 10 лѣтъ. Думаю, что лучше духовныя нотныя пѣснопѣнія съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пропѣты всѣ. Все-таки создать свой прочный хоръ Братству не удалось и до настоящаго времени. Правда, въ теченіе одной зимы существовали курсы пѣнія, но затѣмъ они прекратились. Были испрошены предъ общимъ собраніемъ Братства 300 руб. въ 1906 году на устройство собственнаго хора и приглашенъ регентъ И. Кудринъ, но за неимѣніемъ собственнаго помѣщенія для классныхъ занятій, спѣвокъ, храненія нотъ и инструментовъ, потомъ за отъѣздомъ въ С.-Петербургъ для продолженія образованія г. Кудрина и за скуднымъ ассигнованіемъ, желаніе Совѣта Братства не исполнилось.

(Окончаніе будетъ).

Прот. Дим. Гагаринъ.

СТРАННЫЙ КОНЦЕРТЪ.

Въ 1888 году я проживалъ въ с. Усть-Удинскомъ, Балаганскаго округа, въ 250 вер. отъ Иркутска. Разговаривая однажды съ крестьяниномъ Михаиломъ, я услышалъ отъ него о пѣніи змѣй. Понятное дѣло, я усумнился въ правдивости разсказа крестьянина и тотчасъ-же высказалъ свое мнѣніе. Тогда крестьянинъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ въ змѣиную падь на рыбалку, на ночевку, гдѣ я и могу убѣдиться въ дѣйствительности его словъ.

Движимый любопытствомъ, я согласился, и чрезъ нѣсколько дней ѣхалъ съ нимъ на рыбалку. Мы ѣхали вдоль рѣки Уды по дорогѣ, ведущей на пашни и дроворубы. Мѣстность была гористая, дорога шла большею частью по склонамъ горъ, и въ моей памяти осталось воспомпнаніе о красивомъ пейзажѣ, разстилавшемся предъ нашимъ взоромъ далеко внизу.

Тамъ пробѣгала рѣчка, а на противоположномъ берегу находился густой, дремучій боръ, верхушки котораго при вѣтрѣ очень походили на волнующееся море.

Нашъ таборъ былъ у рѣчки, съ одной стороны шли горы. Днемъ я ловилъ рыбу, разъ оборвался съ высокаго берега и чуть не утонулъ.

Какъ бы въ доказательство, что въ этой мѣстности много змѣй, мнѣ въ теченіе дня пришлось увидать ихъ нѣсколько штукъ близъ шалаша, а одна переплывала рѣчку, но, увидавъ меня, измѣнила направленіе и выползла въ кусты.

Мнѣ хотѣлось прогуляться на гору, усѣянную поломаннымъ, гніющимъ лѣсомъ; она представляла изъ себя мертвую мѣстность, какую рѣдко приходится видѣть, лишь изрѣдка кое-гдѣ торчали зеленые кустики. Но меня предупредили, что тамъ много змѣй и прогулка туда не безопасна. Я съ нетерпѣніемъ дождался ночи. На ночь вокругъ нашего берестяного шалаша были положены волосяныя возжи, какъ препятствія противъ пожалованія къ намъ змѣй. Меня разбудилъ Михайло, когда было еще совершенно темно.

— Скоро начнется разсвѣтъ и змѣи запоютъ,—сказалъ онъ.

Прошло минутъ 15—20 въ ожиданіи. Вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, по всей горѣ, уходящей вдаль, диссонансомъ, нарушившимъ тишину, раздался концертъ, отъ котораго стало жутко. Вѣдь этотъ концертъ,

которымъ наполнился воздухъ десятка верстъ, производили живыя существа! Если это, дѣйствительно, змѣи, то какая тутъ ихъ масса—ими сплошь усѣяна вся гора! Звукъ этотъ описать невозможно, его надо слышать, чтобы понять его своеобразность, но все же для представленія о немъ можно изобразить шипящимъ звукомъ ш и окончаніемъ **шкъ**, при чемъ звукъ ш идетъ съ переливами нѣсколько секундъ, а потомъ рѣзкій звукъ **шкъ**. Пѣніе выдѣлялось какъ бы группами: въ одномъ мѣстѣ только кончатъ, въ другомъ начнутъ; въ общемъ выходило и жутко и интересно. Концертъ продолжался около получаса и какъ онъ мгновенно начался, такъ же и кончился, будто невидимый дирижеръ далъ знакъ перестать.

Наступила мертвая тишина; затѣмъ, стало свѣтать. Меня била лихорадка, зубы стучали, какъ это бываетъ при нервныхъ потрясеніяхъ; я былъ пораженъ и почему-то вѣрилъ, что слышанные сейчасъ звуки принадлежатъ именно змѣямъ. Сознаться въ этомъ предъ мужичками не хотѣлось; я сказалъ, что замерзъ и они меня накрыли зипуномъ.

На мое замѣчаніе, что это однако пѣли сверчки (кузнечики), а не змѣи, мнѣ сказали, что если бы это было пѣніе сверчковъ, то неужели они, крестьяне, этого не знали бы. Защищать высказанное я не имѣлъ данныхъ, тѣмъ болѣе сознавалъ, что **крестьяне правы.**

Разговоръ моихъ шалашниковъ перешелъ на змѣй Одинъ крестьянинъ, между прочимъ, сказалъ, что какой-то мужичекъ однажды зашелъ въ густой лѣсъ, гдѣ услышалъ раздававшееся изъ чащи **оханье.** Онъ пошелъ по направленію голоса и увидалъ висѣвшую на вѣткѣ змѣю, завязанную узломъ, а внизу подъ нею лежала пшеничная булка. Съ конца хвоста змѣи капала на булку кровь и булка послѣ паденія каждой капли подымалась и издавала звукъ «охъ»!

Булку онъ палкою отодвинулъ изъ подъ змѣи и, взявъ ее, почувствовалъ, какъ она трепетала, отнесъ и бросилъ въ текущую рѣчку.

Булка быстро поплыла противъ теченія и въ скоромъ времени она пристала къ берегу. Крестьянина это удивило: онъ разломилъ булку на мелкія части и вновь бросилъ въ воду, куски поплыли все-же противъ теченія, но скоро всѣ соединились въ общую массу и приняли бывшую форму булки,—которая скоро исчезла изъ вида.

Булка со змѣиной кровью, добытой сказаннымъ образомъ, по объясненію разсказчика, необходима для знахарокъ, такъ какъ она имѣетъ какую-то волшебную силу при заговорахъ и нѣкоторыхъ лѣчебныхъ способахъ.

Второй крестьянинъ разсказалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ на сѣнокосѣ во время сна въ ротъ одного мужичка вползла змѣя. Пришедшіе на мгновеніе видѣли торчащій изо рта хвостикъ змѣи. Когда спавшій проснулся, то сказалъ, что видѣлъ во снѣ, будто пилъ холодную воду.

Ему однако ничего не сказали насчетъ змѣи, попавшей въ ротъ. Въ тотъ же день принялись за извлеченіе непрошенной гостьи. Для этого стали быстро гонять лошадь и, когда она сильно согрѣлась, то деревянною палочкою соскабливали съ нея потъ и стряхивали его въ стаканъ.

Затѣмъ, въ жарко натопленную баню хитростями затащили проглотившаго змѣю. Здѣсь нѣсколько человѣкъ съ большими усиліями влили ему въ ротъ собранный стаканъ лошадинаго пота и, повѣсивъ его за ноги къ потолку, начали парить вѣниками.... Чрезъ нѣсколько времени змѣя вышла обратно чрезъ ротъ-же. Конечно, пацієнтъ былъ снятъ съ веревки безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ сознаніе, ему сообщили, что было произведено извлеченіе заползшей въ ротъ змѣи....

Крестьяне что-то еще говорили, но я уснулъ: когда же проснулся, солнце высоко стояло на небѣ. Я сразу вспомнилъ утренній концертъ змѣй и посмотрѣлъ на «змѣиную гору» и мнѣ стало жутко.

Можетъ ли кого заинтересовать мое сообщеніе,—не знаю, но я описалъ то, что меня удивило, когда мнѣ было 17 лѣтъ, что крѣпко запечатлѣлось въ моей, тогда еще молодой, памяти.